

Н. ПРОНИНА

АЛЕКСАНДР
НЕВСКИЙ

Национальный герой
или предатель?

КОГДА ВРУТ УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ

НАТАЛИЯ ПРОНИНА

*Александр
Невский*

Национальный герой
или предатель?

Москва
«Яуза»
«ЭКСМО»
2008

Оформление серии художника *А. Зарубина*

Пронина Н. М.
П 81 Александр Невский — национальный герой или предатель? — М.: Яуза; Эксмо, 2008. — 320 с. — (Когда врут учебники истории).

ISBN 978-5-699-25630-3

Народ, не способный защитить свое прошлое, теряет будущее. Не случайно распад СССР начался с очернения отечественной истории. Были растоптаны многие национальные святыни, оболганы национальные герои. Ложь проникла даже в школьные и университетские учебники. Не избежал ее и Святой Благоверный князь Александр Невский.

Был ли Александр Ярославич первым на Руси «предателем-коллорационистом», как утверждают некоторые историки?

Верно ли, что он «попрал русскую свободу», войдя в «преступный сговор с Батыем» и встав на путь «позорного подчинения азиатским завоевателям»?

Наталья Пронина убедительно доказывает, что все эти обвинения насквозь лживы. На страницах ее книги во всем величии своего подвига предстает великий воин и смиренный пред Богом страстотерпец за Русь, зовущий к Борьбе и Жертве, каким князь Александр был всю свою недолгую жизнь и каким навеки остался в памяти русского народа.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-699-25630-3

© Пронина Н. М., 2008

© ООО «Издательство «Яуза», 2008

© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

К истории вопроса

Не в силе Бог, а в правде!

*Александр Невский,
Новгородская первая летопись*

Небезызвестный ректор РГГУ Ю.Н. Афанасьев не так давно заявил, что Святой благоверный князь Александр Невский фактически является первым русским «коллорационистом», исключительно ради удовлетворения собственных политических амбиций предавшим интересы Руси¹. Именно Александр Невский, считает историк, впервые «попрал русскую свободу», вступив на путь позорного подчинения азиатским завоевателям. Отвергнув помощь Запада в борьбе с нашествием орд Батыя, именно он, более всех прочих русских князей, оказался виновен в последующем оформлении почти двухсотлетнего татарского ига над Россией. Причем данное высказывание российского либерала, по известной традиции (традиции многовековой рабской зависимости российских «просвещенных» авторов от идейной установки с Запада), самым теснейшим образом совпало с точкой зрения современного английского исследователя Джона Феннела, который в опубликованной в 1989 году в России книге «Кризис средневековой Руси» также крайне одиозно рассматривает деятельность Александра Невского, доказывая, что политика этого русского князя в отношениях с монголо-татарами была именно предатель-

ской. Что в 1252 году Невский совершил преступление, помешав своим родным братьям, Андрею и Ярославу, поднять восстание против татар, тем самым якобы положив «конец действительному сопротивлению русских князей Золотой орде на многие годы вперед». И что, следовательно, «требуется беспредельная щедрость сердца, чтобы назвать его политику самоотверженной»².

С готовностью как бы развивая и конкретизируя мысль о «Невском — предателе», пытаюсь «объяснить» позицию князя, Юрий Афанасьев говорит также о существовании уже в те времена (середина XIII века!) «глубочайшего различия между галицкими и московскими князьями». Ибо если, по мнению историка, московские правители были лишь подлыми и коварными деспотами, которые, выступая на стороне татар, угнетали свой народ еще хуже, чем любые захватчики, то князья Галицкие — т. е. князья Юго-Западной Руси — это совсем другое дело. Почти идеальным рыцарем здесь якобы выступает современник-антипод Александра Невского — князь Даниил Романович Галицкий. Правитель, не только не отказавшийся от предложений западной помощи, но, напротив, даже принявший корону из рук римского понтифика и именно в союзе с европейскими государями пытавшийся противостоять огненному напору кочевников. Иными словами, неискушенному читателю автор прозрачно намекает: вот какой блестящий был прецедент! Вот по какому пути следовало тогда пойти в с е й Руси. По пути сближения с западной цивилизацией, принятия тех «общечеловеческих» ценностей, которые наверняка избавили бы нас и от азиатской деспотии, и от прочих бед... Сама история России сложилась бы совсем по-другому, не исковеркай ее своим ошибочным выбором Александр Невский. Правда, о дальнейших исторических судьбах непосредственно Галицко-Волынской Руси господин ректор предпочитает уже не говорить. И это понятно. Ведь тогда

волей-неволей пришлось бы вспомнить о том, чем обернулась та первая попытка «дружественного сближения с Европой» для юго-западных земель гибнущей Киевской державы. А обернется она настоящей трагедией. Пройдет лишь немногим более 80 лет после смерти Даниила Романовича, как детище князя — «королевство Русьское» — в 1349 г. разделят между собой Польша и Литва. Отныне в течение пяти столетий на Галичине и Волыни будут беспредельно хозяйничать поляки, венгры, немцы, с методичной жестокостью вытравляя из народа его собственную историческую память и Веру. Древнее государственное единство и суверенитет этих земель впервые возродятся в полном объеме только в XX веке, в составе Украинской Советской Социалистической Республики при красном диктаторе Сталине.

Но, повторим, обо всех этих довольно общеизвестных фактах Ю.Н. Афанасьев вспоминать не желает. И сие тоже объяснимо. Ведь для него, почти полузабытого ныне «глашатая демократии» эпохи перестройки, бросившего не один «разоблачительный» камень в наше прошлое, подлинная историческая реальность объектом научных интересов никогда не была. Ранее ревностно служа марксистско-ленинской идеологии, он потом с неменьшим рвением взялся ее критиковать. Уже это прямо свидетельствует, чего в действительности стоят «изыскания» «специалиста-историка» подобного рода. На такие мелочные потуги, лишенные даже тени научной объективности, не хотелось бы обращать внимания, столь они мизерны. Однако и пройти мимо — является преступлением. Ибо высказывание «Александр Невский — предатель-коллаборационист» — это не просто гипотеза, предложенная Юрием Афанасьевым в порядке научного обсуждения. Это — точка зрения, которую автор ничтоже сумняшеся считает необходимым ввести, сделать доминирующей в школьных и вузовских учебниках, навязать как

общепринятое мнение многомиллионной теле- и радио-аудитории. А значит, это не что иное, как еще один подрывной выпад информационной войны против России. Войны, ядовитым острием направленной, прежде всего, на разрушение национального самосознания русских людей, на уничтожение нашего духовного иммунитета.

В своих предыдущих публикациях мы уже неоднократно подчеркивали катастрофические результаты этой войны. Когда под воздействием всеобъемлющей критики русский народ вынуждали отказываться от собственных нравственных и политических ориентиров, тем самым парализуя его волю к государственной самозащите. Так произошло в 1917 году. Почти с точностью повторилось в 1991-м. И с новой силой разворачивается в наши дни, когда под видом «более объективного подхода» и «преодоления мифологизированного сознания» предпринимаются шаги к развенчанию даже самых выдающихся, общепризнанных национальных героев России. Главной конечной целью указанных действий является, разумеется, не поиск исторической истины. Главная задача нового наступления информационной войны против нашего Отечества состоит в том, чтобы уже окончательно растоптать, опорочить весь исторический путь России и, таким образом, заставить ее все-таки принять западные «общечеловеческие» ценности. Заставить Россию подчиниться «демократии по американскому образцу». Втянуть нашу страну в удушающую воронку глобализации, или, как писал еще в XIX веке русский философ К.Н. Леонтьев, «гибельного всемирного всесмешания».

Следовательно, только хорошо зная и умея защитить свое прошлое, мы найдем силы защитить будущее своей страны. Точно так же, как и теперь, сквозь неодолимую грань столетий, по-прежнему СВЕТЯТ, ЗАЩИЩАЮТ, ПРЕДОСТЕРЕГАЮТ нас бессмертные лики наших святых, наших мучеников, наших князей-воителей, всегда,

во все века смирявшихся перед Богом, но никогда не уступавших врагам земли Русской. Личный ратный и державный подвиг великого князя Александра Ярославича Невского в этом отношении особенно значим. А потому к грязным упрекам в его адрес необходимо прислушаться с особенным вниманием. Прислушаться и разобраться. И тогда сама собой бессильно падет темная пелена. Сама собой обнажится вся лживая, русофобская сущность мифа о князе-коллорационисте, якобы вступившем в предательский сговор с Батыем...

Правда, положение здесь усугубляется тем, что, проникнутая «прогрессивными» идеями либерализма, классическая российская историография о Невском почти молчит. (Равно как, подобострастно оглядываясь на Запад, избегала она писать и о других выдающихся деятелях нашего прошлого.) Например, крупнейший историк, работавший в конце XIX — начале XX века В.О. Ключевский в своем фундаментальном «Курсе русской истории» отвел прославленному князю всего несколько строк³. Гораздо пространнее был С.М. Соловьев. В многотомной «Истории России с древнейших времен», изложив обстоятельства знаменитого Ледового побоища, автор затем сухо сообщает: покончив с агрессией крестоносцев, Александр Невский действительно отверг предложенную папой римским помощь в борьбе с монголо-татарским нашествием. Более того, став Великим князем Киевским, Александр Ярославич неоднократно ездил «на поклон» к Батыю и даже брал у него войска для подавления восстания, которое будто бы поднял против татар родной брат Александра — Андрей Ярославич⁴. Однако вместе с тем исследователь совершенно не объясняет, а какие же, конкретно, «предложения помощи» поступили тогда на Русь? Была ли эта предполагаемая «помощь» хоть сколько-нибудь реальной? И, самое главное, что в действительности заставило великого русского полководца

сделать именно тот единственно возможный и единственно спасительный выбор, который он и сделал, склонив свою голову перед Батыем?

К сожалению, кратко, в сжатом биографическом очерке об Александре Невском, попытался четко ответить на эти вопросы только Н.И. Костомаров. «XIII век, — в первую очередь указывал историк, — был периодом самого ужасного потрясения для Руси. С востока на нее нахлынули монголы. С северо-запада угрожало немецкое племя под знаменем западного католичества. Задачей политического деятеля того времени было поставить Русь по возможности в такие отношения к разным врагам, при которых она могла *удержать свое существование*. Человек, который принял на себя эту задачу и положил твердое основание на будущие времена дальнейшему исполнению этой задачи, по справедливости ... был князь Александр Ярославич Невский»⁵.

И еще одному русскому исследователю удалось с особенной глубиной постичь образ и главный смысл деятельности этого князя. Постичь, хоть и работая уже далеко от России, уже в эмиграции, после трагического обвала 1917 года... В 1925 г. в Берлине была впервые опубликована небольшая, но очень емкая по содержанию статья известного публициста и историка Русского зарубежья Г.В. Вернадского «Два подвига св. Александра Невского». Отталкиваясь от обвинений «в чрезмерной осторожности по отношению к татарам», которая якобы была свойственна Невскому⁶, автор подчеркивает: в сложившихся тогда исторических условиях «Русь могла погибнуть между двух огней в героической борьбе одновременно на два фронта. Предстояло выбирать между Востоком и Западом. Двое сильнейших русских князей того времени сделали выбор по-разному. Даниил Галицкий выбрал Запад и с его помощью попытался вести борьбу против Восто-

ка. Александр Невский выбрал Восток и под его защитой решил отбиваться от Запада».

Таким образом, политический выбор Александра Ярославича был обусловлен не «трусостью», как писал когда-то маркиз де Кюстин, и не «деспотической психологией» русского князя, как тщится утверждать ныне Ю.Н. Афанасьев. Политический выбор Невского, доказывает Г.В. Вернадский, прежде всего основывался на очень точном знании князем современной ему международной обстановки и не менее точной, трезвой оценке своих собственных сил. Но и не только.

Главным, что определило выбор Невского, было глубочайшее осознание князем корневой страшной сути агрессии с Запада. Осознание того, что походы крестоносцев против Руси — это не просто межгосударственный конфликт, но война Церквей, или, как сказали бы теперь, война идеологий. Война католического Рима против православия — основного духовного оплота русского народа, живительного стержня его национального самосознания и культуры. Лишившись этого стержня, знал князь, Русь навсегда уйдет в историческое небытие. Точно так же, как наверняка знал он и другое. Знал, например, о том, пишет Г.В. Вернадский, что «основным принципом Монгольской державы была именно широкая веротерпимость, или даже более — покровительство всем религиям. Первые монгольские ханы, которые создали мировую монгольскую империю, состояли преимущественно из буддистов и христиан (несториан). Именно отсюда проистекает то принципиально сочувственное отношение ко всякой религиозно-церковной организации, которое составляет такую характерную черту монгольской политики и которое удержалось потом в значительной степени даже в мусульманской Золотой орде... Гениальным чутьем Александр понял, что в его историческую эпоху основная опасность для православия грозит именно с Запа-

да, а не с Востока, от латинства, а не от монгольства. *Монголы несли рабство телу, а не душе. Латинство грозило исказить самое душу*⁷. Или, говоря другими словами, восточные завоеватели, хотя и пленили государство Русь политически, но не уничтожали его национально-религиозной самобытности.

Между тем, согласно православному вероучению, «подвиг власти может заключаться в том, чтобы достойно отстаивать внешнюю независимость и величие сана — отстаивать даже до смерти. Но подвиг власти может состоять также и в том, чтобы, выполняя основные задачи сана, защищая «благочестие и люди своя», внутренне преодолевать, когда это нужно для исполнения основной задачи, земное тщеславие власти». И как человек, получивший прекрасное богословское образование, а главное, глубоко верующий, великий полководец Александр Невский действительно, когда стало необходимо, нашел в своей душе силы поступиться этим «земным тщеславием власти». Временно поступиться государственным суверенитетом Руси в пользу монголо-татарских завоевателей — РАДИ СОХРАНЕНИЯ религиозной свободы. Ради сохранения православия как нравственно-политической силы русского народа. Силы, которая и стала в будущем основой его державного возрождения. Созидание «Русского православного царства совершилось на почве, уготованной Александром...»⁸.

Такова была точка зрения Г. В. Вернадского, который считал, что именно двумя своими подвигами спас князь Александр Невский Россию в XIII веке: подвигом борьбы с Западом и подвигом смирения перед Востоком⁹. Точка зрения, повторим, с наибольшей остротой и достоверностью высвечивающая подлинный образ Александра Ярославича Невского, абсолютно справедливо причисленного Русской православной церковью к лику Святых.

Разумеется, для советской марксистско-ленинской

историографии подобная трактовка изначально оказалась неприемлемой. И если большинство дореволюционных отечественных исследователей негласно и «дипломатично» всего лишь избегали писать о Невском, то в советской исторической литературе (особенно на раннем этапе ее развития) дело обстояло совсем иначе. Факт канонизации князя вызывал теперь уже о т к р ы т у ю неприязнь. А обязательный «классовый подход» напрочь заменил историческую реальность. В подавляющей массе работ того времени (20—30-е годы XX века, не забудем — годы самой ожесточенной борьбы с религией!) авторами всячески тиражировался исключительно «образ» «Невского-предателя», «прислужника попов», который «ценой народной крови» «купил себе в Орде ярлык на великое княжение» и «выхлопотал льготы для церкви». Особенно постарался в этом отношении секретарь ЦК ВКП(Б) Е.М. Ярославский (Миней Губельман) редактируя известный журнал «Безбожник».

Только возникшая к началу 40-х годов угроза еще одного германского нашествия, а затем и жертвенный огонь Великой Отечественной войны помогли очистить, с новой силой высветить в сознании русских людей память о великом государе-ратоборце. Выпущенный тогда же художественный фильм «Александр Невский» стал поистине народным. И дух князя, который, по словам древней летописи, «побеждал всех, но сам не был побежден никем и никогда», вновь защищал Русскую землю, укрепляя народную решимость и волю к победе. Так же, как героически сражалась за Родину и созданная на средства Русской православной церкви эскадрилья боевых самолетов имени Александра Невского.

Однако, по сути, то была лишь краткая вспышка,живительный, но краткий миг подлинного народного патриотизма, когда духовно обкраденной «т.т. Ярославскими» России позволили вспомнить о своем великом тысяче-

летнем прошлом. С окончанием войны 1941—1945 гг. тема Невского практически опять оказалась заглушенной жесткими схемами исторического материализма. Вопрос о полководческом даре и, главное, о выдающейся прозорливости Александра Невского как политика с должной объективностью и широким привлечением источников изучался только в работах В.Т. Пашуто, Б.Я. Рамма, И.П. Шаскольского, В.В. Каргалова¹⁰. Но и эти по большей части сугубо научные издания до массового читателя почти не доходили. Так что, хотя в сознании многих наших людей и продолжали жить затверженные еще по школьному учебнику несколько дат, касающихся князя-победителя, но, к сожалению, они очень мало подкреплялись к о н к р е т н ы м знанием и пониманием того, с к е м, зачем и почему вел борьбу князь Александр Невский? Что отстоял он для Руси своими победами война и своей мудростью государя?

Потому-то и оказалось так легко сегодняшним идейным наследникам «т. Ярославских» и иже с ними опять заговорить о «проклятом самодержавии», о русских «царях-тиранах» и «попах-кровопийцах», с той лишь разницей, что, если в 20 — 30-е годы это делалось под видом «борьбы против религиозного дурмана и пережитков прошлого», то теперь с претензией на высокую научность определяется как «преодоление мифологизированного сознания». Но неизменной, как уже было сказано выше, осталась их главная потаенная цель. Цель — опорочить, оболгать историю России. Цель — на глубинно-психологическом уровне взорвать и уничтожить наш народ. И значит, если русские хотят выжить в этой жестокой схватке, нам необходимо защищать свое прошлое. Защищать свою историческую память и Веру, так же как защищали ее наши великие пращурь.

Итак, перелистаем еще раз шершавые страницы древнерусских летописей. Вчитаемся в готическую вязь сред-

невековых европейских хроник. Откроем тома академических монографий. И пусть сама История ответит на вопрос, кем был Александр Ярославич Невский — Святым воином за землю Русскую или все же предателем-коллорационистом?..

Сначала — взгляд на Запад...

Глава I

DRANG NACH OSTEN

У ИСТОКОВ

Это далеко не простой вопрос — что представляла собой Европа к началу XIII века. Чем жила, во что верила и, наконец, к чему стремилась та самая «цивилизация», к которой попытался присоединиться, надеясь на ее защиту и помощь, князь Даниил Романович Галицкий, но с которой не пожелал вступить в политический союз князь Александр Ярославич Невский?

Как известно, в IV — V столетиях могучая некогда Римская империя распалась. Увы, пораженная, прежде всего, духовно-идеологическим кризисом, она не смогла выдержать натиска варваров. Ее не спас своими мудрыми реформами император Диоклетиан. Не спас ее и Константин Великий, перенесший столицу Империи из дряхлеющего старого Рима в «Рим новый» — Константинополь, основанный им в 325 г. у берегов Босфора, на месте древнего греческого поселения Византии. Именно этому «новому Риму», столице Восточной части империи (Византии), суждено будет еще восемь веков хранить высокие державные и культурные традиции Древнего Рима, пока не придет час принять эти традиции Риму Третьему — Москве. Тогда как Западная (собственно европей-

ская) часть империи уже к VI в. полностью раздробится на множество полудиких варварских королевств, постоянно воюющих между собой.

Так что действительно довольно справедливо отмечал один из знаменитых философов: в наследство от погибшего античного мира Европа получила лишь несколько полуразрушенных городов и Христианство. К исходу первого тысячелетия нашей эры эта новая религия уже охватила своим влиянием почти все ее земли. Рим и Греция — два крупнейших региональных центра этой новоформирующейся и пока еще канонически единой религиозно-церковной структуры — вели проповедь Евангелия, каждый на своей территории, почти не соприкасаясь и не вступая в конфликт. Граница между ними проходила в основном по Балтийскому морю, р. Висле, Карпатам. Западная (римская) церковь включила в круг своего подчинения все романские и германские народности, а из славян — их западную группу: хорватов, чехов, поляков. Восточная (греческая) церковь несла Слово Божье славянам южным — болгарам, сербам и славянам восточным — русским. Между этими огромными (особенно для того времени) пространствами оставалась сравнительно небольшая область земель, еще не тронутая христианизацией. А именно земель, лежащих к востоку от берегов Балтики, между низовьями Вислы и Финским заливом. Они были заняты литовско-латышскими племенами, а также финским племенем эстов. И так случится, что племена эти еще в течение двух столетий, вплоть до 1200 г., будут оставаться языческими. Приостановка христианской проповеди на этой небольшой полосе земли во многом объяснялась ее отдаленностью и почти полным отсутствием там дорог, торговых путей. С суши Восточная Прибалтика была совсем недоступна из-за непроходимых лесов. Что же касается самого Балтийского моря, то

оно служило пока только для случайных пиратских нападений скандинавских викингов.

Но, очерчивая сию краткую схему распространения и постепенного утверждения христианства в Европе в качестве господствующей религии, нам необходимо не упустить главного обстоятельства этого очень сложного исторического процесса. А конкретно то, что если на Востоке христианская церковь изначально формировалась именно на принципе соборности, т.е. свободного, равноправного единения многих христианских митрополий, и соответственно решения всех наиболее важных вопросов вероисповедания и церковной жизни только путем совместного обсуждения на Вселенских соборах, то Западная (римская) церковь этот принцип с самого начала отвергла. Отвергла, претендуя исключительно на свое собственное главенство во всем христианском мире.

Эти претензии базировались в первую очередь на предвзятом использовании евангельских строк об апостоле Петре, которому Христос сказал: «ты, Петр, и на камне сем (по-гречески Petros — petra — скала, камень) я создам церковь мою, и ворота адовы ее не одолеют». Однако вскоре к этому добавилась и откровенная фальшивка «Константинова дара» — так называемой официальной грамоты, согласно которой император Константин Великий в знак благодарности «за наставление в истинной вере» и «исцеление от проказы» якобы передал римскому епископу — папе Сильвестру I — верховную власть над Западной частью Римской империи¹¹. Так что, отмечает исследователь Б.Я. Рамм, уже в выступлениях Льва I (440 — 461) папа прямо объявляется «наместником» апостола Петра на земле и создаются догматические обоснования примата римского первосвященника над главами остальных христианских церквей. Причем, указывает тот же историк, с самого начала эти догматы стали подкрепляться такими весьма значительными реальными факто-

рами, как приобретаемая римским духовенством земельная собственность¹². Западно-римская церковь быстро превращалась в богатейшего землевладельца, и именно на этом крепло ее не только духовное, но и светское могущество.

Могущество, которое в очень скором времени дало возможность римским первосвященникам посягнуть на самую концепцию власти. Ибо если на Востоке, в Византии (т.е. в Восточной части Римской империи), сам император являлся наместником Христа, а тем самым и главой всей христианской церкви (в том числе и римской епархии), то на Западе... На Западе уже с конца V века началась усиленная разработка идеи всемирной власти римского епископа. Например, папа Геласий I (492—496) заявлял, что «величие пап выше, чем величие государей, так как папы освящают государей, но сами не могут быть освящены ими»¹³.

Таким образом, теократические притязания римских понтификов, их стремление избавиться от любого подчинения светской власти, и в первую очередь власти константинопольского императора, становились все более ощутимыми. Так же, как все более явственной становилась политическая и духовная разобщенность между Восточной и Западной частями когда-то единой Империи. В реальной повседневной жизни это находило выражение, например, в том, что зимой элементарное почтовое сообщение между Римом и Константинополем почти прекращалось. Так что хотя римский епископ формально еще по-прежнему продолжал оставаться подданным константинопольского императора, но даже утверждение вновь избранного папы подолгу задерживалось. (Скажем, после выборов Целестина (422—432) прошло целых полтора года, пока Константинополь утвердил его избрание.) Наконец, стремительно забывался раннесредневековым Западом сам греческий язык — его место

занимала грубая латынь. И ни религиозные, ни философские учения Малой Азии уже не доходили до Рима, захлебываемого волнами нашествий варварских племен.

Особенно жаждал освободиться от подчинения Константинополю папа Григорий I (590—604). «С этой целью, — отмечает историк, — он подстрекал антиохийского и александрийского епископов к сопротивлению распоряжениям константинопольского патриарха». Доказывая, что титул «вселенский» присвоен столичным патриархом незаконно, папа требовал от императора удалить из церкви этот «безбожный и гордый титул». В то же время он заявлял, что может существовать лишь титул «верховного епископа», на который законно претендует лишь один римский епископ, являющийся главой всей церкви в качестве прямого преемника апостола Петра¹⁴.

Иными словами, при Григории I папство уже открыто вступило в борьбу за собственное верховенство. Точно так же, как открыто был отвергнут папством существовавший в Византии высокий принцип именно равноправного взаимодействия церковной и светской властей. То единое в Духе взаимодействие императора и патриарха, которое получило глубокое философское определение «симфонии»... Но Запад, повторим, отверг пример Византии. И, пишет историк, «подобно отдельным светским феодалам, дравшимся между собою за власть, за богатство, за первенство, папство подрывает могущество светской власти и с ожесточением ополчается именно против равноправия двух сил, духовной и светской, которому не должно быть места там, где провозглашена «христианская республика», поглощающая, разумеется, государство. Ссылаясь на сочинения бл. Августина, Григорий I в обращении к императору говорил, что «земная власть служит небесной», что христианское государство должно быть прототипом идеального царства божьего (*civitas dei*). Изгнание из «божественного мирового порядка»

«двуглавого чудовища» и подчинение всего христианского мира принципу единства только под эгидой Рима становятся со времен Григория I главной задачей папства»¹⁵.

Это все обостряющееся противоборство с Константинополем не остановила даже угроза захвата Рима лангобардами. Ненависть к Византии была столь велика, что папы считали за лучшее идти на переговоры с варварами, нежели просить военную помощь у императора. Так, Григорий II и Григорий III предпочли прямо откупиться, отправить очень крупные денежные суммы лангобардскому королю Лиутпранду (712—744) и даже уступить ему часть своей территории. Более того, за спиной Константинополя начались тайные дипломатические переговоры между Римом и Павией, лангобардской столицей. Но когда стало ясно, что плодами побед Рима над византийскими силами в Италии может воспользоваться лангобардский король, то папа снова вступил в переговоры с Византией. Причем эти переговоры умышленно затягивались, ибо, пишет историк, Рим «мечтал о том, чтобы создать какую-либо третью силу, которую можно было бы поочередно направлять то на Византию, то на лангобардов, тем самым сохраняя свою собственную независимость». И «такой силой, — подчеркивает С.Г. Лозинский, — казалась папству франкская монархия»¹⁶. Окончательный политический разрыв Рима с Константинополем произошел в момент, когда папа Стефан III (752—757) сам отправился за Альпы, к франкскому королю Пиппину Короткому (741—768). Отправился просить у него помощи одновременно и от лангобардов, и от византийских императорских войск...

Стефан III не ошибся в своих расчетах на этого правителя-узурпатора¹⁷. Общим советом франкской аристократии в Керси на Уазе действительно было принято решение защитить «дело святого Петра и святой римской

республики». Король Пиппин обещал своим войскам щедрые награды за участие в войне с лангобардами, и в 754 г. франки одержали победу. Одновременно папа, стремясь закрепить сей удачный союз, венчал Пиппина королевской короной и за пр е т и л франкам на будущие времена под страхом отлучения от церкви выбирать королей из какой-либо другой семьи помимо той, «которая была возведена (на трон) божественным благочестием и посвящена по предстательству святых апостолов руками их наместника, суверенного первосвященника».

Отныне Пиппин был провозглашен «божьим избранником». И в ответ на это франкский король в 756 г. торжественно передал Стефану III отвоеванные у лангобардов земли. Территорию весьма значительную. В ее состав входили равенский экзархат (включавший в те времена также Венецию и Истрию), Пентаполис с пятью приморскими городами (ныне Анкона, Римини, Пезаро, Фано и Сенегалья), а также Парма, Реджио и Мантуя, герцогства Сполето и Беневент и, наконец, остров Корсика. Что касается Рима и его области, то он не был в руках лангобардов, не был, следовательно, отвоеван у них Пиппином, не мог быть «подарен» папе, а принадлежал империи. Тем не менее «Пиппинов дар» включал и Рим, который и стал теперь столицей нового Папского государства...

Понятно, что сей щедрый «дар» имел своеобразный характер. Фактически, указывает историк, «Пиппин давал то, что принадлежало не ему, а Византии: ведь Римская провинция со столицей не была завоевана ни лангобардами, ни франкским королем и продолжала формально оставаться по-прежнему во власти Константинополя. И если Пиппин давал то, что принадлежало другому, то папа получал то, чего брат вообще не имел права. Будучи подданным византийского императора и утвержденным им в качестве римского епископа, папа, отправившись к франкскому королю под предлогом защиты

императорских интересов, на деле совершил прямую измену по отношению к своему государю и вступил на тот же грабительский путь, по которому шел Пиппин»¹⁸.

Так путем открытого предательства было создано Папское государство (или, как говорят иначе, Папская область). Так римский понтифик стал теперь уже не только церковным владыкой, но и светским государем. А вскоре этот политический разрыв между Римом и Константинополем довершится и великим Расколом Церкви — опять-таки по вине Запада. Дело произойдет следующим образом. Папа Лев IX потребует у императора, чтобы под его власть были отданы все южноитальянские земли, принадлежавшие дотоле Византии. И, как свидетельствует историк, византийский император Константин IV Мономах был готов на уступки. Но властным притязаниям папы воспрепятствовал патриарх Михаил Керулларий, в знак протеста закрывший в Константинополе все латинские храмы. Кроме того, в 1054 г. он не пожелал вступить в переговоры с присланными папой послами, которые вели себя вызывающе резко. И тогда латинский посол Гумберт 16 июня 1054 г. прямо во время богослужения в соборе Св. Софии Константинополя (главном храме Византии) положил на алтарный престол грамоту с папским проклятием патриарха¹⁹. Михаил немедленно созвал собор, ответствуя папе также анафемой. Так ранее канонически единое, живое древо Церкви разделилось на две ветви²⁰, и одна из этих ветвей — Западная — стала злейшим врагом своей Восточной (как елейно принято выражаться в католической богословской литературе) «церкви-сестры»...

Однако вернемся в Европу начала второго тысячелетия по Р.Х. Теперь, цепко пользуясь ее крайней феодальной раздробленностью, римский первосвященник, сам присвоив себе титул «духовного главы всего мира», стремительно начнет распространять свою юрисдикцию уже

на всю Италию, Испанию, Францию, Германию, Северную Африку, выступая, как подчеркивает исследователь, «не только в качестве главы церкви по вопросам ее организации и управления, но и в качестве верховной светской власти, «именем бога» диктующей свои решения»²¹.

Фактически это была попытка создания новой, всемирной «Христианской империи», единственным главой которой стал бы именно папа римский, как высший духовный сюзерен над всеми прочими светскими государями. Так, например, уже папа Николай I (858 — 867) открыто заявлял о своих правах участвовать в учреждении любой епархии, в любой стране, вторгаясь в установившиеся порядки феодального землевладения. Папа же Иоанн VIII в грамоте к императору Карлу Лысому прямо написал, что получением императорской короны тот обязан исключительно ему одному. И церковный собор в Павии подтвердил это заявление...²²

Особенную роль Западно-римская церковь стала играть именно около 1000 года. Тяжелые военные бедствия, мор и голод, обрушившиеся тогда на Европу, вызывали в народе веру в близкую кончину мира. И, пользуясь этими апокалипсическими настроениями, римское духовенство выступало с требованиями, чтобы люди приготовились к грядущему Страшному суду. Чтобы примирились, оставив взаимную злобу и вражду. Под влиянием этих проповедей начали собирать даже съезды духовных и светских лиц, на которых принимались торжественные обязательства соблюдать «Божий мир» (*пакс Деи*). Принимались также решения «не посягать на церковь и монахов», «не грабить крестьян и купцов», заключались договоры о «вечном мире». Участники этих договоров давали клятву избегать войн и вооруженной силой останавливать тех, кто станет провоцировать междоусобицы. В 989 г. синод, собравшийся в Пуату, на западе Франции, постановил, что нарушители мира будут подлежать отлу-

чению от церкви и вечному проклятию. Впервые подобное «Божье перемирие» (*treuga Dei*) было заключено в 1040 г. на синоде в Аквитании. Там решили приостанавливать военные действия каждую неделю, с вечера четверга и до понедельника, т.е., в те дни, которые посвящены памяти о страданиях и воскресении Спасителя, «так, чтобы всякий в эту пору без страха перед врагами своими, под охраной божьего мира, мог спокойно совершать свои дела». В Бургундии, на синоде в Монтре, к аквитанскому постановлению было добавлено, что войны также должны прекращаться на несколько дней для празднования Рождества и Пасхи.

Но, разумеется, это «миротворчество» было лишь внешним или, как сказали бы теперь, чисто пропагандистским, направленным на повышение авторитета Римской церкви. Реально она действовала совсем иначе. Например, папа Николай II (1059—1061), с подачи своего главного советника Гильдебранда, чтобы укрепить могущество «святейшего римского престола», заключил союз с... французскими норманнами. То есть с теми самыми воинственными скандинавскими викингками, которые своими разбойными набегами наводили ужас на всю тогдашнюю Европу. Которые, в IX веке осев на берегах Южной Франции, переняли местные обычаи и веру, но полностью сохранили свою прежнюю неумную страсть к далеким грабительским походам. Время от времени большими воинскими дружинами отправлялись они также на поклонение Гробу Господню в Палестину. Их промежуточной остановкой в этом направлении были прибрежные города Южной Италии. Еще в 1015 г. отряд норманнских рыцарей, возвращаясь из Иерусалима, отстоял от нападения сарацин южноитальянский город Палермо. Эта благословенно теплая и богатая земля привлекла их возможностью обильной, разнообразной добычи, и они стали возвращаться туда вновь и вновь. Пользуясь там постоянными усобицами между ланго-

бардскими баронами, а также ненавистью местного населения к господству византийцев, норманны укрепляли собственное влияние в этой стране. Обосновавшись в замках, которые были выстроены на торговых путях и близ приморских пристаней, они принялись вытеснять греков и подчинять лангобардов. Особенно отличилась на этом поприще семья (12 сыновей) небогатого норманнского рыцаря Танкреда Отвиля. Старший из них, Гильом Железная Рука, захватил город Мельфи и провозгласил себя графом Апулии. Но всех братьев превзошел своей жестокостью Роберт, прозванный Гвискаром (лукавым). О его циничной хитрости ходили легенды. Однажды он даже, чтобы проникнуть в укрепленный город, притворился умершим, в его лагере поднялся громкий плач и стенания, его товарищи униженно стали просить горожан пропустить их с телом в городскую церковь, дабы совершить отпевание. Но едва гроб внесли, из него выскочил Гискара, раздал мечи, спрятанные под покровом, и принудил жителей сдаться.

Вот с таким «благородным воином» не устыдился заключить союз римский понтифик. Более того, ссылаясь на пресловутый «Константинов дар», на «древнее право» папы распоряжаться всей Италией, Николай II уступил норманнам завоеванную ими землю и признал вышеупомянутого Роберта Гвискара герцогом Апулии и Калабрии. В ответ норманны принесли папе вассальную присягу и обязались помогать Римской церкви «против всякого ее врага». Это было тем более важно для Рима как раз тогда, когда только что (1054 г.) произошел его окончательный разрыв с Константинополем и Раскол Церкви.

Но подлинный характер «святейшего римского престола» и подлинные цели его договора с норманнами проявятся уже совсем скоро — в завоевании Англии. Ибо, как указывает историк, если раньше Римская церковь проповедовала мир, представляя себя как главную его

хранительницу, то «теперь она, для поддержания собственного авторитета, заключила союз с пришлой вооруженной силой и освятила, таким образом, завоевания, совершенные этой силой». Иными словами, «провозвестники мира сами завели себе воинство и объявили законной войну во имя интересов церкви. Норманны стали ее любимыми сынами...»²³

Итак, это тоже очень важно заметить нашему читателю: именно под покровительством Римской церкви совершили французские норманны еще одно, наиболее масштабное свое завоевание. Надо сказать, момент для этого был выбран весьма удачно. Еще в X ст. власть над туманным Альбионом отчасти захватили датчане. Там постоянно шла борьба между ними и представителями прежней англосаксонской королевской династии, что делало Англию практически беззащитной перед норманнским вторжением. Кроме того, английская церковь постепенно отдалилась, вышла из подчинения Риму, и теперь римские политики надеялись при помощи норманнов восстановить над ней свой контроль. В 1066 г. папа Александр II (1061—1073) в качестве благословения прислал герцогу Вильгельму Нормандскому специально освященное знамя для похода на Англию. Переправившееся через Ла-Манш войско Вильгельма было встречено близ Гастингса войсками короля Гарольда, выступившего на сей раз в союзе с датчанами. Но это английскому королю уже не помогло. Главную силу норманнов составляла конница; рыцари были в шлемах и кольчугах, напирали длинными тяжелыми копьями. Противник же Вильгельма Гарольд выставил одних лишь пеших воинов; между ними только датская гвардия была в броне, англосаксы же — просто в шерстяных кафтанах, с секирами в руках. Некоторое время Гарольд держался в окопах, но, когда его выманили в чистое поле, норманнская конница раздавила его войска, а он сам был убит.

После этой битвы при Сенлаке королем Англии был провозглашен Вильгельм Нормандский, принявший гордое прозвание Завоеватель, и действительно, до конца дней своих оставался именно жестоким Завоевателем. Все попытки восстания он беспощадно подавлял. А чтобы господствовать над Лондоном, выстроил в середине города на берегу Темзы и поныне знаменитую своей ощетинившейся мрачностью крепость — Тауэр. Вся земля королевства была объявлена собственностью короля; значительную часть ее он оставил себе в качестве домена (коронного владения), часть отдал своим вассалам, и, наконец, огромные земельные пожалования получила церковь в лице епископов, капитулов, монастырей. Да, Вильгельм навсегда запомнил «пастырское благословение», присланное в 1066 г. ему из Рима...

И все же наиболее знаменитым идеологом и исполнителем властных притязаний римских понтификов стал сменивший Александра II папа Григорий VII (Гильдебранд). Еще до момента своего избрания (1073 г.), в течение 20 лет руководя внешней политикой Римской церкви, как советник трех подряд предыдущих пап, он развил необычайно активную деятельность. Он учил, что «светская власть — от дьявола, духовная же — от Бога», а потому, чтобы изгнать дьявола и внести божественные начала в управление людьми, необходимо всю светскую власть подчинить духовной, всех государей — папе. И в соответствии с этим учением, отмечает историк, тогда не было короля в Европе, к которому Григорий VII не обратился бы с предложением стать под покровительство «святейшего престола» и принести в а с с а л ь н у ю присягу папе, подобно тому как сделали норманнские завоеватели. Точно так же, как ни в одной стране не упустил он случая потребовать взноса в пользу Римской церкви — так называемого «денария св. Петра»²⁴. Вот какую характеристику дает ему известный исследователь Средневеко-

вья Р.Ю. Виппер: «малый ростом, некрасивый, со слабым голосом, Григорий VII поражал своей необузданной воинственной энергией. Речь его была резкая и бурная; вместо «гнева Божьего» он говорил «ярость Господня»; он любил сравнивать орудия церкви с мечами и копьями. Был момент, когда он собирался лично встать во главе рыцарского ополчения и идти против неверных на освобождение Иерусалима. В терпении он видел не добродетель, а зло. Он низко ценил людей, сильные мира сего, государи и сеньоры, по его мнению, лишь соперничают в том, чтобы погубить церковь. Но на земле должна торжествовать справедливость, и во имя нее нет пощады и сострадания. *«Святой Петр, государь и властитель, первый после Бога, сломит своей железной силой все, что станет ему на дороге»*, — говорил Григорий. Главное основание мировой справедливости, считал неистовый понтифик, — безграничное господство Рима и папы; смиренными поездками в Рим должны все светские государи выказывать полную преданность ему. Церковные соборы — лишь свидетели деяний папы. Престол св. Петра может уничтожить силу любой присяги. Церковь — неизмеримо выше светской власти. Нижайший представитель церкви выше могущественного государя. Папа — верховный правитель на свете, императоры и короли обязаны беспрекословно повиноваться ему как верные вассалы. Ибо только папа решает, кто истинный, законный государь; отлучаемый же им от церкви король — не король более; как пепел и соломой развеет папа его силу по ветру...»²⁵. «Придите, святейшие и блаженные Петр и Павел, — восклицал Григорий VII, — дабы весь мир мог узнать и понять, что если вы можете вязать и решать на небе, то вы также можете делать это и на земле, соответственно с заслугами каждого человека, давать и отнимать империи, королевства, княжества, маркизаты, герцогства, графства и все, чем могут владеть люди»²⁶.

Таким образом, подчеркивает историк, именно со времен понтификата Григория VII (1073 — 1085) «начинается эпоха властной папской монархии, опирающейся на подчиненных чиновников-монахов и на собственные денежные средства. Во главе этого своеобразного государства в течение двух с лишним последующих веков (1073 — 1305) становятся даровитые, честолюбивые, беспощадные люди, крупные умы и характеры — Урбан II, Александр III, Иннокентий III, Григорий IX, Иннокентий IV, возобновляющие память о могущественных римских императорах (древности). Папы торжествуют не раз, опираясь на феодальное раздробление европейских государств...»²⁷. Как метко выразился немецкий историк В. Норден, римские понтифики стали «цезарями в первосвященнических рясах»²⁸. Мировое господство, власть — вот что окончательно сделалось их главной и единственной целью.

Эта необычайно возвысившаяся власть Римской церкви над всем средневековым обществом с наибольшей наглядностью даст о себе знать в организации общеевропейских Крестовых походов сначала против «неверных», за отвоевание Гроба Господня в Палестину, на Ближний Восток, а затем и на Восток Европы — против славян. Причем, подчеркивает историк, «существенной, составной частью этой программы было стремление папства ликвидировать самостоятельность восточной, Греко-православной церкви»²⁹.

Несколько выше упоминалось, что уже Григорий VII собирался лично встать во главе рыцарского ополчения и идти против неверных. Он же был и первым непосредственным автором плана общекатолического завоевательного похода на Восток. Как пишет исследователь, «ближайшая цель его состояла в том, чтобы, поставив греческую церковь под начало апостольского престола, проложить дорогу к подчинению папскому престолу и са-

мой Византийской империи. Это значительно расширило бы материальные ресурсы Римско-католической церкви и облегчило бы папству осуществление его универсалистской программы на Западе, особенно в отношении «Священной Римской империи»³⁰.

Для проведения в жизнь этих широких экспансионистских замыслов папство воспользовалось переменами в международной обстановке, которые произошли к началу 70-х годов XI столетия и крайне тяжело отразились на положении Византии. Дело было в том, что к этому времени наследница Римской империи на Востоке уже давно утратила многие из своих прежних владений. Отныне территориальную основу Византийской империи составляли Балканы и Малая Азия. Но и эти владения Византии становились все более уязвимыми и непрочными. В то же время крупные византийские города еще играли важную роль в средиземноморской торговле. (В особенности это касалось ее столицы — богатейшего Константинополя.) В середине XI века владения Византии начали тревожить тюркские кочевники — печенеги, захватившие тогда огромное степное пространство на юге Восточной Европы — от северных берегов Нижнего Дуная до Днепра и далее, к востоку от него. С 1048 года печенежские ханы стали совершать частые набеги на византийскую территорию: так же как это происходило на Руси, печенеги опустошали земли Болгарии, Македонии, Фракии, доходили до Адрианополя и угрожали самому Константинополю³¹. Когда же в начале 50-х годов эта опасность миновала, — Византии удалось отвоевать пределы Фракии и Македонии от печенегов, — их сменили нашествия уже других степных кочевников — половцев.

Однако еще более грозным и разрушительным оказался для Византии натиск тюркских кочевых племен, явившихся с востока, из Средней Азии. Это были турки-сельджуки. В 40-х годах они овладели южнокаспийскими об-

ластями, Западным и Центральным Ираном, а в 1055 году, покорив Месопотамию, заняли Багдад — столицу некогда могущественного халифата Аббасидов. Завоевания сельджуков на этом не кончились. В правление султана Алп-Арслана (1063 — 1072) сельджуки вторглись в Армению, большая часть которой находилась тогда под властью Византии. Они воевали с Грузией и во все большем количестве проникали непосредственно в византийские провинции Малой Азии — Каппадокию и во Фригию³². В Византии началась паника. Военная опасность со стороны сельджуков дала перевес в междоусобном противостоянии феодальных группировок малоазиатским динамам — «военной партии». Корону императора захватил выдающийся военачальник Роман IV Диоген (1068—1071). Он попытался остановить наступление сельджуков³³. Но, к сожалению, в этот критический для Византийской империи момент ее феодальная элита не посчиталась с общегосударственными интересами и нуждами. При императорском дворе возник заговор. Разведка специально сообщала ложные сведения о неприятеле. Командиры войска были деморализованы, дисциплина среди солдат подорвана. В 1071 году в битве с сельджуками при Маназкерте — севернее озера Ван в Армении — византийские войска потерпели страшное поражение. Император Роман IV попал в плен. А тем временем на престоле в Константинополе немедленно утвердился ставленник столичной знати — Михаил VII Дука. Византийцы отказались даже внести выкуп за плененного императора. Он был отпущен Алп-Арсланом на слово, но по возвращении Романа IV в Византию приближенные нового венценосца схватили его и, ослепив, по византийскому обычаю, заточили в крепость³⁴.

Это катастрофическое поражение «имело важное значение не для одной Византии, но и для всего христианского мира. Для сельджуков теперь открывался свобод-

ный путь к Мраморному морю и Босфору, они могли без особых затруднений осадить Константинополь»³⁵. Империя потеряла свои богатейшие малоазиатские провинции; ей удалось удержать за собой лишь немногие прибрежные города на западе полуострова. Как писал позднее историк, из окон императорского дворца в Константинополе теперь можно было видеть на востоке горы, которые уже не принадлежали империи. Таким образом, одна часть Византии оказалась захваченной сельджуками, другая же находилась в состоянии полнейшей анархии, кризиса власти. Феодалская знать то и дело поднимала мятежи против Константинополя, выдвигая своих ставленников на императорский престол, а государство в целом безудержно дробилось на мелкие, полусамостоятельные феодальные владения.

Всеми этими трагическими для Византии обстоятельствами и поспешил воспользоваться римский понтифик Григорий VII для того, чтобы заставить целиком подчиниться греческую империю и Церковь власти Рима. «Обессилевшая в борьбе с сельджуками, ослабленная изнутри, Византия, — пишет исследователь, — казалась ему легкой добычей»³⁶.

Прежде всего святейший отец использовал средства скрытого дипломатического давления. В 1073 году он вступил в переговоры с Михаилом VII Дукой о том, чтобы «возобновить древнее, богом установленное согласие между Римской и Константинопольской церквями». Тем самым, подчеркивает исследователь, папа хотел навязать Византии церковную унию на условиях полного подчинения греческой Церкви Риму. Однако непомерные требования Григория, выдвинутые им во время переговоров, натолкнулись на оппозицию в Константинополе. Вот тогда-то у папы и возникла мысль добиться своих целей вооруженной силой. Он задумал организовать военный поход в сторону Византии, *скрыв свои истинные цели*

*под лозунгами защиты христианской веры и помощи грекам против мусульман-сельджуков»*³⁷. (Подчеркнуто нами. — Авт.) Именно это как нельзя ярко свидетельствует, что «благочестивые цели» замышляемого «похода на Восток» изначально служили только идеологическим прикрытием для жестко-экспансионистской политики католического Рима. Что не «спасти восточное христианство», а прежде всего, именно «вернуть Греческую церковь «в лоно» Римской, иначе говоря — овладеть богатствами Греко-православной церкви, расширить сферу влияния католицизма за счет Византии, насильственным путем включив ее в орбиту папского воздействия — таковы были планы Григория VII»³⁸.

Понтифик спешил. Уже буквально лишь несколько месяцев спустя после начала переговоров с византийским императором он обратится с посланием к графу Гийому I Бургундскому, затем к немецкому императору Генриху IV (своему будущему заклятому врагу), к маркграфине Матильде Тосканской, наконец, «ко всем верным святого Петра» — с призывом принять участие в задуманной им войне на Востоке. С потрясающим лицемерием папа будет звать «выручить» восточную церковь из беды и не посягнет на обещания небесного воздаяния тем, кто даст согласие воевать с «неверными». «Бейтесь смело, — увещевал свою паству «духовный лидер» (как сказали бы теперь) Западной «цивилизации», — чтобы снискать в небесах славу, которая превзойдет все ваши ожидания. Вам представляется случай малым трудом приобрести вечное блаженство». И очень возможно, полагают исследователи, что призыв этот был услышан, так как сам папа в конце 1074 года уверял императора Генриха IV, что ему удалось уже собрать армию свыше 50 тысяч человек итальянцев и французов³⁹.

Понятно, что Григорий VII придавал задуманному им походу чрезвычайное значение. В своих письмах он не

успевал повторять, что лично желает встать во главе войска западных христиан и «отправиться за море», чтобы «спасти братьев по вере», «христиан-греков». Мечтал, впрочем, папа не только об «освобождении» Константинополя. Если, указывает историк, опять же судить по письмам понтифика к императору Генриху IV, мечтал он также и о том, чтобы выступить «вооруженной рукой против врага Господа и под собственным его (Бога) водительством дойти до Гроба Господня», т.е. до Иерусалима. «Такой проект, — пишет тот же исследователь, — должен был встретить благосклонное отношение у рыцарства и в крестьянской массе Запада среди тех слоев, которые, с санкции папства, уже до этого выступали под религиозным флагом против арабов в Испании. «Я верю, — писал папа Матильде Тосканской, — что в этом нам окажут содействие многие рыцари»⁴⁰.

Только, подчеркивает историк, неотложные дела на Западе (конкретно — противостояние с Генрихом IV) все же надолго отвлекли его от Византии, так и не позволив осуществить ее захват, хотя Григорий еще не раз порывался к этому. Например, Рим немедленно попытался воспользоваться обстановкой междуцарствия, когда после свержения императора Михаила Дуки Византию вновь охватила ожесточенная политическая борьба. Папа благословил на войну против итальянских владений империи уже известного читателю Роберта Гвискара и, кроме того, призвал католическое духовенство Южной Италии поддержать его наступление, обещая за это прощение всех грехов. Уже в 1081 году норманны вторглись на Балканский полуостров, захватили морскую крепость Диррахий (в Эпире, Албания) и проникли в глубь страны⁴¹. Причем жителей каждого из захваченных населенных пунктов норманны заставляли принимать католицизм.

«Но надо отметить, что новый византийский император Алексей I Комнин (1081 — 1118) как мог сопротивлялся

этой агрессии. Он пустил в ход все средства — и оружие, и хитроумную византийскую дипломатию, — пишет историк. — В частности, император заручился поддержкой врага папы Генриха IV, и немецкие войска вступили в Италию. В это же время Византия использовала помощь Венецианской Республики, испытывавшей опасения за свою торговлю в Адриатике, поскольку ее пути то и дело перерезали норманны. Наконец, не обошлось и без подкупов среди самого норманнского войска, особенно в Италии. Из-за угрозы нападения немцев с тыла, Роберт Гвискар прекратил свой поход. После его смерти в 1085 году земли, захваченные норманнами на Балканах, острова и гавани на Адриатике были отвоеваны Византией с помощью венецианского флота. Правда, венецианцы потребовали большого вознаграждения: им были предоставлены огромные привилегии — беспошлинная торговля во всех городах Византии, свобода от контроля таможенных чиновников в греческих портах, и вдобавок к этому — жалованье венецианскому дожу от византийской казны»⁴².

«Благочестивое» дело Григория VII суждено было с успехом продолжить его не менее известному преемнику — папе Урбану II (1042—1099), в миру — Одону де Лажери, французу по происхождению. «Умный, красноречивый, осторожный, он примирился с западными монархами, создал огромный авторитет папству и продолжал борьбу только с императором Генрихом IV. Именно папа Урбан II стал отцом-вдохновителем Первого крестового похода, после того как произнес на Клермонском церковном соборе 1095 года свою знаменитую речь, в которой призвал поддержать византийского императора Алексея I Комнина и освободить Константинополь»⁴³.

И снова, разумеется, как всегда было свойственно Римской церкви, в этом «предприятии» она учитывала не только духовный, но и материальный интерес. Ее беспо-

коил не столько вопрос о «защите христиан» от нападений «неверных», сколько покорение новой паствы, приобретение новых земель. Это было тем более существенно, что тогда Европа, пишет историк, буквально «кишела мелкими князьками, вассальными рыцарями, которые теряли почву под ногами ввиду усиления крупных феодалов, захватывавших их земельные владения. Бывшие ранее почти самостоятельными хозяевами, мелкие феодалы мечтали о возвращении утраченных владений, своей независимости и рады были добыть их, хотя бы и на далеком Востоке. Эти разорившиеся и терявшие свободу люди охотно откликнулись на зов папы римского идти воевать ради «спасения христианства» от ислама. За рыцарями готовы были потянуться и крестьяне, терпевшие от неимоверной эксплуатации, усугублявшейся к тому же бесконечными феодальными междоусобицами. Наконец, самое важное, крестоносцы, владевшие землей, отдавали свои «осиротевшие» имения «под опеку» церкви вплоть до «благополучного возвращения из похода», и эта «временная» отдача приобрела тем более широкий размах, что уходившие в поход феодалы в противном случае рисковали увидеть свои участки захваченными более крупными землевладельцами, остававшимися в Европе. Отдать церкви — означало при таких обстоятельствах защитить «осиротелую» землю от рук соперника с надеждой получить ее обратно при возвращении с войны. Таким образом, церковь за годы Крестовых походов накопила колоссальные земельные богатства, которые фактически остались в ее руках, так как крестоносцы редко возвращались благополучно обратно. Мало того, даже возвращавшиеся далеко не всегда могли вступить во владение своими участками, так как за время их отсутствия эти участки в качестве выморочных полностью переходили во владение церкви»⁴⁴.

Таковы, подчеркивает исследователь, были основные

причины, вызвавшие Крестовые походы, главным организатором коих выступила Римская церковь. Возглавляя это «богоугодное движение», папство рассчитывало еще раз воочию доказать, что политическое главенство и реальная власть над всей Западной Европой принадлежит именно римскому понтифику, а не германскому императору, с коим папы пребывали тогда в жесткой многолетней ссоре, и даже отлучили от церкви императора Генриха IV⁴⁵.

Непосредственным же толчком к организации Первого похода явилось следующее. В конце XI столетия одновременно с Малой Азией турки-сельджуки стали быстро завоевывать Сирию и Палестину. В 1071 году ими был захвачен Иерусалим, до этого находившийся под властью арабского халифата Фатимидов (окончательно сельджуки утвердились там к концу 70-х годов). В связи с этим историк С.Г. Лозинский пишет, что, пока Палестина оставалась во власти арабов, склонных к веротерпимости, с христианских пилигримов, отправлявшихся на поклонение Иерусалимским святыням, взималась только небольшая подать. Но как только в 1084 г. власть над Землей обетованной захватили турки-мусульмане, пробиваться к Гробу Господню европейцам стало значительно сложнее, начались нападения и побоища. Дошло до того, что в порядке самозащиты богомольцы стали собираться в группы сотнями, а то и тысячами человек и появлялись у стен Иерусалима теперь уже только хорошо вооруженными отрядами. Вот этим и воспользовался в 1095 г. папа Урбан II, официально объявляя о созыве Первого крестового похода во имя освобождения Святой земли⁴⁶.

Вместе с тем здесь необходимо сказать, что другой исследователь, М.А. Заборов, высказывал по этому поводу несколько иное мнение. Так, он писал, что уже много веков после непосредственного начала крестоносного движения, западные хронисты «измыслили различные леген-

ды о гонениях сельджуков на христиан в восточных странах, о поругании «язычниками» христианских святынь, преследованиях паломников, направлявшихся в Иерусалим. Историки последующих столетий подхватили эти легенды, разукрасили их всевозможными подробностями. В результате получилось так, что на протяжении девяти с лишним столетий многочисленные авторы «историй» Крестовых походов один за другим твердили, что именно сельджукское завоевание Ближнего Востока послужило причиной или, по крайней мере, непосредственной причиной «вооруженного паломничества» к Иерусалиму, предпринятого Западом с конца XI века: сельджуки-де создали угрозу для христианства, и это потребовало военного вмешательства благочестивых католиков, предводительствуемых папством. Подобные представления о причинах Крестовых походов распространены и поныне...»⁴⁷.

И с этим жестким замечанием трудно не согласиться. Ибо на протяжении предшествующего изложения внимательный читатель, думается, уже хорошо мог убедиться, что было главным в политике Римской церкви, какие широчайшие захватнически-экспансионистские замыслы ставила она перед собой, неизменно подчиняя этим замыслам каждый свой политический шаг. Так же случилось и с организацией Первого общекатолического крестового похода. Благочестивая идея «защиты христианства» от притеснений «неверных» во многом изначально была лишь фикцией, чисто внешним прикрытием потаенно-агрессивных целей Ватикана в отношении Византии и всего Ближнего Востока. Это подтверждают, указывает тот же автор, и новейшие исторические исследования. Завоевавшим Сирию и Палестину сельджукам (как и их предшественникам — арабам) вовсе не была свойственна фанатическая религиозная нетерпимость. Положение христианского населения, подпавшего под власть тюрк-

ских завоевателей, в религиозном отношении не изменилось к худшему. По отношению к иноверцам сельджуки проводили лояльную политику, установившуюся еще во времена арабского господства. Захваченная в 1084 году Антиохия оставалась резиденцией православного патриарха. Другому православному патриарху было разрешено жить в Иерусалиме. Никаких серьезных стеснений непосредственно в делах веры сельджуки не чинили. Касательно же западных паломников, то они по-прежнему могли беспрепятственно посещать Иерусалим, не подвергаясь оскорблениям со стороны сельджуков. С них только взимали определенную мзду за посещение Святого города. Но, однако, точно так же, указывает исследователь, и в Константинополе пилигримы должны были платить налог византийским властям. Следовательно, в этом тоже невозможно усматривать признак религиозной нетерпимости сельджуков. Таким образом, рассказы хронистов о «страданиях христиан» на Ближнем Востоке — «все в значительной мере досужие выдумки более поздних западных писателей. Они умышленно сеяли слухи о всякого рода злодеяниях сельджуков против христиан, делая это в чисто политических целях — для того, чтобы рассказами об угрозе христианским святыням со стороны «неверных» содействовать притоку новых контингентов с Запада»⁴⁸.

Итак, пользуясь быстро развивающимся военным наступлением сельджуков, папа Урбан II не только воскресил план похода на Восток под предлогом защиты христианства, но и значительно дополнил, расширил захватнический замысел своего предшественника Григория VII, разработал его детально. Отныне нуждающейся в «защите» Запада объявлялась уже не только Византия, но и все Восточное Средиземноморье. Иными словами, все эти земли должны были стать объектом эксплуатации Рим-

ско-католической церкви⁴⁹. Момент для реализации этого плана Урбан выбрал весьма выгодный.

Против власти Византии восстали подчиненные ей земли Болгарии. Почти одновременно с этим во Фракию снова вторглась печенежская орда. В 1088 году печенеги нанесли императору Алексею Комнину тяжелейшее поражение при Силистре, разорили крупные византийские города Адрианополь и Филиппополь, подступили к стенам столицы. Наконец, в этот же момент непосредственная угроза Константинополю надвинулась и с другой стороны — со стороны сельджуков. Эмир Чаха, захватив много островов в Эгейском море, послал к Константинополю свой флот и, кроме того, начал переговоры с печенегами. Был выработан план совместного наступления. Таким образом, древняя столица Восточно-Римской империи действительно оказалась в огненном кольце⁵⁰. Вот именно в этот наиболее критический для Византии момент, писала позднее дочь императора Алексея Комнина, Анна Комнина, крупнейший византийский историк, когда дела империи «как на море, так и на суше были в слишком худом положении, тем более что жестокая зима 1090/1091 г. заперла все выходы так, что от сугробов снега нельзя было даже отворить дверей из домов»⁵¹, папство, как и полтора десятка лет назад, при Григории VII, снова предприняло попытку оказать нажим на православных греков, прикрываясь елейными фразами о «братской помощи». Послы Урбана II, прибывшие в Константинополь в 1088 году, сделали Алексею I заявление о том, что в Византии якобы принуждали католиков осуществлять богослужение по греко-православному обряду.

Как поступил в этой сложной ситуации византийский император? Есть свидетельства, что он ответил папе благосклонно и даже согласился на уступку Риму — в частности, был определен срок созыва в Константинополе церковного собора, на котором предполагалось урегулиру-

ровать спорные догматические и обрядовые разногласия между православной и католической церквями. Начались прямые переговоры об унии. Наконец, император обратился с посланиями к государям Европы, в которых содержалась просьба о военной помощи Византии (но подлинники посланий не сохранились, и это не исключает вероятность их подделки, фальсификации на Западе)⁵². Однако дальнейшие события зримо показали, что все перечисленные выше уступки византийской стороны были лишь видимостью. Лишь вынужденным и временным отступлением... Исследователь отмечает: «притязания (римской) курии на абсолютное верховенство в объединенной церкви давно были известны в Константинополе. (А потому), ведя переговоры с Римом об унии и соблазняя западных феодалов надеждами на грабеж восточных стран, византийское правительство принимало и другие, более верные меры для прорыва сельджукско-печенежского окружения. Против печенегов были брошены новые союзники Византии — половцы»⁵³.

Уже весной 1091 года с печенежской ордой было покончено. Флот эмира Чахи не успел подойти ей на помощь. А чуть позднее и сам Чаха потерпел жестокий разгром от византийских войск. Так, «действуя то военной силой, то интригами и подкупом, — пишет историк, — Алексей I, в конце концов, избавился от страшной опасности, грозившей Константинополю. Византия сумела вернуть под свою власть ряд прибрежных пунктов в Мраморном море, острова Хиос, Самос, Лесбос. Сельджуки были потеснены. Теперь не для чего было заигрывать и с Римом. Переговоры об унии оказались безрезультатными. К досаде Урбана II Византия практически *не пошла* на уступки курии. Намечавшийся собор так и не состоялся...»⁵⁴.

Однако послания с просьбой о помощи, вынужденно написанные императором Алексеем, уже были «запущены в оборот», точно так же, как был запущен в действие и

план организации общеевропейского Крестового похода на Восток, отказываться от которого папа вовсе не соби-
рался. «Он учел воинственные настроения феодальных
владельцев на Западе и постарался извлечь из них макси-
мальную выгоду для католической церкви. Стечение об-
стоятельств предоставляло, казалось, удобный случай
осуществить с помощью рыцарства давние замыслы пап-
ства, сделать важный шаг на пути к созданию «мировой»
теократической монархии»⁵⁵.

Глава II

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ — КАК ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЭКСПАНСИИ КАТОЛИЧЕСКОГО ЗАПАДА

Приступая к непосредственной организации Первого крестового похода, Урбан II, как француз по происхождению, рассчитывал, конечно, прежде всего, на поддержку родины. В 1095 г. он созвал церковный собор в Клермоне (горной области в середине Франции), который, отмечают историки, носил чрезвычайно пышный характер: в его работе принимало участие 14 архиепископов, свыше 200 епископов и 400 аббатов. Именно там, 26 ноября 1095 года, после завершения заседаний собора, под открытым небом на огромной Клермонской равнине, раскинувшейся за стенами города, ибо (свидетельствует хронист) ни один городской храм не мог вместить гигантской толпы собравшегося народа, папа и произнес свою знаменитую речь, считающуюся началом «крестоносного движения на Восток». Речь, представлявшую собой пламенную проповедь, в которой святейший отец, изобразив яркими красками страдания христиан в Константинополе и в Палестине, впервые открыто призвал народ к войне за освобождение Гроба Господня⁵⁶.

Ход оказался продуманным безукоризненно точно. «Призыв, брошенный в Клермоне, — пишет историк, — вполне соответствовал подвижническим чаяниям народ-

ных масс. В первую очередь на него откликнулись задавленные нищетой и гнетом крестьяне, мечтавшие об «искупительном подвиге», который дал бы им освобождение. Папство, уловив настроение крепостной массы, предложило ей конкретный план такого подвига, но, разумеется, с совершенно иными целями, чем те, которых добивалось крестьянство...»⁵⁷ Затронуло также обращение папы и интересы огромного числа обедневших рыцарей, и тех (уже отнюдь не бедных) феодальных владетелей, которые стремились приобрести или расширить себе имения путем грабежа и завоеваний земель на Востоке.

Поэтому неудивительно, что под влиянием речи Урбана II с восторженными кликами «так хочет Бог!» тут же «приняла крест» (дала обет идти в поход) масса людей — духовенство и миряне, священники и монахи, сеньоры и рыцари, горожане и крестьяне. Все в горячем порыве стали тесниться к папе, чтобы именно из рук «святейшего отца» получить лоскуток красной материи в виде креста и прицепить его к своей одежде. Особенно усердные выжигали крест на собственном теле. В тот же день папа отправил окружное послание архиепископам, в котором торжественно оповещал о решении собора и требовал дальнейшего активного распространения этой вести по всем церквам и приходам. «Принявшим крест» он обещал освобождение от мук чистилища, прощение всех долгов, а также охрану семей и имущества во время отсутствия воителя. Срок выступления крестоносного воинства был назначен на 15 августа 1096 года.

Фактически на призыв Клермонского собора откликнулась вся Западная Европа — население Англии, Франции, Италии, Германии. Исследователь подчеркивает: весть о походе, распространяемая монахами и проповедниками, создала сильнейшее возбуждение, которое проявлялось в различных формах. Например, почти повсеместно произошли погромы и резня евреев-торговцев. Так

что только в прирейнских городах погибло тогда от рук крестоносцев до трех с половиной тысяч евреев. Исчезли ранее процветавшие общины Трира, Майнца, Кельна, Вормса и Праги⁵⁸.

Множество представителей знати снимались с насиженных мест, распродавали из своего имущества все, что только можно было распродать, закладывали землю и снаряжались в путь. Даже герцог Роберт Нормандский, старший сын Вильгельма Завоевателя, заложил герцогство своему брату, королю Англии, за 10 тысяч фунтов серебра. Простой же люд поднимался иногда целыми деревнями⁵⁹, от мала до велика⁶⁰. Тяжелая нужда, неурожай, голод, дороговизна жизни гнали в «святую армию» крестьян, городскую бедноту, стариков, женщин. Наконец, еще одна характерная черта этого разноликого «крестоносного воинства» — наличие в нем самых заурядных уголовников. Как писал хронист Альберт из Экса, воры, шарлатаны, тунеядцы, грабители и убийцы в огромном количестве шли в крестоносные отряды. Ведь поход обещал богатую добычу, а гарантированное Урбаном II «вечное блаженство на небесах» всем его участникам развязывало руки даже тем, кто еще колебался идти на прямой грабеж и преступления...⁶¹

Именно такие, практически никем не организованные толпы простонародья первыми и выступили в поход. Как пишет историк, задолго до срока, назначенного Клермонским собором, ранней весной 1096 года на Восток потянулись первые крестьянские отряды из Северной и Центральной Франции, Фландрии, Лотарингии, Нижнего Рейна. Позже за ними последовали такие же отряды из Скандинавии, Англии, Испании, Италии. Крестьяне шли почти безоружными. Дубины, косы, топоры заменяли бедноте копья и мечи. «Подобно беспорядочным скопищам переселенцев поспешно двинулись они — кто пешком, кто на двухколесных тележках, запряженных быка-

ми, — вместе со своими женами, детьми, жалким скарбом, прочь от неволи, притеснений и голода, с тайной надеждой лучше устроиться на новых местах, в Земле обетованной»⁶².

Двинулись десятки тысяч людей. Например, в отряде северофранцузских крестьян, предводителем которого являлся разорившийся рыцарь Вальтер Голяк, насчитывалось около 15 тысяч человек, и из них лишь 5 тысяч были вооружены. Немного меньше — 14 тысяч человек — шло за известным французским монахом-проповедником Петром Пустынником (Амьенским). 5 тысяч крестьян пошли под командованием рыцаря Фульшера Орлеанского, еще столько же из рейнских областей за священником Готшалком. Главную силу всех этих отрядов составляло в основном крепостное крестьянство. Но уже тогда, подчеркивает исследователь, этим «крестьянским движением стремились воспользоваться в своих корыстных целях наиболее воинственно настроенные представители низших слоев рыцарства и некоторые крупные феодалы. Они видели в крестьянской массе как бы «ударную силу» для собственных завоеваний на Востоке. Вот эти-то люди и старались захватить в свои руки военное предводительство над крестьянскими толпами»⁶³.

Единственным для этого «воинства» «крестоносцев»-бедняков средством добыть себе пропитание в дороге был грабеж местного населения тех земель, через которые оно проходило, что является одной из наиболее темных сторон всего «крестоносного движения» Средневековья. Например, проходя через территорию венгров, болгар, а затем и самой Византии, «крестоносцы»-бедняки силой отнимали продовольствие у местных жителей. Так, как это было, например, вблизи Белграда, где отряд Вальтера Голяка в начале июня 1096 года захватил большое количество лошадей, рогатого скота, овец у окрестных крестьян. А чуть позже, в конце июня, «крестоносцы»,

шедшие под началом Фульшера Орлеанского, силой взяли в Венгрии городок Невтра, а затем разгромили город Землин (на границе Венгрии и Византии), убив в нем около 4 тысяч человек. Насилиями и грабежами был также отмечен путь отрядов Эмихо Лейнингенского и Гийома Шарпантье⁶⁴.

«Когда крестоносное ополчение приблизилось к границам Венгрии, там уже знали, с кем приходится иметь дело, и приняли меры предосторожности. Король Коломан стоял с войском на границе и поджидал крестоносцев. Он согласился не только пропустить их, но и снабдить съестными припасами, если они не будут делать насилий и беспорядков. Первая толпа, пришедшая в Венгрию, имела во главе Готшалька. Здесь услышала она, что другой отряд, предводимый Эмихо Лейнингенским, был почти весь уничтожен в Чехии князем Брючиславом. Тогда ополчение Готшалька, считая своим долгом отомстить за своих собратьев, начало опустошать страну, по которой оно проходило. Тогда Коломан напал на крестоносцев и одним делом решил участь всего отряда», полностью разгромив его⁶⁵.

Таким образом, венгры, болгары, а в дальнейшем и византийцы, отмечает историк, дали энергичный отпор этим неожиданным «освободителям Гроба Господня». В многочисленных битвах с разрозненными крестьянско-рыцарскими отрядами они беспощадно уничтожали крестоносцев, которых называли нехристями и ворами, отбивали захваченную ими добычу, преследовали и убивали оставших в пути. В этих сражениях «крестоносное воинство» понесло в целом очень большие потери. Некоторые отряды были рассеяны. Другие, например, «войска» Готшалька, Фолькмара, Эмихо Лейнингенского полностью уничтожены в Венгрии (близ города Визельбурга). Там было перебито такое множество крестоносцев, что воды Дуная, как рассказывает Лотарингская хроника, побаг-

ровели от крови и исчезли под трупами, плывшими вниз по реке⁶⁶.

Пройдя Болгарию и Венгрию, «крестоносное воинство» вступило на территорию Византии. Оно шло через Филиппополь. Грабежи и насилия продолжались, ибо у крестьян-бедняков не было средств, чтобы уплатить за провиант, предоставленный им по распоряжению императора Алексея Комнина. Со второй половины июля 1096 года значительно поредевшие отряды крестоносцев начали прибывать в Константинополь. Первым подошел со своими людьми Вальтер Голяк, затем Петр Пустынник⁶⁷. Деморализованные предшествующими грабежами, эти «воины Христовы», отмечает исследователь, и в столице Византии повели себя так же разнузданно, как и до этого. Константинополь захлестнула волна разбоев. Нищие крестоносцы не устыдились грабить даже храмы. Тем не менее византийские власти попытались было «удержать толпы бедноты с Запада, пока подоспеют феодальные войска. Но эти попытки не увенчались успехом. Измученные крестьяне не теряли надежды на лучшее будущее в Земле обетованной, и они рвались туда во что бы то ни стало. В этих условиях Алексей счел за лучшее поскорее избавиться от непрошенных «союзников» и менее чем через неделю после прибытия Петра Пустынника в Константинополь начал переправлять крестоносцев на другой берег Босфора. Оборванные и почти безоружные толпы крестьян были собраны и размещены лагерем на южном берегу Никомийского залива, в укреплении Цивитот, что в 35 км к северо-западу от Никеи. Оттуда совершенно не признававшие дисциплины отдельные отряды бедняков-крестоносцев начали на свой страх и риск осуществлять беспорядочные, более-менее отдаленные вылазки и вступать в бой с сельджуками. Некоторые из этих отрядов достигали даже предместий самой Никеи, находившейся в руках противника. В конце сентября

1096 года ватаги крестоносцев овладели крепостью Ксеригордон близ Nikei. Однако сельджуки окружили их и в середине октября полностью разбили»⁶⁸.

После этого поражения Петр Пустынник, воочию убедившись, что всякие попытки остановить рвавшихся сражаться людей — дело безнадежное, вернулся в Константинополь. Вскоре же в Цивитоте разнесся слух, что норманны взяли Nikeю. Возможно, указывает историк, что этот слух был специально пущен никейским султаном с умышленно провокационной целью. Ибо именно слух об этом взятии окончательно взвинтил остатки «войска» крестоносцев-бедняков. «Одни, боясь упустить свою долю добычи, другие, стремясь возможно скорее достигнуть цели похода — «отомстить» сельджукам за «надругательства» над верой, снялись с места и двинулись к Nikee. Однако на подступах к городу «крестоносцы» были встречены заранее подготовившимися к схватке сельджукскими войсками, которые 21 октября 1096 года перебили 25-тысячную «армию» бедняков с Запада. Как писала впоследствии Анна Комнина, «ведь племя латинян... очень жадное на богатство, теряет рассудок и становится совершенно неукротимым, если задумает набег на какую-нибудь землю. Двигаясь неправильным строем, а не отрядами, они наткнулись на турок, устроивших засаду близ Дракона, и были убиты самым жалким образом. Жертвой исмаильских мечей стало такое множество кельтов и норманнов, что те, кто собирал валявшиеся повсюду трупы заколотых, сложили из них не холм, и не бугор, не горку, а огромную гору, необыкновенную по высоте и толщине; вот какой курган костей они набросали...»⁶⁹ В сражении пали Вальтер Голяк и другие рыцари, претендовавшие на руководство крестоносцами. Всего около 3 тысяч человек смогло спастись от истребительного преследования сельджуков. Остатки «войска» были спешно перевезены на византийских судах в Константинополь. Таков оказал-

ся горький финал попытки крепостного крестьянства и прочей бедноты средневекового европейского Запада, руководствуясь религиозной идеей «освобождения Гроба Господня», уйти от феодального гнета в Землю обетованную. И, в сущности, этот стихийный, почти никем не организовывавшийся и не поддававшийся никакому контролю «поход» во многом экзальтированной европейской бедноты, начавшийся непосредственно сразу после «пламенной» Клермонской проповеди Урбана II, — «поход» этот, повторим, стал лишь трагической прелюдией к походу подлинному. К первому организованному походу на Ближний Восток европейского объединенного рыцарского войска, в котором и проявятся уже все истинные захватнические цели возглавленного Римской церковью крестоносного движения.

Поход этот начался в августе 1096 года, когда тронулось в путь большое рыцарское ополчение из Лотарингии. Предводительствовал им герцог Готфрид IV Бородатый, именовавшийся Готфридом Бульонским (по названию главного герцогского замка — Бульона — в Арденнах). Затем к Готфриду присоединился его младший брат Балдуин, бывший служитель церкви, алчность которого, как отмечает исследователь, и желание приобрести новые владения на Востоке «были главным стимулом, побудившим его принять участие в «священной войне». Рыцарская армия направилась к главному сборному пункту крестоносцев — Константинополю — по той же дороге, по которой недавно прошли отряды бедняков»⁷⁰.

Отправившихся на Восток нормандских рыцарей Южной Италии возглавлял Боэмунд Тарентский. Это тоже был один из самых алчных феодальных хищников среди тех, кто принимал участие в Первом крестовом походе⁷¹. Он обладал недюжинными военными и, что было не менее важно, дипломатическими способностями, а потому с самого начала принялся обдуманно и методично осуще-

ствлять свои захватнические планы. Войско его, погрузившись в октябре 1096 года на корабли в Бари, переплыло Адриатику и высадилось в Эпирской гавани Авлоне, на западном берегу Балканского полуострова. Отсюда италийские норманны через византийские Македонию и Фракию двинулись к столице империи⁷².

Выступила в октябре 1096 года в Крестовый поход большая рыцарская армия из Южной Франции. Ее возглавлял Раймунд IV Сен-Жильский, граф Тулузский. Безудержное стремление, прикрываясь лозунгом «защиты христианства», еще больше расширить свои и без того значительные владения уже в 80-х годах вовлекло Раймунда в испанскую реконкисту. Однако, подобно тому как Боэмунд Тарентский ничего не достиг в греческих землях, Раймунд IV потерпел крушение своих планов на испанских землях. Видимо, поэтому Раймунд, даже невзирая на свой преклонный по тем временам возраст — ему было за пятьдесят, — первым из титулованных особ отозвался на клермонскую речь Урбана II.

Средневековый французский хронист передает в связи с этим такой яркий эпизод: когда папа завершил свою проповедь под открытым небом на Клермонской равнине, послы Раймунда Тулузского немедленно объявили о желании графа Сен-Жилля выступить на войну по призыву апостольского престола. В действительности появление графских послов в Клермоне было заранее подготовлено, а все действия графа согласованы с Урбаном. Ведь еще по пути в Клермон, в сентябре 1095 года, папа специально заезжал к своему вассалу для того, чтобы заручиться его согласием на участие в Крестовом походе. Ибо «для папы было весьма важно привлечь в число активных сторонников затевавшейся им крестоносной экспедиции одного из крупнейших князей Южной Европы: инициатива графа Сен-Жилля послужила бы примером для других сеньоров и рыцарей. И Раймунд IV с готовностью пошел

навстречу пожеланиям Урбана II — захватническая война на Востоке вполне соответствовала его интересам...»⁷³

Немного позже двинулось в путь большое рыцарское ополчение из Северной Франции под предводительством Роберта, герцога Нормандского, Стефана, графа Блуа, и графа Роберта II Фландрского. Роберт Нормандский, старший сын знаменитого Вильгельма Завоевателя и брат тогдашнего английского короля Вильгельма Рыжего, как подчеркивает историк, тоже принял участие в походе «совсем не из религиозных побуждений». В своем герцогстве он пользовался весьма ограниченной властью и располагал малым доходом. Большая часть городов Нормандии принадлежала английскому королю, бароны не оказывали повиновения своему герцогу. Для Роберта поход в Святую землю казался единственным средством выйти из затруднительного положения⁷⁴. К нему примкнули не только французские вассалы, но и рыцари из Англии и Шотландии.

Наследственные же земли французской короны представлял в Крестовом походе родной брат короля Филиппа, Гуго, граф Вермандуа. Как отмечает старый исследователь, «это был еще молодой человек, гордый своим происхождением» и... очень тщеславный и пустой, по свидетельству Анны Комнины⁷⁵. Поход был для него лишь средством для поиска славы и новых владений. Он спешил как можно скорее добраться до Константинополя и предпринял путь через Италию, чтобы отсюда морем переехать в Византию. Поспешность повредила ему: «он действительно первым попал в Константинополь, но в печальном положении: изрядно потрепав, буря выбросила его корабль на берег, где византийская береговая стража нашла графа в самом плачевном состоянии. Он, таким образом, должен был без особенных почестей отправиться в Константинополь по приглашению императорских чиновников...»⁷⁶ Именно Гуго Вермандуа, сообщает Анна

Комнина, во время перехода через земли Италии, вместе с пастырским благословением получил из рук Урбана II «священную хоругвь св. Петра» для похода на Иерусалим⁷⁷.

Так, «разными путями, но примерно из одинаковых побуждений» отправились на Восток высшие и средние представители европейского феодального рыцарства и знати. За их войсками вновь пошло немало бедняков из крестьян, надеявшихся, что хотя бы в далеких заморских землях им удастся добиться лучшей доли⁷⁸. Однако, подчеркивает исследователь, эти хорошо вооруженные рыцарские отряды, внешне упорядоченные несравненно лучше, чем было организовано прежнее нищее «крестоносное воинство» бедноты, — отряды эти, повторим, единой сплоченной армии все же не составляли. В соответствии со средневековой традицией, каждый более-менее крупный феодальный сеньор отправлялся на войну со своим собственным войском, которое почти не было связано с другими войсками других сеньоров. У них не было ни высших, ни низших военных предводителей. Не было общего командования. Не было даже общего маршрута движения. Состав отдельных ополчений, стихийно группировавшихся вокруг наиболее именитых феодалов, часто менялся, так как рыцари-воины подчас переходили от одного предводителя к другому, в зависимости от материальных выгод, которые, как им казалось, мог сулить данный переход⁷⁹.

А потому и эта крестоносная «рать наместника святого Петра», еще не дойдя до Константинополя, тоже «прославилась» неслыханной разнузданностью, грабежами, разбоями и убийствами. Например, лотарингские рыцари разграбили всю Нижнюю Фракию. Жестокие насилия над местным населением Эпира, Македонии и Фракии чинили нормандские рыцари Боэмунда Тарентского. Поистине дикими разбоями ознаменовали свой переход через Дал-

мацию (Словению) «защитники христианской веры» из войска графа Тулузского. Крестьяне там отказывались продавать что-либо рыцарям, предоставлять им проводников, а порой вовсе при приближении крестоносного рыцарского воинства бежали из своих сел в леса, убивали скот, лишь бы он не достался воинам с крестами на знаменах, шедшим с Запада. И все это было отчего. Как не без гордости рассказывает хронист Раймунд Ажилльский, который служил капелланом в отряде графа Тулузского и позднее написал «Историю франков, взявших Иерусалим», граф лично приказал своим оруженосцам выколоть глаза и отрубить руки и ноги захваченным в плен далматинцам. А во фракийских городах Рузе и Родосто, по словам того же хрониста, рыцари графа Сен-Жилля взяли огромную добычу, напав на эти города и предав их полному опустошению. Словом, справедливо заключает историк, «весь путь западных крестоносцев по Балканскому полуострову сопровождался насилиями. Но это было лишь начало. Во всей своей неприглядности поведение «Христовых воинов» выявилось позднее...»⁸⁰

Когда полубанды-полуотряды рыцарей-крестоносцев вступили на территорию Византии, император Алексей Комнин попытался по возможности защитить своих подданных от их бесчинств⁸¹. Орды печенегов, находившиеся тогда на службе у империи, получили приказ совершать время от времени налеты на рыцарей, шедших в столицу Византии, и тем самым держать их в страхе. Кроме того, он попытался использовать непрошенных гостей с выгодой для государства: попытался склонить предводителей крестоносного воинства дать ему ленную присягу на все те земли, которые будут ими завоеваны в продолжение похода. Расчет был прост: силами крестоносцев император попробовал осуществить то, что собственными силами сделать не мог — вернуть Византии ранее утраченные владения в Малой Азии, Сирии. Но убедить

крестоносцев, которые сами жаждали завоеваний только для себя, оказалось нелегко. Например, Готфрид Бульонский прямо отказался от ленной присяги императору. И тогда Алексей, отбросив на время дипломатию, приказал печенежской коннице оцепить лагерь герцога. Произошла открытая стычка императорских отрядов с лотарингцами. Последние были разбиты. Готфрид Бульонский был вынужден уступить и стать ленником императора. После этого Алексей поспешил переправить лотарингское воинство через Босфор. Он стремился не допускать того, чтобы все крестоносное ополчение европейцев одновременно скапливалось в Константинополе, ибо понимал, что это может иметь для города самые разрушительные последствия.

Историк отмечает: греческий император особенно опасался приближения к столице войска исконного врага Византии — предводителя итало-сицилийских нормандцев Боэмунда Тарентского. Однако именно Боэмунд на первых порах доставил императору меньше всего хлопот. Прибыв в Константинополь в начале апреля, он, недолго думая, согласился на присягу Алексею. Но, «разумеется, никакого значения этой присяге этот искатель добычи не придавал — она была для Боэмунда чистой формальностью». Да и сам император не слишком доверял такой поспешности. В конце апреля войско князя Тарентского тоже переправилось через Босфор в Малую Азию. Так или иначе, но с течением времени дипломатическое искусство византийцев все же взяло верх. Один за другим почти все предводители крестоносцев стали вассалами императора Алексея по тем владениям, которые им должны были достаться в результате победы над «неверными»; и почти все они принесли по западно-феодальному обычаю соответствующую присягу⁸².

Первая крупная битва крестоносцев с сельджуками произошла за Никею. Соединенные силы отрядов евро-

пейского рыцарства, один за другим подошедшие к городу и приступившие уже в мае 1097 года к его планомерной осаде, 19 июня предприняли общий штурм, которым руководили Боэмунд Тарентский и Раймунд Тулузский. В этом штурме участвовал также византийский флот (византийские суда были волоком перетянуты из Никомидии в Асканское озеро, примыкавшее к Никее с юго-западной стороны) и греческие сухопутные силы, присланные Алексеем якобы в помощь крестоносцам, а на самом деле — для защиты византийских интересов.

Осада шла успешно, но завершилась эта битва довольно неожиданно. В момент, когда рыцари уже собирались вскарабкаться на стены крепости, греческие части, к удивлению осаждавших, были кем-то впущены в город, и тотчас после этого ворота оказались вновь закрытыми перед крестоносцами. А на башнях Никей сразу же взвился византийский флаг. Дело же было в том, что Алексей Комнин слишком хорошо понимал цену «вассальной преданности» вождей крестоносцев. Он знал, что, ворвавшись в Никею, «воины Христовы» не выполнят условий договора с Византией и подвергнут ее самому беспощадному опустошению. И потому приложил все возможные усилия, чтобы суметь за спиной у крестоносцев договориться с командованием никейского гарнизона о сдаче города в руки греков.

Разумеется, пишет историк, «крестоносцы были возмущены таким ходом дела. Они рассчитывали на богатую добычу, между тем представитель греческого правительства отнял у них возможность грабежа. На их заявления он напомнил о ленной присяге и объяснил, что крестоносцы могут требовать удовлетворения от императора, и он не откажет им, но что они обязаны исполнять обещание, скрепленное присягой, согласно которой все отвоеванные у мусульман города переходят под власть греческого императора и, следовательно, не должны подвер-

гаться разграблению. Князья должны были уступить и еще раз повторить ленную присягу...»⁸³ К тому же несколько успокоила крестоносцев немалая толика золота и серебра, переданная им из захваченной греками султанской казны. «Обладание Никеей стоило того, чтобы поделиться кое-чем с латинскими варварами. «Все драгоценности, — сообщал граф Блуаский своей жене, — как-то: золото, камни, серебро, одежды, кони и тому подобное — достались рыцарям, пропитание же — пешим. Помимо того он (Алексей) обещал выдать князьям из сокровищницы»⁸⁴.

От Никеи ополчение рыцарей-крестоносцев двинулось на юго-восток Малой Азии. Уже 1 июля 1097 года в большом сражении при Дорилее они нанесли войскам султана Килидж-Арслана серьезное поражение. И хотя, отмечает историк, это сражение предрешило исход всей войны⁸⁵, дальнейшее движение через горные, подчас безлюдные, пустынные местности, при палящей июльской жаре оказалось для крестоносцев крайне тяжелым. Кроме того, и сельджуки, постоянно устраивая засады и нападения, очень затрудняли своими действиями движения неприятеля.

Шаг за шагом главные силы крестоносцев овладели всей Киликией, вышли в Сирию и 21 октября 1097 года впервые подступили к крепостным стенам древней Антиохии. Надо сказать, что это был один из самых стратегически важных центров Восточного Средиземноморья. С последней трети X века город принадлежал Византии, но в 1084 — 1085 годах его захватили сельджуки, и с 1087 года там правил сельджукский эмир Багги-Зиян. Исследователь отмечает, что Антиохию будто сама природа поставила в «весьма благоприятные условия для защиты от внешнего врага: на юго-западе ее прикрывали горы, на северо-западе была река, болота, на западе — море. Город окружали высокие стены такой толщины, что по

ним, как рассказывали современники, могла проехать четверка лошадей. Стены были укреплены 450 башнями. А юго-восточная часть города, расположенная на крутых горах, вообще являлась неприступной — там, на склоне горы Сильпиус, сельджуки выстроили внутреннюю цитадель. Укрепления Антиохии представляли, таким образом, страшную силу, преодолеть которую при недостатке осадных орудий, при отсутствии дисциплины и неимении главнокомандующего не представлялось никакой возможности»⁸⁶. Оставить у себя в тылу непокоренной такую мощную вражескую твердыню, «оплот мусульманского мира» крестоносцам было опасно. Однако, чтобы сразу успешно овладеть городом, как это справедливо подчеркивал Ф.И. Успенский, крестоносцам помешало именно отсутствие дисциплины и единого командования. Под стенами осажденной Антиохии «святая» армия увязла почти на год, с октября 1097 по ноябрь 1098 года.

Исследователь указывает: европейские рыцари не были знакомы с методами долгой осадной войны и поэтому допустили много серьезных ошибок. Например, с юга город вообще не был блокирован. В результате осажденные имели возможность совершать вылазки, тревожить и деморализовать осаждавших своими набегами. Чтобы защитить себя от этих вылазок, крестоносцы соорудили вблизи так называемых Железных ворот осадную башню — Мальрегар: ее построили на склоне горы Сильпиус, неподалеку от крепостной стены. Уже через три месяца осады, когда подошла зима и пошли бесконечные холодные дожди, съестные припасы у крестоносцев оказались на исходе; до тех пор они кормились, грабя богатые окрестности Антиохии и ни в чем себе не отказывая. Теперь же в лагере начался голод. По сообщению хрониста, каждый седьмой крестоносец умирал голодной смертью. Жители близлежащих районов — армяне, греки, сирийцы (христиане разных толков — это их явились крестоносцы

«освободить» от ига иноверцев) — соглашались продавать продукты питания лишь по спекулятивным ценам. Нормандский рыцарь, участник осады, приводит в своих записках целый прейскурант таких очень высоких, с его точки зрения, цен на хлеб, кур, яйца, орехи, вино, ослиные туши и пр. «И многие из наших, — рассказывает он, даже умерли там, так как не имели средств, за счет которых могли бы покупать так дорого. Те, кто до сих пор, не заботясь о последствиях, хищнически разорял окрестности Антиохии, теперь пожинали плоды своих разбоев»⁸⁷.

Положение крестоносцев стало особенно угрожающим, когда на помощь осажденным выступил из-под Мосула эмир Кербога с 300-тысячным войском. «Крестоносные бароны пытались было завязать переговоры о союзе против сельджуков с фатимидским Египтом — факт, показывающий, что в критические моменты Крестового похода реальные политические интересы отодвигали в сторону всякого рода религиозные соображения. Но египетский везир аль-Афдал предложил неприемлемые для главарей крестоносного войска условия: раздел Сирии и Палестины, при котором Иерусалим остался бы за Египтом»⁸⁸. Такие предложения, конечно, были отвергнуты.

Тяжелую ситуацию спас Боэмунд Тарентский. Как опытный военачальник, «видя, что при той деморализации, которая господствовала среди крестоносцев, нельзя поддерживать осаду, и ожидая в то же время с часу на час прибытия сильного мусульманского ополчения под начальством Кербоги»⁸⁹, Боэмунд нашел возможность подкупить изменников, и те открыли ему ворота одной из башен древнего города⁹⁰. Одновременно начался штурм, и Антиохия была захвачена. Победители, как пишет историк, с избытком вознаградили себя за все лишения предшествующих месяцев осады. Ворвавшись в Антиохию, они перерезали и перебили всех ее жителей-нехристиан. Кроме того, немедленно после взятия начались дикие

пиршественные оргии. Хронист-современник отметил: «...они (крестоносцы) задавали пиры, заставляя плясать жен убитых и пленных мусульман, забывая о Боге...».

Однако запасы продовольствия, еще остававшиеся в городе после долгих месяцев осады, были быстро исчерпаны крестоносцами. И сами они оказались словно между двух огней: ибо, с одной стороны, в цитадели Антиохии засел, продолжая мужественно обороняться, небольшой турецкий отряд, а под стены города уже буквально через несколько дней подошла и окружила их огромная армия эмира Кербоги, который теперь, в свою очередь, осадил христиан. Он, в полном смысле слова, запер крестоносцев в опустошенном ими же городе, рассчитывая взять противника измором. Расчет был верен. Навалившийся голод дошел до того, что крестоносцы стали есть трупы убитых турок. Европейская армия начала разбегаться.

Например, одним из самых первых, как это ни странно, совершил попытку бегства из осажденного города уже упоминавшийся выше знаменитый католический проповедник-воин Петр Пустынник вместе со своим другом виконтом Гийомом Плотником. За беглецами успели отправить погоню и вернули их назад, причем виконта заставили даже поклясться, что он сохранит свою стойкость до конца предприятия. Однако «чахлое малодушие» продолжало «вытекать из нашего войска», как писал об этом провансальский хронист Раймунд Ажилский, укорявший беглецов в том, что своим поведением они не только сокращали численность «крестоносного воинства», но и подавали дурной пример⁹¹. «Процесс» тем не менее набирал обороты: все больше крестоносцев спускались ночью по веревкам со стен города и спешили к морскому берегу, чтобы быстрее сесть на корабль и вернуться в Европу. Среди подобных беглецов был даже один из предводителей крестоносного воинства — Стефан Блуа-

ский. Другой — Гуго Вермандуа попросил назначить его послом в Константинополь и тоже благополучно бежал на родину⁹².

Таким образом, указывает историк, «настроения безысходности все глубже проникали в среду крестоносцев, запертых во взятом ими же городе. Одни, отчаявшись, впадали в религиозное исступление и с утра до вечера простаивали на коленях в антиохийских храмах, отбивая поклоны. На других бедствия осады действовали в прямо противоположном направлении: изверившись в благополучном исходе, они утрачивали религиозный энтузиазм, которым раньше были в той или иной мере охвачены... В атмосфере религиозной экзальтации, которую к тому же подхлестнул голод, в расстроенном воображении иных участников похода стали происходить сдвиги: появились галлюцинации; ночами то те, то другие крестоносцы, как оказывалось поутру, видели необычные, якобы пророческие сны. Им мерещились святые и апостолы, устами которых в этих сновидениях будто бы возвещал свою волю Господь. Конечно, продолжает далее тот же автор, в игре религиозно ориентированной фантазии отражались мучительно переживавшиеся поиски выхода из реальных трудностей, столь неожиданно свалившихся на недавних победителей, но в их среде — обычное свойство религиозного сознания! — факты такого рода интерпретировались как нечто вещее и пророческое». Реально, считает исследователь М.А. Заборов, это был самообман, самовнушение. И именно эта мучительная тяга к самообману, распространившаяся среди крестоносцев, осажденных в Антиохии, стала как нельзя более подходящей почвой для возникновения легенды о так называемом «святом копье».

Историк пишет: «Еще более накаляя и без того жаркую атмосферу религиозного возбуждения среди крестоносцев, попавших в беду, церковники, участвовавшие в

походе, в свою очередь, стали усердно инспирировать «пророческие видения», будто бы являвшиеся воинам Христовым, и чудеса, истолковывавшиеся как знаки Божьего расположения. Целый шквал чудес в течение короткого времени поразил осажденных! Скрытая от глаз самих вдохновителей и участников, не осознававшаяся ими цель этих религиозных инсценировок, очевидно, заключалась в одном: в условиях тяжелых неудач предотвратить неизбежное разочарование участников в святости крестоносного предприятия, поднять их воинский дух, еще ярче разжечь пламя религиозно-воинственного фанатизма. Только таким путем можно было сплотить и мелких рыцарей, и бедняков-крестьян вокруг князей-предводителей, скрасить перспективами райской жизни за гробом гнетущие будни и изнурительные тяготы похода и в конечном счете побудить его участников к энергичному отпору сельджукам...

...Когда блокированные в Антиохии «воины Христовы» дошли до отчаяния и голодные галлюцинации помутили разум многих из них, Раймунд Тулузский, претендовавший на Антиохию наряду с Боэмундом Тарентским, счел момент подходящим для того, чтобы поднять свой престиж в глазах крестоносного воинства — в ущерб своему сопернику Боэмунду. С этой целью он решил воспользоваться услугами своего капеллана (священника-исповедника и секретаря Раймунда Ажилльского), человека расторопного, умевшего блюсти интересы сеньора. Накал религиозных чувств крестоносцев создал обстановку, весьма благоприятную для осуществления задуманной в графском окружении религиозно-политической операции, призванной повысить шансы Сен-Жилля в борьбе с Боэмундом за овладение Антиохией. Крестоносцы пали духом, следовательно, нужно предпринять нечто из ряда вон выходящее, чтобы они воспряли. При этом источник их воодушевления (разумеется, божественный по проис-

хождению) должен находиться поблизости от графа Раймунда Сен-Жилля. Лучше всего будет, если на этот источник их наведет богобоязненный и верный человек.

Капеллан графа постарался со всей ловкостью осуществить намерения своего сеньора, смысл которых, видимо, хорошо понял. Он отыскал в провансальском ополчении некоего бедняка по имени Пьер Бартелеми, и тот однажды объявил споспешникам по оружию, что видел во сне — и не раз, а пятикратно! — апостола Андрея, открывшего ему следующее: в антиохийской церкви Св. Петра будто зарыто копье, которым, по евангельскому сказанию, римский воин Лонгин пронзил ребро распятого на кресте Иисуса Христа. Если крестоносцы отыщут эту святыню, обогрелую кровью Сына Божьего, они будут спасены! Такова, мол, небесная воля, возвещенная ему, Пьеру Бартелеми, апостолом Андреем в ночном видении.

Согласно рассказу Раймунда Ажильского, содержащемуся в его «Истории франков, которые взяли Иерусалим», провансальский мужичок, удостоившийся откровения небес, тотчас поведал о нем графу Сен-Жиллю. Тот, разумеется, горячо воспринял обнадеживающее известие провидца-соотечественника. Конечно, Пьер Бартелеми — простой селянин и одежонка на нем изорвана, но это куда лучше, чем если бы апостол Андрей явился рыцарю. Простолюдину крестоносцы, во сне и наяву грезящие о спасении, поверят скорее! Поручив Пьера Бартелеми капеллану Раймунду Ажильскому, граф незамедлительно распорядился произвести раскопки в церкви. Туда отрядили 12 человек, рыцарей и священников, не считая самого Пьера Бартелеми. Всех прочих из храма удалили. Подняли плиту, стали рыть под ней землю. Копали довольно долго, целый день (14 июня 1098 года), и, наконец, уже в сумерках на дне ямы показался кусок ржавого железа. Как пишет Раймунд Ажильский, «благочес-

тием своего народа склонился Господь показать нам копье. И я, который написал это, поцеловал его, едва только показался из земли кончик копья»⁹³.

Итак, «пророческое» указание апостола Андрея сбылось, «святое копье», насчет которого он «просветил» во сне Пьера Бартелеми, было найдено и извлечено из земли. С возгласами ликования, под пение католического гимна «Тебя, Бога, хвалим» реликвию положили на алтарь церкви Св. Петра. Весть о происшедшем быстро облетела стан крестоносцев. Настроение рати христовой сразу же поднялось. «Находка Святого копья вновь оживила наши сердца», — писал епископу Манассии в Реймс Ансельм де Рибмонте. По словам французского хрониста, «все воинство возрадовалось, каждый побуждал другого к мужеству, и не могли наговориться вдоволь о явившейся им божественной подмоге». «Весь народ, — вторит ему другой хронист, — услышав об этом, прославлял Бога»⁹⁴.

Словом, как и ожидали организаторы «чуда», эта находка чрезвычайно воодушевила крестоносцев. Они, пишет историк, решились сделать последнее усилие, чтобы освободить Антиохию от осады. 28 июня 1098 г. крестоносцы предприняли удачную вылазку, которой руководил Боэмунд Тарентский, и прорвали мусульманское окружение. Спасение Антиохии и победа над Кербогой были приписаны чудесной помощи святого копья, которое с тех пор сделалось палладиумом крестоносцев»⁹⁵. Хотя в реальности, считает другой историк, крестоносцам помогло скорее то, что на короткий срок все командование армией сосредоточилось в руках опытного военачальника Боэмунда: он сумел осуществить решительный натиск на Кербогу и заставил турок уйти⁹⁶. Немалую роль в успехе крестоносцев сыграли также «внутренние раздоры сельджукских правителей: вражда Мосула с другими мусульманскими княжествами»⁹⁷.

Итак, войско эмира Кербоги было разбито. Кресто-

носцы захватили и с необычайным зверством разграбили его лагерь. Как свидетельствует хронист, оказавшимся там женщинам «благочестивые воины не причинили никакого вреда, кроме того, что пронзали их животы мечами». Далее вновь начались самые разнузданные бесчинства и оргии. Некоторые хронисты, указывает исследователь, «словно смакуют эти картины (оргий), подробнейшим образом и в самых натуралистических красках описывая, в частности, бесчисленные яства, которые поглощали «христовы паломники»: «от быка поедали только бедра и мясо с плеч и очень мало — грудинку, о хлебе и вине говорить нечего, с какой легкостью они доставлялись». Крестоносцы настолько самозабвенно насыщали свои желудки едой и вином, что подчас даже забывали выставить часовых и принимать меры предосторожности...»⁹⁸

Но главным позором европейских крестоносцев являлось даже не это. Главным позором было то, что немедленно после одержанной победы внутри самого «христового воинства» с новой силой вспыхнула жестокая грызня из-за права власти над Антиохией. Основная борьба развернулась между двумя претендентами, уже хорошо известными читателю: Боэмундом Тарентским и Раймундом Тулузским⁹⁹. Теперь соперники готовы были чуть ли не вступить друг с другом в бой. Однако до вооруженного конфликта дело все-таки не дошло. Большинство знатных крестоносцев не желало принять точку зрения графа Тулузского, который с необъяснимым упорством требовал передать город под власть Византийского императора — ведь сам же Раймунд в свое время отказался стать вассалом Алексея Комнина. Да к тому же и император не терял времени даром. Пока крестоносцы совершали свой поход в Сирию, Алексей отнял у них и вернул империи многие города на малоазиатском берегу (Смирну, Эфес и др.) и некоторые внутренние области малоазиатского полуострова (Фригию). Считая дело крестоносцев безна-

дежно проигранным (беглецы из-под Антиохии приносили дурные вести), византийское правительство отказалось помогать крестоносцам. Эта политика Византии, указывает историк, повысила шансы Боэмунда в его распре с Раймундом Тулузским, и в конечном счете Антиохия досталась князю Тарентскому. Так, в 1098 году было основано одно из первых крупных владений крестоносцев на Ближнем Востоке — княжество Антиохийское. Новоиспеченный князь Боэмунд Антиохийский, подчеркивает исследователь, перестал даже помышлять о продолжении похода на Иерусалим. «Святая земля» более не интересовала этого крестоносца: он нашел свою «святую землю», где можно было пожить в досталь! Так захватнический характер феодального Крестового похода выявлялся все более отчетливо»¹⁰⁰.

Вместе с тем неприглядная, феодально-хищническая распря между Боэмундом Тарентским и Раймундом Тулузским из-за права власти над Антиохией сильно, на несколько месяцев, задержала общее движение «христовой рати» европейцев к Иерусалиму, что в конце концов вызвало возмущение, ропот среди рядовых крестоносцев, потребовавших немедленного продолжения похода. Волна этого протеста была столь велика, что граф Тулузский поостерегся медлить далее. Поздней осенью 1098 года он отдал приказ выступить из Антиохии в направлении сирийского города Маары¹⁰¹. Но и там грабительски-захватническая суть Крестового похода проявилась столь же ярко. Как записал один из хронистов, «многие из наших (рыцарей), вступив в город, ничего там не нашли: вся добыча уже была поделена между предводителями». Другой хронист добавляет: «Когда во время осады крепости сошлись вместе отряды герцога Бульонского, графов Фландрского и Тулузского, то вожди крестоносцев не нашли для себя лучшего времяпрепровождения, как похваляться друг перед другом богатствами, которые они захватили «в

странах сарацин»¹⁰². Во время штурма между ними произошло жестокое столкновение. Маара была беспощадно разграблена. «Всякий, кто находил в домах какое-нибудь добро, присваивал его в свою собственность»¹⁰³, — свидетельствует хронист-очевидец. Так, «истинно по-христиански» действовали «освободители» Гроба Господня, продвигаясь к Иерусалиму.

Впрочем, после не менее жестокого взятия еще одного города — Рамлы среди князей-предводителей крестоносцев вообще «стали раздаваться голоса о том, чтобы оставить путь на Иерусалим и двинуться «к Египту и Вавилонии»: «ибо если благодаря милости божией одолеем царя египетского, то сможем взять не только Иерусалим, но и Александрию, и Вавилонию, и многие царства» — такие прожекты, в передаче хрониста, выдвигали некоторые самые жадные главари войска, которым успехи вскружили голову и которые совсем уже не помышляли ни о христианских святынях в Иерусалиме, ни о «помощи братьям-христианам», а думали лишь о «многих царствах» и возможности их завоевания...»¹⁰⁴.

В результате всего этого только одна пятая часть европейского рыцарского воинства (около 12 — 20 тысяч человек) добралась до Палестины — под начальством Готфрида Бульонского. Иерусалим был только что (в 1098 году) отнят у турок-сельджуков египетскими войсками халифа Фатимидов. В свое время этот египетский халиф обещал отдать христианам Гроб Господень, но теперь договор истолковывался в том смысле, чтобы допустить в Иерусалим лишь безоружных богомольцев. Следовательно, предстояла еще трудная борьба. К тому же европейцы были крайне утомлены дальним, тяжелым переходом по пустыне. Тем не менее, когда с высокой горы открылась наконец панорама древнего Святого града, это вызвало горячий восторг, а сама гора с того момента получила название Монжуа — «Гора радости».

Подчеркнем: европейцы подступили к городу, являвшемуся священным для трех вероисповеданий, трех главных мировых религий — христианства, ислама и иудаизма, что, однако, ни в коей мере не смутило европейских рыцарей подступить к нему именно вооруженным войском. Более того, как отмечает исследователь, многие из крестоносных захватчиков в экзальтированном волнении полагали, что, как только они приблизятся к Иерусалиму, его укрепления падут сами собой¹⁰⁵. Но подобного «чуда», разумеется, не случилось и случиться не могло. Географически Иерусалим имел положение, крайне труднодоступное для неприятеля. Его тысячелетние стены раскинулись на высоком плато, и город был открыт лишь с северной стороны, а с остальных защищен горными пропастями Кедрона и Хиннома. К этому необходимо добавить также то, что египетский комендант Иерусалима Ифтикар ад-Даула, узнав о приближении захватчиков с Запада, принял все необходимые меры, чтобы надежно подготовить город к длительной обороне. Например, он изгнал из него всех жителей-христиан, загородил бойницы башен тюками с хлопком и сеном, наполнил городские водохранилища достаточным количеством воды и, напротив, распорядился привести в негодность все колодцы вокруг города. Были даже восстановлены древнеримские оборонительные сооружения. Таким образом, на рассвете 7 июня 1099 года, подойдя к городу, крестоносцы хотя и попытались тут же взять его штурмом, но были уверенно отбиты иерусалимским гарнизоном. Им пришлось начинать осаду с применением стенобитных машин. (Эти стенобитные машины, а также дерево для постройки осадных башен и лестниц, запасы продовольствия вскоре подвезли в Яффу пришедшие на помощь крестоносцам генуэзские и английские купцы.)

Кроме того, подчеркивает исследователь, несмотря на сражения «за общую, казалось бы, притом конечную

цель, вожди крестоносцев не прекращали взаимных усобиц. Пришлось вмешаться священнослужителям, чтобы утихомирить раздоры соперников, деливших шкуру еще не убитого медведя. Вновь были инсценированы пророческие видения; на этот раз находившимся в экстатическом возбуждении воинам «явился» Адемар де Пюи, напомнивший им о необходимости единения в борьбе за святой град, и 8 июля был объявлен пост и совершен крестный ход вокруг Иерусалима. Процессия боевых крестоносцев двинулась к Масличной горе. Петр Пустынник и другие священники произнесли здесь пламенные проповеди, дабы возбудить рвение воинов...»¹⁰⁶ Засим был предпринят еще один общий штурм, который и увенчался успехом крестоносных агрессоров.

Так, лишь 15 июля 1099 г., т.е. через три с половиной года после начала кампании, город был взят. Как пишет историк, победители «обошлись с ним в высшей степени жестоко», перебив не только сарацинских воинов, но и захваченных в плен женщин, детей, стариков. Предали мечу и огню всё, что было в городе мусульманского. Разгром Иерусалима затмил собой даже разгром Антиохии. Хронист-европеец «с удовольствием рассказывает о лужах крови, по которым ходили «воины Христовы». Кроваважностью и хищностью особенно отличился рыцарь Танкред, удовлетворивший на этот раз сколько возможно свою жестокость...»¹⁰⁷ Поистине варварски была разграблена европейцами роскошная мечеть халифа Омара (легендарный Храм царя Соломона), где крестоносцы устроили настоящую резню мусульман и евреев¹⁰⁸. Хронист Раймунд Ажилский (возможно, и несколько сгущая краски) свидетельствует: в мечети Омара кровь «доходила до колен рыцаря, сидящего на коне, и до уздечек самого коня», ибо убивали всех — мужчин, женщин, детей (головы младенцев европейские рыцари разбивали о камни). В подожженной главной Иерусалимской синагоге

сгорело множество евреев. «После этого, — рассказывает Фульшер Шартрский, — крестоносцы разбрелись по домам горожан, захватывая все, что в них находили. При этом устанавливалось обыкновение, что всякий, кто входил в дом первым, был ли он богат или беден, присваивал, получал и владел домом, дворцом и всем, что в нем находилось, как собственностью». Такая, констатирует очевидец, алчность обуяла европейских «защитников христианства», что они даже «вспарывали животы умершим, чтобы извлечь из них золотые монеты, которые они проглотили при жизни...»¹⁰⁹. По истечении же трех дней всех этих «трудов праведных» крестоносцы, облачившись в платье смиренных пилигримов, пошли молиться в храм¹¹⁰. Таков был финал «освобождения Иерусалима от ига неверных»¹¹¹.

Конечно, вступление крестоносного воинства в Иерусалим произвело громадное впечатление на всю Западную Европу. В нем увидели словно подлинное знамение Божьей воли и сверхчеловеческого могущества папы римского, который выступал официальным главой предприятия. В результате Первого крестового похода 1095—1099 гг. европейцы захватили все побережье Сирии, а также важный передовой пункт за Евфратом — Эдессу. Общая граница завоеванных территорий растянулась на 1200 км, где крестоносцами было образовано четыре государства — Антиохийское, Эдесское, Триполитанское, Иерусалимское¹¹². И, конечно, наиболее сильное влияние и значительные земельные владения в этих новообразованных государствах получила Римская церковь, сделавшая, таким образом, еще один кровавый шаг к господству над миром...

Но интересен и важен для нашей темы еще один исторический факт, относящийся к эпохе Крестового похода 1095—1099 гг.: именно тогда начинают создаваться первые так называемые духовно-воинские ордена, объеди-

няющей и внешне весьма достойной идеей которых поначалу было лишь служение Богу и защита паломников. Так, ровно через 20 лет после взятия Иерусалима, в 1119 г.¹¹³ французскими рыцарями в Святой земле был организован орден, который стали называть Орденом тамплиеров, или рыцарей Храма (*Milites templi*). Он получил в Иерусалиме ту самую местность, где некогда располагался великий Храм царя Соломона¹¹⁴ (откуда и название ордена: франц. *temple* — храм). По примеру тамплиеров объединились затем в военный союз, а точнее, присоединились к древней монашеской общине, уже существовавшей в городе, итальянские рыцари. Под покровительством этого ордена находился госпиталь для приходивших в Иерусалим богомольцев. Госпиталь носил имя св. Иоанна, отчего и рыцарей стали называть иоаннитами, или госпитальерами. Их парадной одеждой являлся черный плащ с белым крестом на левом плече, тогда как у тамплиеров отличительным знаком был избран белый плащ с черным крестом на левом плече.

Историк подчеркивает: название духовно-рыцарских орденов эти сообщества приобрели потому, что по своему формальному назначению и облику были религиозными братствами. Вступая в орден, рыцари, подобно монахам, давали обет не обзаводиться семьей, не стремиться к богатству и стяжанию, беспрекословно повиноваться своим начальникам. «По замыслам церковников, и прежде всего папства, которое приняло горячее участие в создании орденов, они должны были всецело посвятить себя делу «защиты христианства», так, чтобы никакие «мирские» интересы не отвлекали их от выполнения этой высокой миссии. С этой целью члены орденов и связывали себя монашескими обетами целомудрия, бедности и послушания»¹¹⁵.

Однако, как уже отмечалось несколькими строками выше, «религиозными братствами» ордена являлись толь-

ко по внешности. Белый плащ с черным крестом, который носили тамплиеры, или черный плащ госпитальеров, был не более чем символом. Ибо «под полумонашеской накидкой и у тех, и у других скрывались рыцарские латы. Оружием «братьев-рыцарей» служили не мирная проповедь и монашеское смирение, а меч и копье»¹¹⁶. И госпитальеры, и особенно орден тамплиеров (которые, по словам исследователя, «отличаясь хорошим вооружением, составляли лучшие христианские войска на Востоке»¹¹⁷) очень быстро забыли о декларированных вначале благочестивых целях бескорыстного воинского Служения. Пользуясь неизменной поддержкой папского Рима, они добились необычайного могущества и власти. В свою очередь, и Римская церковь сразу разглядела в сих «атлетах Христа» и «новых Маккавеях» (как называли их католические писатели) возможность создать не только постоянную армию для борьбы с мусульманами, но и крепкую, сильную военную организацию под эгидой Римского святейшего престола. Именно поэтому папы немедленно стали наделять тамплиеров самыми богатыми пожалованиями и самыми широкими привилегиями, делавшими орден фактически независимым от светских и духовных властей отдельных государств. Специальной папской буллой (грамотой), начинавшейся словами «Всякое деяние благо», рыцари освобождались от необходимости приносить присягу и давать клятву верности¹¹⁸. Глава ордена — великий магистр — подчинялся только одной верховной власти, власти папы. Монастыри, замки, владения ордена были освобождены от любых податей. Тамплиеры получили право давать отпущение грехов, какое имел только папа, совершать богослужение на земле, на которую был наложен интердикт (отлучение), и даже прощать отлученных и хоронить их на своей земле. Но, разумеется, использовались сии громадные привилегии отнюдь не для свершения благородных рыцарских подвигов. Занявшись

торговлей и ростовщичеством, члены ордена уже к XIII веку стали крупнейшими в Западной Европе банкирами. Влияние и богатство тамплиеров достигли такого масштаба, что вызывали откровенный страх и ненависть¹¹⁹.

«Бедные рыцари Христа», как называли сами себя тамплиеры, построили также собственный флот, посредством которого начали активно участвовать в средиземноморской торговле, перевозили за солидную плату паломников из Европы на Восток и обратно. Что касается занятий ростовщичеством, то уже в XII веке тамплиеры ссужали деньгами знатных пилигримов. Во время войн многие светские и духовные феодалы на Востоке передавали на сохранение «бескорыстным» храмовникам свои ценности. И «верные» обету бедности тамплиеры не стеснялись присваивать крупные суммы из доверенных им средств. Например, в 1199 году они не вернули епископу Тивериадскому 1300 безантов, полученных на сохранение, и епископу пришлось жаловаться на «честных» защитников христианства в Рим¹²⁰.

Особо следует подчеркнуть, что рыцарские ордена тамплиеров и госпитальеров, выступая как наиболее организованная воинская сила государств крестоносцев на Ближнем Востоке, «играли большую роль в подавлении эксплуатируемого крестьянства, в бесконечных войнах с сельджуками и Египтом». Таким образом, заключает исследователь, «главной задачей рыцарских сообществ являлась не «охрана христианства», а, во-первых, подавление возмущений покоренного франками, но не покорившегося им туземного населения (Ближнего Востока) и, во-вторых, борьба против соседних мусульманских государств, оборона и расширение крестоносных владений. Этим определялось строго централизованное устройство рыцарских орденов. Во главе каждого ордена стоял «великий магистр». Ему были подчинены начальники подразделений («провинций») ордена на местах — магистры или

«великие приоры», а также другие должностные лица: маршал, командор, коннетабль и пр., из которых составлялся совет при Великом магистре — генеральный капитул»¹²¹.

Примечательно также то, что одним из авторов и редакторов Устава тамплиеров явился такой рьяный католический деятель, как глава монашеского ордена цистерцианцев, влиятельный бургундский аббат Бернард Клервоский, один из родичей которого был в числе основателей ордена тамплиеров. Будучи главным идеологом Третьего крестового похода, аббат одновременно оказывал всяческое покровительство тамплиерам. Он даже написал специальный трактат, в коем превозносил «ратные подвиги» «воинов-монахов», облакающих «тело железной броней, а душу — броней веры». «В этом сочинении (оно называлось «Похвальное слово новому воинству рыцарей Храма») Бернард Клервоский призывал тамплиеров к беспощадному истреблению мусульман, к захватам во славу церкви территорий «нехристей», к распространению там власти римского престола. «Язычников не следовало бы убивать, — писал Бернард в своем панегирике тамплиерам, — если бы их можно было каким-либо другим способом удержать от слишком большой вражды или угнетения верующих. **НЫНЕ ЖЕ ЛУЧШЕ, ЧТОБЫ ОНИ ИСТРЕБЛЯЛИСЬ** (выделено нами. — *Авт.*). Таков был один из основных пунктов программы воинствующего католицизма, выдвинутый этим кровавым католическим прелатом»¹²². И тамплиеры действительно неукоснительно выполняли эту программу. По всему Ближнему Востоку (а впоследствии и не только там) их зловещие белые плащи с черными крестами сделались символом смерти и разрушения.

Наконец, также в Палестине, в 1128 г., образовался еще один из наиболее древних рыцарских союзов — Тевтонский (Немецкий). Так же как и упоминавшиеся выше

ордена, этот орден первоначально ставил перед собой сугубо благотворительные цели — помощь немецким паломникам, прибывавшим в Иерусалим. В 1189 г. германский император повелел принять ордену устав и одежду тамплиеров, и в 1191 г. папа римский утвердил это положение. Но примерно с 1200 года деятельность ордена полностью переносится из Палестины в Восточную Европу, точнее, Пруссию — в непосредственную близость к русским землям. В 1231 г. тевтонские рыцари по приглашению прусского епископа Христиана начали Крестовый поход против язычников прибалтийского края¹²³. Поход, в котором им и предстояло впервые встретиться с войсками русских князей. И это тоже было не случайно.

Ибо, как уже отмечалось выше, с папской идеей создания «всемирной христианской империи» неразрывно связаны были не только походы во имя «освобождения Святой земли (Палестины) от мусульман». Столь же неразрывно связаны были с властными притязаниями римских понтификов и «осуществлявшиеся под флагом «миссионерства» среди язычников планы захватов и завоеваний на востоке и северо-востоке Европы»¹²⁴, где издавна жили славянские, балтийские и финно-угорские племена. И действовала Римская церковь в этом регионе именно в теснейшем союзе с немецким рыцарством, также стремившимся к захвату указанных территорий.

Фактически агрессия немецких (саксонских) рыцарей на западнославянские земли началась в IX веке. А уже первый германский император Оттон (936 — 972), признает известный западный историк Арнольд Тойнби, почти полностью уничтожил славянский народ вендов (венетов), расселявшийся по Балтийскому побережью между древними славянскими реками Лабой (Эльбой) и Одрой (Одер). Далее, пишет тот же автор, «континентальная граница западного христианства неуклонно перемещалась на восток — частично благодаря добровольному об-

ращению варваров в христианство, частично — с помощью силы... Только обитатели континентального побережья Балтийского моря оставались непокоренными. На этом участке саксонский форпост призван был продолжить борьбу Оттона против вендов, которые в упорных сражениях продержались два столетия, пока западное христианство не продвинулось с линии Эльбы на линию Одера. Окончательная победа была достигнута обращением вендов в Мекленбурге в 1161 г. и уничтожением непокорных в Бранденбурге и Мейсене»¹²⁵. (Бранденбург — древнее славянское княжество Бранибор — был окончательно захвачен немцами в 1151—1157 гг., Мейсен (Мишин) еще в XI ст.; населенный славянским народом поморян Мекленбург вошел в состав Германской империи в 1166 г., население его подверглось уже не истреблению, а активному онемечиванию.)

Например, долгую, отчаянно упорную борьбу с немецкими захватчиками вел в середине XII века Прибыслав, князь славянской области Вагрии, в Поморье, у побережья Балтики. Однако, писал старый историк, все усилия этого князя все же «были не в состоянии приостановить напор немецкой силы. Мало-помалу две ближайшие земли, соприкасавшиеся с Саксонией, Вагрия и Полабия, стали подчиняться сильному влиянию немецкому и сделались поприщем, на котором совершалось насильственное онемечивание. Генрих из Бадевиде, получивший графское достоинство в Нордалбингии от саксонского герцога Альбрехта Медведя, устремил свои взоры на соседнюю славянскую землю. Его поход ознаменован был ужасным опустошением, которого не был в состоянии приостановить Прибыслав, запершийся в укрепленных местах (1139 г). В следующем году немцы предприняли еще один набег, застигнув врасплох беспечных славян и овладев одной из самых надежных крепостей земли Вагров, Плуною. Немцы избили весь славянский отряд и, заняв пере-

довую славянскую крепость, нашли в ней опору для дальнейших завоеваний; из Плуны они стали мало-помалу колонизировать окрестности, и вся эта страна вместе с примыкавшею землей Вагров сделалась добычею немецких завоевателей. Вагрия была отдана в ленное владение Адольфу из Шауенбурга, графу Голштинскому, Полабия с городом Ратибором досталась на долю Генриха, графа из Бадевиде. Передовые земли северо-западных славян по Эльбе пали жертвой онемечивающего влияния...»¹²⁶.

Поэтому не случайно уже упоминавшийся немного выше покровитель ордена тамплиеров, один из самых неистовых «борцов за веру» того времени — католический проповедник аббат Бернارد Клервоский (1099 — 1153) (впоследствии канонизированный Римской церковью) провозгласил в 1147 году такой проникнутый истинной «благостью» призыв, как призыв *«уничтожить или народ славянский, или их веру»*¹²⁷. Да, читатель, если ранее, в 1120-х годах, «святой отец» из Клерво горячо призывал европейских рыцарей к уничтожению мусульман на Ближнем Востоке, то теперь этот католический прелат счел необходимым уничтожить славян, объявляя Крестовый поход уже против них...

Вот что, довольно многословно, будто бы оправдываясь, писал в связи с этим старый историк польского происхождения: «Саксонский народ, трезвый, деловой, не обольщался обещаниями церкви, не увлекался пламенным воображением народов Южной Европы, которых непосредственные сношения с Востоком давали религиозному их стремлению обильную пищу, ибо предоставляли им значительные вещественные выгоды. *Для саксов же и их торговли обетованной страной была земля полабских славян* (подчеркнуто нами. — Авт.), в которой тоже господствовали язычники, и имя христианское подвергалось гонению. (Поэтому), когда блеснула мысль предпринять Крестовый поход (не только) против отда-

ленных турок, а и против ближайших славян, вдруг родилось всеобщее воодушевление. Король Конрад, отправляясь весной 1147 года на Восток, созвал государственный сейм во Франкфурте, на котором светские и духовные князья постановили не отставать от короля в религиозном самоотвержении, но быть, подобно ему, послушными сынами церкви и отправиться походом против славян-язычников...»¹²⁸ Именно на этом сейме вышеупомянутый «святой отец» Бернард из Клерво и провозгласил свой пламенный призыв... Тогда же, кстати, «не теряя времени, «святой» Бернард начал раздавать (как некогда папа Урбан II на Клермонском соборе) знаки креста из алой ткани. Когда запасов этих символов предстоящего похода не хватило на всех желающих, аббат Клервоский, стремясь еще сильнее разжечь религиозный пыл присутствующих, не пожалел своего одеяния и начал наспех вырезать кресты из сутаны»¹²⁹. Сутаны католического прелата, как известно, кровавого цвета...

Разумеется, продолжает далее А. Павинский, «папа Евгений III, одобряя новое направление религиозного чувства и «священного подвига», не замедлил предоставить всем крестоносцам такое же отпущение грехов, какое получали отправлявшиеся на Восток (Ближний Восток. — *Авт.*); при этом счел нужным предостеречь, чтобы никто не принимал от язычников денег, при виде которых, по верному предположению папы, охладевал религиозный пыл...»¹³⁰.

По традиции на призыв о Крестовом походе откликнулось много бедняков, главным образом из тех местностей, которые недавно были поражены голодом. Однако в целом, отмечает историк, в настроениях массы крестьян в тот момент уже не было религиозно-освободительного воодушевления, которым сопровождалось начало Первого Крестового похода 1096 года. Теперь, 50 лет спустя, плачевные уроки того похода не прошли даром. Европей-

ские хронисты свидетельствуют даже о народных возмущениях, проявившихся в связи с подготовкой еще одной крестоносной «священной войны» против язычников. Существенной причиной этого недовольства было поголовное обложение податью на нужды «священной войны»¹³¹.

Подчеркнем еще раз: немецкое феодальное рыцарство уже давно зарилось на земли славян, живших к востоку от Лабы и в Прибалтийском Поморье. В IX—XI вв. здесь выросло много больших городов, развернувших широкую торговлю. Купцы из многих стран, стекавшиеся в Волынь (в устье Одры), в Щетин — главный город Поморья, в Аркону (на острове Руяна), вывозили отсюда меха, соль, мед, воск, изделия из рога, золота, серебра. По мере того, как умножались богатства восточных соседей, разогревались и захватнические аппетиты немецкого рыцарства. Именно поэтому идея облечь агрессию против славян в форму «священной войны» нашла широкую поддержку прежде всего среди немецких феодалов. Призыв папы Евгения и Бернарда Клервоского к вторжению на славянские территории пал на готовую почву. Освятив начавшийся в том же 1147 году новый захватнический Крестовый поход в Сирию и Палестину, Римская церковь одновременно благословила и немецко-католический «Drang nach Osten», агрессию против славян и других народов Прибалтики¹³².

«Город Магдебург был избран местом собрания войск, конец июня 1147 г. временем открытия похода. Никлоту Бодрицкому, одному из самых могущественных славянских князей, известно было о приготавливавшемся со всех сторон движении, он решился предупредить поднимающуюся бурю. Адольф, граф Вагрии, союзник Никлота, присутствовавший во Франкфурте на сейме... разоблачил свое лицемерие, когда послы Никлота попросили у него помощи... В помощи было отказано. Против (славянских племен) бодричей¹³³ и лютичей, истощенных про-

должительной борьбой с немцами, *поднимался весь христианский мир от Вислы и датских островов до Рейна* (подчеркнуто нами. — Авт.). Так что, — отмечает историк-поляк, — ввиду такого религиозного воодушевления, полабским славянам предстояло или принять насильственно вводимое христианство, или погибнуть в бою с рьяными вооруженными проповедниками...»¹³⁴

Далее тот же автор рассказывает: «Архиепископы магдебургский и бременский управляли религиозно-военным движением, в котором приняли участие все саксонские епископы. Даже моравский епископ воодушевился мыслью Крестового похода. Многочисленные светские князья не замедлили принять участие в высоком, по их понятиям, подвиге — уничтожении язычества...

Генрих Лев (немецкий князь), ближайший сосед бодричей, и Альбрехт Медведь, внук дочери последнего Билланга (герцога саксонского), маркграф в странах по Эльбе, соседних с землями лютичей, и польский князь, брат короля Болеслава IV, вступили в ряды крестоносцев со своими силами, самые датчане воодушевились мыслью распространять христианство. Если верить немецкой хронике, войско крестоносцев состояло из 200 тысяч, оно, извещает другая летопись, исполнено было ревности к священному делу. В двух направлениях двигались разделившиеся силы крестоносцев на исходе июня месяца. С запада шли саксы против Никлота, построившего в болотистых местах крепость Добин, на правом берегу Зверинского озера. Другое войско, заключавшее в себе силы Восточной Саксонии, направлялось с востока в землю лютичей; оно подступило к городу Малхину, разрушило его вместе со славянским храмом и продвинулось к северу, чтобы осадить сильно укрепленный славянский город на реке Пене, Дымин. Часть крестоносцев, предводительствуемая епископом моравским, вторгнулась с се-

вера в пределы поморского князя Ратибора и подступила вооруженной толпой под стены Щетина...»¹³⁵

Но славяне постарались дать достойный отпор агрессорам, наступавшим под сенью прямого, жесткого католического креста. Организатором этого отпора стал ободритский князь Никлот. «Он, — пишет исследователь, — разработал остроумный план борьбы с германскими захватчиками, решив прежде всего уморить «воинов Христовых» голодом. С целью лишить крестоносцев их опорных пунктов и средств снабжения, Никлот принял соответствующие меры. Неожиданно напав в конце июня 1147 года на немецкий город Любек, славяне разгромили его и уничтожили стоявшие в гавани корабли. Затем посланные Никлотом отряды истребили или взяли в плен всех немецких поселенцев в окрестной славянской области Вагрии. Таким образом, крестоносцев здесь некому было кормить и нечем кормиться. То был смелый и удачный набег славян»¹³⁶.

Когда крестоносная рать вторглась в землю ободритов, князь Никлот, во исполнение задуманного плана, предусмотрительно опустошил и территорию своего княжества, а сам с большим войском укрылся в крепости Добин, стоявшей среди болот. Крестоносцы, которым пришлось продвигаться по разоренной земле, осадили эту крепость. Однако там немецкие воины сразу же попали в затруднительное положение, так как могли получать съестные припасы только с помощью датского флота, который пристал к славянскому побережью неподалеку от Зверинского озера. «Но союзники Никлота — воинственные славянские мореходы руяне — напали на датскую флотилию и нанесли ей серьезный урон. Осаждавшие Добин немецкие и датские войска оказались под угрозой голода. Тем временем славянские отряды, совершая неожиданные вылазки из Добина, уничтожали крестонос-

цев, «удобряли ими землю», как писал немецкий хронист Гельмольд¹³⁷.

В силу всех этих причин «религиозный пыл» немецких рыцарей стал быстро остывать. В их войске начали поговаривать о бессмысленности предпринятого похода. Очевидно, полагает историк, «ревность германских воинов к католической вере была не настолько велика, чтобы стоило ради нее идти на «чрезмерные» лишения, а жестокий урок, преподанный им славянами, на время отбил у них охоту к наживе за чужой счет. Пришлось заключить мир с Никлотом». «Так, — пишет Гельмольд, — большой поход этот разрешился малой пользой»¹³⁸.

Столь же позорно обстояли дела и у «распространителей истинной католической веры» из Магдебурга, намеревавшихся, как уже было отмечено, покорить земли полабских лютичей. Часть этих крестоносцев подошла к славянскому городу Дымину на реке Пене. Там они получили сильный отпор, после которого многие немецкие рыцари предпочли оставить мечты о завоеваниях и вернулись домой. Другая часть крестоносного войска увязла под стенами Щетина. В этом войске было много воинов из простонародья, которые ничего не знали о том, что в Щетине еще за несколько десятилетий до этого уже было принято крещение из рук Оттона, епископа Бамбергского. Князья и католические прелаты умышленно скрывали этот факт, изображая дело так, будто «воинство христово» идет воевать за торжество истинной веры против языческих заблуждений. Когда же, повторим, «крестоносная рать» осадила Щетин, осажденные выставили на городских укреплениях кресты, в знак того, что они тоже христиане. И тогда массе крестоносцев из простого люда, из темных, безграмотных селян, стало понятно, что они обмануты. В армии вспыхнули беспорядки. Рыцари, уже начавшие было делить еще не захваченную добычу, столкнулись с решительным возмущением крестоносцев из бедняков, в

глазах которых религиозные лозунги похода все-таки еще имели определенное значение. Они отказывались воевать против христиан и, невзирая на увещевания предводителей, покидали осадный лагерь

К тому же, как писал, рассказывая об этих событиях, чешский хронист Винцент Пражский, еще во время осады Щетина к вождям крестоносных агрессоров явились из города послы во главе с Адальбертом, епископом Поморья. Зачем немецкие князья пришли с оружием в руках? — задали послы совершенно логичный вопрос главам войска захватчиков. Если уж они хотят где-либо утверждать христианскую веру, «то это нужно делать не оружием, а проповедью...». И это краткое свидетельство средневекового пражского хрониста уже само по себе звучит как обвинительное заключение.

Все действительно говорило о том, что «введение христианства было (для немцев) только предлогом к нападению. Но опыт показал, что кончить успешно дело христианской проповеди значило истребить дотла все славянское население. Кто же в таком случае стал бы платить дань в обезлюдевшей стране? Кого тогда обращать в рабов? Кого подчинять феодальному игу? Под влиянием таких соображений вскоре охладело религиозное воодушевление вооруженных проповедников. Впрочем, и первоначальное воодушевление лишено было возвышенных побуждений, оно родилось из корыстолюбивых видов, чтобы воспользоваться благами, обещанными церковью; лицемерное стремление к завоеваниям прикрывалось религиозным предлогом, крестоносное войско отступило от Добина, взяв слово с Никлота и славян, что они обратятся в христианство...».

Итак, «крестоносцы отступили от Добина и вернулись восвояси. Частная же попытка некоторых проповедников распространить христианское учение между бодричами не встречала сочувствия у Генриха Льва. Князь Никлот в

1156 году был приглашен на провинциальный сейм в Артеленбурге, на котором Генрих Лев, по побуждению старградского епископа, завел речь о распространении христианства между бодричами, в ответе своем как нельзя вернее определил отношение Генриха Льва и вообще саксонских герцогов к славянам: «Да будет, — сказал он, — Бог, который на небесах, твоим Богом, ты же будь нашим Богом и этого нам достаточно. Воздавай ты ему честь, а мы воздадим ее тебе». Князь славянский, сознавая ясно могущество саксонского герцога, предвидел судьбы, предстоявшие последним остаткам полабских славян. Генрих Лев сделался для них настоящим богом, которому они принуждены были воздать честь и принести в жертву свою самостоятельность. Четырехлетняя борьба полабских славян против германского натиска приблизилась к решительной развязке. Бодрицкий князь только с иностранной помощью поддерживал взаимную связь подчиненных ему народов, которые, уходя от союза с ним, думали спасти среди общего погрома свою частную самостоятельность. Хижане и черезпеняне¹³⁹ отложились от бодричей и отказались платить Никлоту княжескую дань», но... это их не спасло: «земля их подверглась опустошению мечом и огнем, народный их храм был разрушен до основания»...

В 1160 году Генрих Лев нанес Никлоту Бодрицкому последний удар. Хотя Никлот пытался предупредить разгром, и сыновья его сделали еще одну отчаянно-мужественную попытку завладеть городом Любек, но все было тщетно. Силы немцев превосходили силы славянских племен. Чувствуя это, Никлот сжег свои укрепленные города Илов, Мекленбург, Зверин, Добин и отступил в глубь своих земель, решив укрепиться в крепости Ворле (Wurle). Но именно в окрестностях Ворле Никлот и был застигнут врасплох, убит. «Сыновья его сожгли крепость, не имея надежды на успешное сопротивление, оставили

землю свою на произвол победителя, который с тех пор положил конец самостоятельному существованию Бодрицкого союза. Генрих Лев раздал славянскую землю в ленное владение своим вассалам. В Хижине, Малкове, Зверине, Илове утвердились саксонские феодальные графы, вместе с ними водворились и церковные учреждения. Немецкие поселения вносили с собой немецкий порядок. Самые отчаянные усилия последних князей в борьбе против онемечения разбивались о те успехи, которые делало немецкое завоевание»¹⁴⁰, и уже вскоре под его давлением полабские славяне почти полностью исчезли с исторической карты Европы.

Открытые притязания были заявлены тогда католическим Западом и на земли южных славян — Болгарию, Сербию, Моравию, что практически означало и новое открытое наступление на Восточную греко-православную церковь. Наступление, выразившееся прежде всего в жестокой критике и прямом осуждении практики богослужения на славянском языке¹⁴¹, введенной в этих странах святыми братьями-просветителями Кириллом и Мефодием еще в 864—870 гг. Естественно, это тоже приводило к столкновениям, имевшим характер отнюдь не только религиозный.

Во-первых, Римская церковь начала постоянно обрушивать на указанные страны потоки угроз, требуя искоренения славянских элементов в литургии. Вслед за этими угрозами двигались, как и на северо-востоке Европы, немецкие рыцари-крестоносцы. И, несмотря на энергичное сопротивление, которое оказывали духовным и военным агрессорам народные массы, с течением времени захватчикам все же удалось во многих местах вытеснить восточно-христианский культ и обрядность, заменив его латинским, как это случилось, например, в Богемии и Моравии. Так начинала складываться та жестокая традиция, о которой уже почти тысячу лет спустя известный укра-

инский писатель заметит: «Спокон веку один папа передает своему преемнику неизменное римское «Ceterum censeo — orientem esse convertendum!» (А помимо всего прочего — Восток должен быть обращен!)»¹⁴².

К X столетию относятся первые документальные свидетельства о распространении христианства восточного (православного) обряда и на землях исторической Киевской Руси. И, следственно, первые сведения о попытках папского Рима проникнуть, утвердить власть Святейшего престола в громадной Киевской державе. Хрестоматийный рассказ летописца Нестора «о выборе веры»¹⁴³ Владимиром Крестителем известен всем. Но, думается, что теперь, при вышеприведенном кратком обзоре «европейской цивилизации» на исходе раннего Средневековья, читатель еще раз сможет убедиться, что Великий Равноапостольный Русский князь действительно не ошибся, отказав римским проповедникам...

Агрессивная сущность «латинян» могла быть хорошо известна уже ему. Равно как очевидна была она и великой предшественнице, бабке Владимира Святого равноапостольной княгине Ольге. Ибо именно современник Ольги — уже упомянутый выше создатель и первый император Германской империи Оттон I, — выступая в 967 г. на соборе в Равенне, заявил о необходимости «укрепления христианства» на берегах Эльбы. Тогда же, как бы подтверждая заявление императора, папа римский Иоанн XII немедленно издаст буллу об учреждении нового Магдебургского архиепископства. Фактически же акт этот призван был лишь окончательно узаконить и закрепить все те кровавые завоевания, которые до этого уже осуществил Оттон I вместе со своими саксонскими рыцарями. Завоевания земель славян, расселявшихся по Лаббе. Завоевания, осуществленные с такой неслыханной жестокостью, что даже немецкий хронист Видукинд не мог не

ужаснуться, рисуя страшные картины зверств германцев в землях лужичан...¹⁴⁴

Но дело в том, что тогда же папский Рим предпринял попытку учредить и еще одно архиепископство — Русское. Был даже назначен его глава — епископ Адальберт. Сей новоявленный «епископ русский» и прибыл в Киев с пастырским визитом в 961 году, как посланник Оттона и папы. Это было первое в истории посещение столицы Руси католическим прелатом. Однако... Исследователь констатирует: «В Киеве быстро разгадали, что скрывается за «христианизацией», о которой разглагольствовали новоприбывшие. Очевидно, даже поведение так называемых «миссионеров» было достаточно нескромным, и вскоре по приезде гостей в Киеве поднялось по их адресу столь сильное недовольство в народе, что Адальберт со своими спутниками счел за лучшее спешно оставить пределы киевской земли. Рассказы о полном провале его «миссии» сохранили многие европейские хроники того времени...»¹⁴⁵

Понятно поэтому, что, готовясь к такой эпохальной идеологической реформе, как введение новой общегосударственной религии, князь Владимир действительно сделал выбор. Выбор, призванный максимально обезопасить интересы Руси, ее духовную и политическую независимость — подчеркнем, на тот момент самой крупной державы в Европе. Неслучайно даже от православного Константинополя Владимир предпочел принять христианство не как проситель, но как воин-победитель. Захватив в 989 году греческий город Херсонес Таврический на берегу легендарного Понта Эвксинского, князь Киевский сначала сам принял там Святое Крещение, а затем, вернувшись в свою столицу, вместе с вывезенным из Херсонеса православным греческим духовенством, используя греческие богослужебные книги и церковную утварь, актом массового крещения киевлян начал осуществлять

христианизацию всех подвластных ему земель. Такова была его воля. Воля сына храброго князя Святослава и «ключницы» Малуши. Жесткая, тщательно продуманная воля великого Рюриковича, на целые века предугадавшего дальнейшие исторические пути России...

Эта жесткая решимость Владимира была тем более важна потому, что, даже после официального принятия Русью греческого православия в качестве государственной религии, Рим не только не оставил попыток перетянуть князя на свою сторону, но напротив — лишь усилил их. Начальная русская летопись — «Повесть временных лет» — буквально пестрит сообщениями «И приде послы из Рима», «от папежа римского». Такие сообщения, например, помещены под 991, 994, 999, 1000 годами¹⁴⁶. Однако все эти посольства с изъявлениями «пастырской любви» неизменно постигала такая же участь, какая постигла первого «епископа русского», пришедшего к княгине Ольге.

И все же, отмечает исследователь, папству удалось создать опорную для себя базу на востоке Европы. В конце X века христианство римско-католического исповедания принял польский король Мешко и его окружение, а в 1000 году учреждена была самая восточная в ту пору архиепископская кафедра в Гнезно. Одновременно с Польшей примет католицизм Венгрия¹⁴⁷. Но именно католическая Польша станет самым активным форпостом Ватикана и самым злейшим врагом православной Руси.

Это проявится уже совсем скоро — в последние годы правления Владимира Святославича, когда его сын Святополк возьмет себе в жены дочь польского князя Болеслава Храброго (992 — 1025). В 1012 г. в Киев прибыл, сопровождая княжну в качестве ее наперсника и духовника, епископ колобжежский Рейнберн. И... немедленно возник заговор¹⁴⁸. Заговор, который подготовил против отца сам Святополк, подстрекаемый Рейнберном. Узнав об этом, Владимир «счел необходимым подвергнуть всех

троих — Святополка, его жену и Рейнберна — заточению. К сожалению, чем конкретно были вызваны такие крайние действия Владимира, источники не сообщают. Очевидно, пишет историк, что ответ на этот вопрос требовал бы освещения деятельности польского епископа в Киеве и выяснения позиции Святополка. Хотя, по сути, уже сам брак Святополка с дочерью Болеслава таил в себе планы окатоличивания Руси или, по крайней мере, великокняжеской семьи. Зная методы, к которым и раньше прибегали католические «миссионеры», легко представить себе активное участие Рейнберна в попытке государственного переворота, направленного против старого князя. Рейнберн выступал в этом случае в двойной роли: и в качестве проводника интересов польского короля, и как агент папы римского. Ведь Болеслав пытался воздействовать на князя Владимира в угодном римской курии направлении и до миссии Рейнберна. Об этом говорит свидетельство летописи, сообщающее о прибытии в Киев еще в 1000 году папского посла в сопровождении представителей от Болеслава Храброго и от другого Болеслава — князя чешского. В Риме искали всякой возможности воздействовать на Владимира в желательном папству направлении, охотно используя с этой целью Болеслава Храброго, тем более что интересы папства в данном случае совпадали с интересами воинственного польского короля, мечтавшего захватить богатые киевские земли...»¹⁴⁹.

О позиции же самого Святополка нетрудно создать представление по дальнейшим действиям этого князя, вошедшего в русскую историю с прозванием Окаянного, которым народ отметил злодейское убийство им своих братьев: трехгодовалого Святослава, Бориса и Глеба, впоследствии причисленных Церковью к лику Святых. Когда в 1015 г. скончался отец — Великий князь Киевский Владимир Святославич, — Святополк Окаянный

стал зачинщиком одной из первых княжеских междоусобиц на Руси. Он захватил Киев и повел долгую кровопролитную войну со своим старшим братом Ярославом (Мудрым). Разбитый под Любечем войском Ярослава, Святополк бежал в Польшу и обратился за помощью к своему тестю — Болеславу, в то время уже ставшему польским королем. Понятно, что эта просьба не могла остаться без ответа Болеслава, давно мечтавшего захватить богатые земли Рюриковичей и даже перенести свою столицу из Кракова на берега Днепра в Киев¹⁵⁰. Вместе со Святополком король Польши упорно начал добиваться господства над Русью, а это, конечно, помимо всего остального, означало и новую попытку утвердить на Руси власть Римско-католической церкви.

Причем данный шаг был сделан как раз тогда, когда само Польское королевство переживало свои далеко не лучшие времена, постоянно находясь под угрозой агрессии с запада, со стороны Германской империи. Исследователи подчеркивают: восточная авантюра Болеслава Храброго была изначально крупной ошибкой польской дипломатии. В конечном итоге она оказалась выгодной именно только для злейшего врага Польского государства — немецкого императора Генриха. Неслучайно последний на съезде германских князей в Мерзебурге всячески поощрял Болеслава к походу на Русь, отвлекая его, таким образом, от жизненно важных задач защиты польских земель на западе, в частности, Силезии. Но, видимо, польский король этого действительно не понимал...

Летом 1018 г. Болеслав вместе со своим войском, а также отрядами, присланными германским императором Генрихом¹⁵¹, открыто вторгся в пределы Киевского государства, поддерживаемый с юга печенегам, с которыми он вступил в сговор. Главной целью этого похода было для короля восстановить на киевском великокняжеском престоле своего зятя Святополка. Но, кроме этого, еще

одной весьма существенной для польских властей задачей похода на Киев в 1018 г. являлся захват Червенских городов, через которые проходил важнейший торговый путь в Восточной Европе, связывающий Киев с Краковом и Прагой. Наконец, не исключено даже, что после этого захвата Болеслав Храбрый прямо рассчитывал присвоить себе киевский княжеский стол. Разбив на реке Буг войска князя Ярослава, король Болеслав затем подступил к Киеву и 14 августа 1018 г. занял город. Вместо Ярослава к власти в Киеве был приведен Святополк Окаянный.

Своей огромностью и богатством древнерусская столица, судя по восторженным отзывам хрониста Титмара Мерзебургского, писавшего рассказ о походе 1018 г. на основе показаний очевидцев, произвела ошеломляющее впечатление на польских и немецких участников вторжения. По их словам, это был один из величайших городов Европы, с огромным по тому времени, количеством населения, город не только невиданных в соседних западнославянских странах роскоши и блеска, но и крупнейший центр ремесла и торговли. Однако долго удержаться в городе захватчикам не удалось. Против ненавистных иноземных агрессоров в Киеве поднялось возмущение. Киевляне вооружились, чем могли, и, как свидетельствует русский летописец, народ стал избивать поляков «отай», т.е. тайно от властей. И в конце концов Болеслав был просто вынужден покинуть город, захватив, однако, с собой богатейшую добычу. А еще некоторое время спустя оставшегося в Киеве Святополка выгнал Ярослав, подошедший с новгородской дружиной. Замысел польско-католической агрессии против Руси полностью потерпел крах...

Но произошла в XI столетии и еще одна попытка Святейшего престола, используя внутренние настроения на Руси, руками польских захватчиков ввести на ее землях католицизм. В 1068 году на Киевское государство обру-

шилось первое большое нашествие половецких орд со стороны южных степей. Совместно правившие тогда Русью трое сыновей Ярослава Мудрого — Изяслав, Всеволод и Святослав попытались дать отпор степнякам, но, потерпев поражение в кровопролитной битве на реке Альте, возвратились в свои владения: Изяслав и Всеволод в Киев, а Святослав в Чернигов. Однако ввиду того, что угроза нашествия нависла теперь уже непосредственно над самой столицей, собравшееся в Киеве народное вече немедленно потребовало от Изяслава, как от Великого князя, продолжить борьбу с половцами. И когда князь отказался выполнить это требование¹⁵², в столице вспыхнул бунт. Восставшим народом был выпущен из заточения и провозглашен Великим князем Всеслав Брючиславич Полоцкий, арестованный Изяславом после одной из стычек. Всеслав Полоцкий и возглавил оборону города. В то время как сам Изяслав, выгнанный из Киева, спасаясь от народного гнева, тайно бежал в Польшу, к своему племяннику и кузену — королю Болеславу Смелому¹⁵³.

Несколько месяцев спустя, в 1069 г., Изяслав с Болеславом во главе большого польского войска вторглись в русские пределы, двинулись к Киеву. Князь Всеслав бежал в Полоцк, а захватчики торжествующе вошли в город 2 мая 1069 г. Изяслав жестоко наказал всех участников киевского восстания 1068 г. и распустил польское войско на постой в дома жителей столицы и ее окрестностей. Но неожиданно для агрессоров дальнейшие события почти с точностью повторили то, что произошло в Киеве ровно 50 лет назад. Размещение поляков «на прокорм» по домам киевлян незамедлительно вызвало возмущение, и снова началось массовое избиение ненавистных населению иноземных захватчиков «отай» (тайно). Король Болеслав вынужден был спешно бежать из Киева.

Как отмечает историк, «Изяслав поддался влиянию чужеземных сил, подчинил свою политику интересам поль-

ского короля, в свою очередь находившегося под сильным воздействием католического духовенства и политики папской курии». Его действия носили характер прямой измены интересам православной Руси, о чем говорит в своем «Слове о вере хрестьянской и о латынской» знаменитый игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий и которое он посвятил именно князю Изяславу Ярославичу¹⁵⁴. Игумен первого православного монастыря на Руси открыто упрекал князя Изяслава в его ориентации на латинян-поляков¹⁵⁵.

Однако, вернувшись в Киев благодаря поддержке иностранного войска, князь-изменник так и не смог до конца утвердиться на отцовском престоле. В 1073 г., когда возникли новые разногласия между братьями Ярославичами, Святослав с Всеволодом, поднявшись на Изяслава, заставили его во второй раз покинуть Киев. И он вторично же отправился за помощью к королю Болеславу Смелому. Правда, пишет исследователь, цена той помощи, которую хотел получить изгнанный князь, оказалась теперь значительно выше, чем он рассчитывал. Летописец рассказывает, что из Киева Изяслав ушел «со имением многим», т.е. с большой казной, и надеялся вернуться с большим войском наемников. Памятуя, очевидно, урок 1069 г., польский король принял кузена Изяслава холодно, взял у него деньги, но военной помощи не оказал¹⁵⁶.

И тогда, получив отказ родича-католика, Изяслав из Польши прямо отправился в Майнц, к врагу Болеслава — германскому императору Генриху IV, чтобы просить помощи уже у него, о чем рассказывают немецкие хронисты. Кроме того, находясь в Майнце, Изяслав вел переговоры не только с императором. Одновременно он отправил своего сына Ярополка с посольством еще дальше — в Рим, куда Ярополк Изяславич действительно прибыл весной 1075 г., чтобы от имени отца искать поддержки непо-

средственно Святейшего престола. Факты, думается, комментариев не требующие...

Заметим, это был 1075 год — время, когда римским понтификом только что стал уже упоминавшийся выше и знакомый читателю Григорий VII (Гильдебранд) — один из самых рьяных сторонников идеи превосходства духовной власти над светской и создания всемирного универсального церковного государства под главенством католического Рима. Именно Григорий VII наиболее упорно и систематически осуществлял грандиозную программу подчинения римскому престолу всей Европы, буквально заставляя владетельных государей различных стран одного за другим приносить себе ленную присягу и отдавать свои владения «в лен св. Петра». Открыто соперничать и противостоять этому напору осмелился тогда лишь германский император Генрих IV — разумеется, для защиты своих собственных экспансионистских замыслов в Европе. Между папой и императором разгоралась жестокая борьба. Как раз в этот момент и появился в Риме сын беглого русского князя — Ярополк Изяславич. Появился и, конечно, немедленно был взят под прицел цепких ватиканских стратегов. Обращение русского князя-изменника являлось как нельзя удобным поводом для прямого вмешательства во внутренние дела Руси с целью ее порабощения.

Документы, свидетельствующие об этом, донныне хранятся в Ватиканском секретном архиве. Достоянием исторической науки они стали благодаря тому, что еще в середине XIX века их извлек и опубликовал А.И. Тургенев. Согласно древним латинским манускриптам, Ярополк, явившись ко двору римского понтифика, просил от имени своего отца помощи в возвращении Киева и дал даже присягу папе в том, что в случае благоприятного исхода этого дела он подчинится духовной власти папы и сделает Русь «леном св. Петра». Так, письмо Григория VII от

17 апреля 1075 г. на имя Изяслава и его жены (причем в тексте письма, как и во всех других западноевропейских источниках, Изяслав именуется «Дмитрием, королем Русским») гласит: «Сын ваш, посетив город апостольский, пришел к нам и, желая из рук наших получить королевство в дар от святого Петра, выразил должную верность тому же блаженному Петру, князю апостолов... Мы согласились на просьбу и обещание сына вашего, которые казались нам справедливыми, как потому, что даны с вашего согласия, так и по искренности просителя, и передали ему кормило правления над вашим королевством от имени блаженного Петра, с тем намерением и повелением, чтобы святой Петр своим ходатайством перед Богом хранил вас и ваше царство и все ваши блага и содействовал вам до конца жизни вашей удержать царство ваше во всяком мире, чести и славе»¹⁵⁷.

Во имя исполнения этих проникнутых «отеческой любовью» слов, папа срочно организовал начало новых переговоров между Изяславом и польским королем Болеславом. Специально направленный к королю папский легат просил Болеслава Смелого оказать русскому беглецу всяческую помощь в завоевании великокняжеского престола. И король Болеслав, незадолго до этого уже принесший вассальную присягу Святейшему престолу, не имел права не исполнить сию настоятельную «просьбу» — приказ, пришедший из Рима. Между ним и Изяславом было заключено соответствующее соглашение, по которому польский король дважды, в 1077 и 1078 годах, действительно оказывал военную поддержку отправившемуся на Русь Изяславу. Правда, пользоваться этой помощью короля Болеслава князю пришлось совсем недолго. Уже 3 октября 1078 г. Изяслав погиб в битве на Нежатиной ниве (близ Нежина). Его тело привез в Киев, чтобы похоронить, сын Ярополк. А великокняжеский престол

по праву старшинства занял брат Изяслава — Всеволод Ярославич.

Так практически ничем завершилась и эта попытка распространить на Руси влияние и власть Римско-католической церкви. Думается, вышеприведенные события как нельзя лучше свидетельствуют о том, что за немногими исключениями уже первыми Рюриковичами изначально четко была осознана экспансионистская угроза западной «цивилизации». Точно так же, как были глубоко поняты и агрессивные цели главного на тот момент идеологического центра этой «цивилизации» — Римской церкви, стремившейся к установлению широчайшей, универсальной, или (как сказали бы теперь) глобальной, Власти над миром. Именно поэтому русскими князьями и была начата тогда, тысячелетие назад, борьба с агрессией Запада. Борьба, которая не завершена для России и сегодня...

Глава III

УСИЛЕНИЕ АГРЕССИИ ЗАПАДА

Хотя дипломатическое, а отчасти и военное наступление, организованное Римской церковью против Руси в конце X — XI в., было пресечено Великими князьями Киевскими, но попытки распространить католическое влияние на обширнейших русских землях, разумеется, не прекратились. Новая вспышка агрессивных замыслов Ватикана по отношению к державе Рюриковичей приходится на XII — начало XIII в. И опять эти замыслы самым тесным образом увязаны были с той общей политикой папства, с тем упорным стремлением католического Рима к господству над всем миром, которые уже отмечались выше.

Так, наиболее «выдающимся» успехом Римской церкви стала в этом смысле организация папой Иннокентием III¹⁵⁸ еще одного грабительского Крестового похода на Ближний Восток, во время которого, словно бы «попутно», западные крестоносцы захватили Константинополь¹⁵⁹. Во время этого похода, отмечает исследователь, на первое место уже со всей очевидной циничностью выступила «не религиозная, а политическая идея. (Поход) отличается хорошо обдуманым и искусно проведенным планом», направленным против Византии¹⁶⁰.

Об этом с особенной яркостью свидетельствует тот факт, что весной 1204 года, когда 20 000 войско европейских рыцарей-крестоносцев уже вело осаду древних

стен Константинополя, предводители этого войска — Энрико Дондоло, Бонифаций Монферратский и др. подписали между собой совершенно откровенный договор о разделе византийского наследства, которое, как отмечает исследователь, «они уже видели в своих руках»¹⁶¹. В частности, в этом соглашении, подписанном в марте 1204 года, «были подробно разработаны условия дележа будущей добычи — движимого имущества, земель и власти в том новом государстве, которое задумано было основать на месте Византии». Мартовский договор предусматривал основы государственного устройства и все детали территориального деления бывшей православной империи. Например, было постановлено, что после взятия Константинополя это государство получит выборного императора. И право выбора его предоставлялось исключительно комиссии из 12 человек — шести венецианцев (так как именно Венеция предоставила главную финансовую поддержку в осуществлении Четвертого крестового похода) и шести рыцарей. «Денежные люди Республики св. Марка»¹⁶², — пишет историк, — не хотели принимать на себя обременительную честь занятия императорского трона. Их вполне устраивали руководящие посты в доходном церковном управлении, поэтому по настоянию венецианского дожа в договор внесли условие, что та сторона, из среды которой не будет избран император, займет пост римско-католического патриарха Константинополя». Что же касается непосредственно земельных владений, то самому «императору предоставлялась четвертая часть территории империи, остальные три четверти делились пополам между венецианцами и крестоносными рыцарями». Таким образом, «заключение договора означало, что закончена дипломатическая подготовка к захвату Византии. Вскоре были завершены и военные приготовления: приведены в готовность осадные механизмы, укреплены лестницы, расставлены баллисты и катапульты...»¹⁶³

Первая попытка штурма Константинополя произошла 9 апреля 1204 года. Город был атакован с моря, но византийцы отбили удар. Со стен на рать европейских захватчиков обрушился град стрел и камней. Один из хронистов гордо заявляет, что за все время осады византийской столицы погиб лишь один рыцарь. В действительности потери агрессоров были значительно серьезнее. Только 9 апреля при попытке захватить одну из крепостных башен было убито около сотни крестоносцев.

Через три дня, в пасхальный понедельник 12 апреля, захватчики ринулись на второй штурм, который и принес им победу. С помощью перекидных мостков, переброшенных на стены города, рыцарям удалось взобраться туда; одновременно другие воины произвели пролом в стене и потом уже изнутри города разбили трое ворот. Крестоносцы ворвались в Константинополь, заставив войска византийского военачальника Мурцуфла отступить. Сам он под покровом ночи бежал из города¹⁶⁴. Так 12 — 13 апреля 1204 года произошло падение древней византийской столицы. Падение, которое ознаменовалось невиданным разрушением, разграблением и массовой резней¹⁶⁵, учиненной там западноевропейскими «рыцарями Христа» к «вящей славе Божьей», что было полностью одобрено Римско-католической церковью. Как пишет историк, «накануне штурма Константинополя епископы и священники, находившиеся при войске крестоносцев, беспрекословно отпускали грехи всем участникам предстоящего сражения, укрепляя их веру в то, что овладение византийской столицей — это правое и богоугодное дело... «Константинопольское опустошение» — так называется одна из латинских хроник, описывающая разбойничьи действия западных рыцарей в византийской столице. И действительно, озлобленные долгим ожиданием добычи и ободренные своими духовными пастырями, рыцари, захватив Константинополь, набросились на хра-

мы, дворцы, купеческие склады. Они грабили дома, разоряли гробницы, разрушали бесценные памятники искусства, предавали огню все, что попадалось под руку. Буйное неистовство воинов, насилия над женщинами, пьяные вакханалии победителей продолжались три дня... Французский мемуарист, участник похода Жоффруа Виллардуэн передает, что крестоносцы захватили огромную добычу и поубивали массу людей: по его словам, «убитым и раненым не было ни числа, ни меры»¹⁶⁶. Другой очевидец, детально поведавший о погроме 1204 года, грек Никита Хониат, как бы в оцепенении вспоминая дикие сцены, разыгравшиеся тогда в Константинополе, писал впоследствии: «не знаю, с чего начать и чем кончить описание всего того, что совершили эти нечестивые люди»¹⁶⁷.

«Алчность западных рыцарей поистине не знала границ... (Они) словно соревновались друг с другом в расхищении богатств великого города»¹⁶⁸. Крестоносцы-франки не давали пощады никому, говорит Никита Хониат, и ничего не оставляли тем, у кого что-нибудь было. Ибо, как и Анна Комнина, подчеркивает Хониат, «первой чертой их нации является сребролюбие, и для обирательства они придумали способ новый, и никакими прежними грабителями не применявшийся. Открыв могилы императоров и усыпальницы при великом храме учеников Христовых, они ночью ограбили саркофаги и незаконно присвоили себе все найденные золотые украшения, жемчужные нити и драгоценные камни, лежавшие нетронутыми и нетленными. Найдя тело императора Юстиниана, несмотря на долгое время оставшееся целым, они подивились, но все убранство все-таки себе присвоили». А ведь, подчеркивает историк Ф.И. Успенский, «перечень драгоценных царских саркофагов из порфира, зеленого и белого мрамора, стоявших в усыпальнице и в самом храме Апостолов, дошел до нас. ...Ряды роскошных, громадных

саркофагов содержали драгоценности, утрата которых невознаградима для археологии...»¹⁶⁹ Потревоженным оказался даже саркофаг императора Константина I Великого, откуда тоже унесли драгоценности. «Жадных рук крестоносцев не избежали ни церкви, ни предметы религиозного почитания. Европейские «воины Христовы», по рассказам хронистов, разбивали раки, где покоились мощи святых, хватали оттуда золото, серебро, драгоценные камни, «а сами мощи ставили ни во что»: их просто забрасывали, как писал Никита Хониат, «в места всякой мерзости». Не было сделано исключения и для самого знаменитого храма Св. Софии. Рыцари растащили его бесценные сокровища. Оттуда были вывезены «священные сосуды, предметы необыкновенного искусства и чрезвычайной редкости, серебро и золото, которыми были обложены кафедры, притворы и врата». Войдя в азарт, западные варвары заставили танцевать на главном престоле храма обнаженных уличных женщин и не постеснялись ввести в церковь мулов и коней, чтобы вывезти награбленное добро¹⁷⁰. Ревнители христианской веры, таким образом, «не пощадили не только частного имущества, но, обнажив мечи, грабили святыни Господни»¹⁷¹...

От погромщиков, закованных в рыцарские латы, отмечает историк, также «не отставали и грабители в сутанах. Католические священники рыскали по городу в поисках прославленных константинопольских реликвий... Так, аббат Мартин Линцский, присоединившийся к банде рыцарей, совместно с ними разграбил знаменитый константинопольский монастырь Пантократора. По словам хрониста Гунтера Парисского, повествующего о достославных деяниях этого аббата в своей «Константинопольской истории», аббат Мартин действовал с величайшей жадностью — он хватал «обеими руками». Безвестный хронист из Гальберштадта передает, что, когда епископ этого города Конрад вернулся в 1205 году на свою родину в Тю-

рингию, перед ним везли телегу, доверху нагруженную константинопольскими реликвиями. В целом с момента взятия Константинополя, отмечали современники, в Западной Европе не осталось, вероятно, ни одного монастыря или церкви, которые не обогатились бы украденными реликвиями»¹⁷². Украденными католиками именно в Константинополе, поверженной столице православного мира. Без комментариев.

Этот дикий разгром довелось увидеть русскому современнику, новгородскому дипломату Добрыне Ядрейковичу, оказавшемуся в тот момент в Константинополе. И Новгородская первая летопись старшего извода до сих пор хранит его скорбную повесть о том, как «папешские воины» в Царьграде «вся разбиша и ободраша»¹⁷³. Ибо варварское поведение западных агрессоров, распаленных видом богатств великого города, обрекло огню и мечу не только храмы и религиозные святыни. Погибли бесценные произведения искусства, архитектуры, библиотеки¹⁷⁴.

Отныне православная Византийская империя как государство была уничтожена, большая часть ее владений оказалась подчинена Западу¹⁷⁵. На этих землях срочно создавалась так называемая Латинская империя, и уже 9 мая 1204 г. в Константинополе на трон византийских императоров взошел католический ставленник Балдуин Фландрский — «апостол истинной веры в борьбе с еретиками-схизматиками», как называл его папа римский Иннокентий III. Сам же папа сразу приглашен был лично посетить Константинополь, чтобы «торжественно заложить первый камень» новой, «окончательно объединенной христианской церкви»¹⁷⁶.

Правда, отмечает исследователь, «торжествовать папе было рано. Скоро завоевателям пришлось убедиться, что Византия отнюдь не покорилась власти Рима. Хотя в храмах Константинополя греко-православный обряд бого-

служения заменили латинской мессой, хотя главой церкви, «патриархом константинопольским» был провозглашен венецианец Томмазо Морозини», но... местное православное духовенство, как и весь народ, относились к захватчикам с острой враждебностью. «В разных частях страны вспыхивали восстания, заметное участие в которых принимали и православные священники. Подавляющее же большинство высшего клира спасалось бегством, уходило от завоевателей на не захваченные еще крестоносцами территории страны, в частности, город Никея (Малая Азия), ко двору знатного грека Федора Ласкариса, ставшего императором образовавшейся в 1204 г. Никейской империи¹⁷⁷. Вот именно с этой наследницей Византии и стала поддерживать церковно-дипломатические отношения молодая православная Русь. Подчеркнем: отнюдь не с Римом, но именно — с уцелевшей и не утратившей независимости греческой Никеей.

И все же с захватом Константинополя Иннокентий рассчитывал явно на другой поворот событий. Так как с момента принятия христианства Киевской державой созданная тогда Русская православная митрополия находилась в каноническом единстве с Константинопольской патриархией, то теперь, после подчинения (пусть и формального) Константинополя Риму, Иннокентий III полагал, что под его духовную юрисдикцию переходит не только Византия, но и вся Русь, Православная церковь которой была частью Православной константинопольской патриархии¹⁷⁸. Как раз поэтому он весьма настоятельно и убеждал русских людей уже 7 октября 1207 г. в послании к «духовенству и мирянам в России»: «Возвратиться от своих заблуждений на путь истины, от которого они упорно отклоняются». «Хотя вы (русские), — писал понтифик, — до сих пор были удалены от сосцов вашей матери, как дети чужие, но мы, по возложенной на нас, недостойных, от Бога пастырской обязанности просве-

щать народ, не можем подавить в себе отеческих чувств и не заботиться о том, чтобы здоровыми убеждениями и наставлениями привести в соответствие члены, сообразно главе...» Ибо ныне, прозрачно намекал Иннокентий III на подчинение Константинополя Риму, когда «греческая империя и церковь почти вся вернулась к почитанию апостольского (римского) престола и смиренно приемлет от него повеления и повинуетя приказу, разве не будет неслезным, если часть (т.е. русская церковь) не будет сообразоваться со своим целым, и отдельное не будет в соответствии с общим...»¹⁷⁹ Однако, как уже было сказано, Русь предпочла не откликнуться на эти горячие изъявления «отеческих чувств» со стороны кровавого покорителя Константинополя и остаться верной каноническому единству с православной Никеей...

Примерно в это же время агрессивный папский Рим предпримет и еще один шаг к завоеванию мира. Совершит агрессию на Север Европы, в Скандинавию. Там войска шведских крестоносцев начнут захват земель будущей Финляндии, и особенно тех территорий, где расселялись небольшие финские народности сумь и емь. Народность емь (Центральная Финляндия) уже издавна поддерживала очень тесные торговые, политические и культурные связи с Новгородской Русью. Благодаря этим взаимовыгодным отношениям, среди финских язычников исключительно мирным путем начало даже распространяться православное христианство с Руси. А потому, когда на финские земли обрушились шведско-католические завоеватели, емь, отмечает исследователь, сразу получила в борьбе с ними активную поддержку и вооруженную помощь со стороны новгородцев¹⁸⁰. Так молодая православная Русь все зримее начинала выступать на международной арене в качестве сильного и непримиримого противника католической экспансии...

Далеко не случайно поэтому еще в 1130 г. епископ

Краковский Матвей писал, обосновывая настоятельную необходимость «обращения русских» и искоренения их «нечестивых религиозных обрядов»: «Народ же русский неисчислимо по множеству своему, подобно звездам, веры они православной, и установлений истинной религии (католической. — *Авт.*) не соблюдают»¹⁸¹. Как отмечает историк, в этом «послании епископа Краковского явственно слышатся воинственные призывы к открытой агрессии против русского народа и употребляются такие энергичные выражения, как «искоренить нечестивые обряды» (*exstirpare impios ritus*)». Не требует пояснений, что краковский папист выражал взгляды не только свои, но и католического духовенства в целом¹⁸².

Собственно, этим зловещим замыслом и следовали шведские крестоносцы, когда, варварски поработив финское племя сумь¹⁸³, в мае 1164 г. шведская флотилия из 55 шнеков появилась перед древней русской Ладогой. Подвергнув разорению посад вокруг крепости, шведы многократно, но безуспешно пытались взять ее штурмом, пока подоспевшая новгородская рать не нанесла им сокрушительный удар, обратив в бегство за пределы Руси¹⁸⁴. Причем, указывает исследователь, поход шведов «совпал по времени с крупной агрессией против поморских славян, предпринятой коалицией, возглавляемой герцогами и королями: Генрихом Львом (Саксония), Адольфом Гольштинским, Альбрехтом Медведем Мекленбургским, Вальдемаром I Датским. (Об этой коалиции уже было сказано выше. — *Авт.*) Несмотря на значительные силы, они были разбиты в сражении при Дымине. Таким образом, шведское нападение на Русь было как бы одним из ударов, по-видимому, согласованно намеченных организаторами очередного Крестового похода, осуществленного по благословению папы римского Александра III, писавшего, что «*миссионеров*» *необходимо поддержать войском*»¹⁸⁵.

Но такое угрожающее положение складывалось не только на севере, в районе русско-финского пограничья. Столь же опасно для Руси развивались события и на ее западных рубежах. Как мы видели, ко второй половине XII столетия немецкие рыцари, окончательно покорив и захватив земли прибалтийских славян, вышли на юго-западный берег Балтийского моря, где ими был основан город-порт Любек. Теперь началась борьба за ту небольшую, но стратегически становившуюся крайне важной область земель, лежащих к востоку от Балтики. Как уже было сказано выше, земли эти издавна заселяли литовско-латышские племена, а также финское племя эстов. Именно чтобы содействовать скорейшему захвату эстонской земли католическими «миссионерами», папа римский Александр III объявил отпущение грехов всем сражающимся «против эстов и других язычников в тех местах». Специальная папская булла еще 17 сентября 1171 г. призывала всех «истинно верующих» в Дании, Норвегии и Швеции «протянуть руку помощи эстонскому епископу Фулько, всеми силами способствующего обращению неверных»¹⁸⁶. Прибалтийские народности были уже самыми непосредственными соседями Киевской Руси. А потому здесь нам необходимо остановиться особенно подробно...

Во-первых, как отмечает историк, между Русью и Прибалтикой нет и никогда не было резких ландшафтных границ, нет даже сколько-нибудь приметных географических вех — это единая равнина, служащая продолжением русской системы конечных морен, тот же рельеф, те же болотца, те же озерца, что и на Псковщине или Новгородчине. Гидрографическая сеть связывала, а не разделяла народы. Для русских и эстонцев Чудское и Псковское (Пейпус) озера — общие. Реки Эстонии (Эмайыги) и Псковщины (Великая) связывают два края. Сквозные общие водные пути по Западной Двине (Даугаве), соеди-

няющей Смоленщину и Белую Русь (Полоцк, Витебск) с Лифляндией (Латвией), и по р. Нарове с ее притоком р. Плюсой, служащей для эстов и новгородцев единой дорогой к Финскому заливу.

Все эти водоемы издревле составляли в хозяйственном отношении общий район рыбных промыслов местного, коренного населения — новгородских словен, кривичей, ливов, корси, чуди (эстов), летьголы, води (вожан), пользовавшихся каждый своим участком и не испытывавших от этого никакого недостатка в неисчерпаемых природных богатствах края.

И наконец, главным географическим фактом в отношениях Руси к Прибалтийскому региону было то, что для всей огромной сухопутной Северной и Северо-Восточной Руси Прибалтика служила единственно возможным и естественным выходом к морю, и изменить этот факт ничто не могло¹⁸⁷.

Так сложилось, что вышеназванные народы Прибалтики, живущие небольшими отдельными племенами или племенными союзами, с первобытных времен сохраняя свое этническое своеобразие, находились в «умеренно-дружественных» или «умеренно-союзных» отношениях с соседними славянскими и угро-финскими народами, не испытывая никаких особых проблем. Хотя они жили в этом регионе рядом, бок о бок, но в то же время не тесно и изолированно друг от друга, вплоть до конца XII века. Именно эта изолированность, подчеркивает исследователь, обеспечивала прибалтийским народам вполне самостоятельную жизнь, причем мощным и надежным средством этой естественной изолированности, сдерживающей взаимопроникновение племен, были не укрепления, *не оружие, не воинственность и не войско, а только разный у всех национальный язык*. Тогда, на заре исторического развития, прежде всего язык как бы «оправдывал» и «объяснял» причину «замкнутости» и замедлен-

ного исторического развития прибалтов, их слабые контакты с соседними народами. И для соседних славян этот «языковой изолятор» был вполне достаточным основанием для того, чтобы сохранять «сдержанные контакты» с прибалтами. Их племена, перечисленные в Повести временных лет — корсь, либь, чудь, земгола и летьгола, — хотя и являлись данниками первых русских или варяго-русских государственных образований (т.е. Новгородского и Псковского княжеств), но эта дань была «факультативной», необременительной, и обычно исключительно натуральной. В числе продуктов Прибалтики, ценимых восточными славянами, были рыба (вяленая, сушеная) и янтарь. При том изобилии природных богатств, которые существовали в этом краю в IX — X веках, такая «дань» не отягощала народы, а являлась, по сути дела, символическим знаком принадлежности Прибалтики к территории варяго-русского государства¹⁸⁸.

Например, согласно русским летописным свидетельствам, в 860 — 1015 г. даннические отношения народов Прибалтики с Новгородским княжеством как частью Киевской Руси поддерживались в основном регулярно и добровольно. Начиная с 907 года и на протяжении всего X столетия чудь (эсты) принимали участие в заграничных походах Олега и других русских князей на Царьград (Константинополь), что также было явным проявлением *добровольных* дружеских отношений чудских племен с русскими. С 1015 по 1030 г., в период междоусобиц сыновей Владимира I Крестителя, взимание дани русскими князьями со всех прибалтийских племен совершенно прекратилось. И лишь в 1030 г. Великий князь Киевский Ярослав Мудрый вновь восстановил этот обычай. В этом году он впервые строит на чудской и лютской земле крепости Юрьев (Тарту) и Герсик (Ерсику), *задачей которых являлась оборона дальних подступов к русским границам*, конкретно — от скандинавских викингов, ко-

торые нападали более всего на корсь, расселявшуюся на западном побережье Балтийского моря в Ирбенском заливе. Основной целью этих нападений было достижение Полоцка, расположенного далеко от моря на Западной Двине. Богатое Полоцкое княжество также имело свой активный форпост в Ливской и Леттской землях на нижнем течении Даугавы (Западной Двины) — крепость Кокнес (Кукейнос, Кокенгаузен) и распространило фактически свое влияние на всем течении Даугавы.

Исследователь подчеркивает: все эти обстоятельства создавали у русских князей уверенность, что дальние подступы Новгорода, Полоцка и Смоленска надежно защищены от вторжения, а у союзных Руси народов Прибалтики — уверенность, что в случае агрессии русские князья не пропустят захватчиков в свой регион, и, следовательно, сохранится неизменным и племенное статус-кво для ливов, леттов и чуди. Однако в начале XII столетия положение в Прибалтике резко изменилось, хотя опасное значение этих перемен не было сразу замечено и должным образом оценено ни местными народами, ни князьями Киевской Руси. «Из земли окраинной, тихой, неизвестной Прибалтика в какие-нибудь три-четыре десятилетия превратилась сразу в «проходной двор», в арену ожесточенных войн, в район разорения и истребительных набегов заморских пришельцев»¹⁸⁹.

А ведь началось все довольно просто, даже случайно. В 1158 г. к устью Западной Двины был прибит бурей корабль немецких купцов, которые таким образом открыли для себя новый, неизведанный край, населенный немногочисленным слабым племенем «язычников», настолько наивных и далеких от тогдашней европейской цивилизации, что у них с огромной выгодой можно было выменивать необходимые немцам товары. Ну а вслед за купцами в Прибалтику, разумеется, тотчас явились немецкие католические миссионеры из архиепископства Бременского.

Явились с целью завоевать и окрестить этих «язычников». Началась стремительная военно-церковная колонизация края, наталкивавшаяся на ожесточенное, отчаянное, но совершенно недостаточное и, подчеркивает историк, технически наивное сопротивление аборигенов¹⁹⁰.

Собственно, так, с истории немецкого вторжения на территорию данников Руси — ливов и эстов, — и начинается политическая история Прибалтики. Ввиду того что первыми жертвами вторжения были именно ливы, то и все захваченные далее территории получили название Ливонии (по-латыни *Livonia*, по-немецки *Livland*). Быстро разобравшись в отсутствии прямого административного управления этими территориями со стороны Киева, немцы в течение всего трех десятилетий, с 1186 по 1219 г., крестом и мечом покорили и подчинили себе прибалтийский край, создав там первые государственные образования. Но, понятно, что принадлежали эти новообразованные государства отнюдь не местным, коренным народностям, к тому времени так и не развившим свое общество до создания государственности, а исключительно немецким пришельцам, «импортировавшим» в Прибалтику государственные порядки Священной Римской империи германской нации. Историк В.В. Похлебкин выстраивает следующую хронологическую картину этих событий. 1158 г. — первое вторжение немецких купцов. 1186 г. — образование в нижнем течении Западной Двины «Икскюльского»¹⁹¹ епископства в Руси». 1201 г. — перенесение епископской резиденции из Икскюля в Ригу и отделение «епископства Ливонии» от Бременской епархии. 1202 г. — создание викарного Земгальского епископства.

Таково, вкратце, было начало захвата Балтийского плацдарма западными агрессорами. И, подчеркивает исследователь, с самого начала захватническими действиями немецких, а впоследствии датских и шведских завое-

вателей-крестоносцев в Прибалтике руководила Римско-католическая церковь так же, как мог видеть выше читатель, руководила она откровенно захватническими Крестовыми походами европейцев на Ближний Восток. Это объяснялось тем, что «немецкие, шведские, датские крестоносцы видели перед собой лишь ближайšie цели, ближайšie объекты захвата. Напротив, руководство католической церкви, стоявшее над светскими властителями и духовными князьями, могло ясно обозреть общую ситуацию и широко планировать политику «продвижения на Восток», политику захвата и порабощения целых стран и народов. Именно католическая церковь являлась той организующей силой, которая объединила толпы «крестоносцев», создала в Ливонии духовно-рыцарское государство и возглавила завоевание прибалтийских земель. За грабеж и порабощение прибалтийских народов, за потоки крови, пролитые завоевателями, римская курия несет не меньшую ответственность, чем немецкие, шведские и датские рыцари»¹⁹².

Ни в коем случае нельзя также забывать о том, что, отмечает уже другой исследователь, «вторжение в Прибалтику, а затем в Литву, Польшу и Русь немецкие крестоносцы осуществляли тогда, когда борьба их бывших союзников, крестоносцев-франков в Передней Азии была еще в полном разгаре. Действия крестоносцев и на Средиземном, и на Балтийском, и на Черном морях направляла папская курия. Курия отлично понимала взаимосвязь всех направлений этих походов. Крестоносцы, вторгшиеся в Прибалтику, сумели обеспечить себе достаточно широкий приток людских подкреплений и средств в немалой степени потому, что этот Крестовый поход был сразу же официально приравнен курией к походу на арабов. Германская империя хотя и враждовала с курией, но в прибалтийском вопросе их интересы совпадали. Политические цели и германских императоров, и папской курии

требовали создания здесь постоянных феодальных колоний для контроля над балтийской торговлей и политического давления на Швецию, Норвегию, Данию и Польшу, а главное — для наступления на Русь, чтобы обеспечить алчное немецкое дворянство новыми землями, а католическую церковь — источниками богатых доходов...»¹⁹³

Например, особо «выдающуюся» роль в захвате Прибалтики сыграл такой яркий представитель католической церкви, как немецкий монах-проповедник Мейнгард, викарый архиепископа Бременского, прибывший в устье Даугавы на торговом корабле около 1180 г. Формально эта местность входила тогда в состав русского Полоцкого княжества и была заселена ливами. Именно Мейнгард является создателем и первым епископом упомянутого выше «Икскюльского епископства в Руси». Ливы оказали Мейнгарду упорное сопротивление, не давая превратить себя в данников католической церкви. И тогда Мейнгард прямо обратился за помощью к папе римскому, который в 1193 г. объявил первый Крестовый поход против ливов. Однако поход полностью провалился. Только преемнику Мейнгарда Бертольду удалось силами крестоносцев летом 1198 г. победить ливов, хотя сам он был убит в кровопролитном сражении. Правда, рассказывает средневековый хронист, как только крестоносцы вернулись назад в Германию, ливы немедленно «смыли» в реке насильно навязанную им веру и прогнали со своей земли ненавистных им католических священников.

В 1199 г. архиепископ Бременский посвятил в епископы Ливонии своего родственника Альберта Буксгевдена, крайне властолюбивого и не стеснявшегося в выборе средств человека. С того момента в течение тридцати лет именно он был непосредственным организатором самого жестокого покорения и подчинения немцами ливов, эстов, леттов и других народностей Прибалтики. Весной 1200 г. 23 корабля с крестоносцами, завербованными

Альбертом, появились в устье Даугавы. В Икскюле и Саласпилсе силой оружия крестоносцы снова принудили ливов креститься. Местная знать, специально приглашенная на устроенный немцами пир, была вероломно захвачена и заточена. Попавшие в западню были освобождены лишь после того, как они оставили в качестве заложников 30 своих сыновей, которых Альберт приказал отправить в Германию. Там их воспитывали в духе покорности немцам и готовили к роли проповедников католицизма.

Рим оказывал действиям Альберта Буксгевдена неизменную идеологическую и финансовую¹⁹⁴ поддержку. Предоставляли деньги и корабли для осуществления захватов и немецкие купцы. Со своей стороны епископ Альберт хорошо понимал, что силами одних крестоносцев, которые прибывали в Ливонию весной, а осенью поскорее убирались восвояси с награбленной богатой добычей, ему не удастся полностью покорить этот край. Он приступил поэтому к созданию на месте прочного опорного пункта и постоянного войска. В качестве опорного пункта Альберт в 1201 г. выбрал расположенную близ устья Даугавы маленькую земгальскую гавань, носившую название Рига, где по его приказу был выстроен мощный замок, который стал центром агрессии крестоносцев против Прибалтики. Одновременно, чтобы иметь в Ливонии постоянное войско, Альберт начал раздавать часть завоеванных земель немецким светским крестоносцам, преимущественно рыцарям, в ленное владение. Ленник получал право собирать подати со своих крестьян, зато в случае надобности обязан был являться на войну в сопровождении определенного количества своих людей. В 1202 г. по благословлению и поддержке папы Александра III эти рыцари были объединены епископом Альбертом в так называемый Орден меченосцев¹⁹⁵ (или, иначе, Ливонский орден). Отличительным знаком Ордена меченосцев стал герб с изображением меча и креста. Военное

значение нового ордена стало быстро расти, и уже в 1207 г. по соглашению с Рижским епископством в безраздельное владение ордена была передана треть всех завоеванных в Прибалтике земель (а две трети отходили самому епископу). Во главе ордена стоял магистр, выбираемый из числа рыцарей. В провинциальных замках, которые возводились на захваченных территориях, суд и управление вершили фогты — орденские военачальники. Завоеванные земли орден раздавал своим вассалам и духовенству, подчиняя их власти местное население, которое было обязано содержать своих поработителей, работать на них и участвовать в их военных походах.

Кроме того, следует отметить, что немцы действовали в Прибалтике по излюбленному для всех завоевателей принципу «разделяй и властвуй». Например, чтобы ослабить сопротивление местного населения, они натравливали одни балтийские народности на другие. Так как вначале объектом агрессии немецких крестоносцев было нижнее течение Даугавы, первые заключенные Альбертом договоры были направлены прежде всего против ливов и их союзников. Так, в 1201 г. Альберт заключил договор с литовцами против полоцких князей, которым ливы платили тогда дань. А уже в 1202 г. последовал военный союз Альберта с земгалами против ливов. Епископ старался в то же время использовать земгалов для борьбы с литовцами.

Закрепляясь на нижнем течении Даугавы, немцы задевали уже непосредственно интересы Руси. Полоцкий князь Владимир терял выгодный торговый путь по Даугаве в земли, где проживало значительное количество его данников. Появление там крестоносцев прямо грозило распространением германской агрессии далее на восток, на русские земли. Именно это активное продвижение немецких завоевателей уже в 1203 г. заставило полоцких князей совершить первый военный поход на Ригу. Почти

одновременно на Ригу совершили поход и литовцы во главе с князем Виссивальдом, правителем Ерсики. Князь просил у русских помощи против подступающих к его городу крестоносцев. В 1206 — 1210 гг. вновь происходят военные столкновения между немцами и полоцкими дружинами. Причем русских поддерживали, поднимая восстания, ливы и эсты, обращенные в рабство крестоносцами. Но... Но, как отмечает исследователь, эти походы и столкновения уже «обнаружили лишь военную слабость и запоздалость всех мер против немецкой агрессии со стороны полочан»¹⁹⁶. Крепостные укрепления Риги оказались для русских неприступными.

В то же время епископ Альберт получил в союзники местного князька Каупо, правителя ливской области Турайда. Будучи крещеным, Каупо побывал на Западе, посетил в Риме папу и, ослепленный его обещаниями, стал на путь предательства своего народа, сделавшись верным союзником католической церкви и немецких крестоносцев. Собрав в 1205 г. значительный отряд рыцарей, Альберт направился вверх по Даугаве и силой заставил принять католическую веру всех ливов в Доле, Саласпилсе, Икскюле, Айзкраукле. Ранее во всех этих местах насильственно крещенные ливы отпали от католичества во время похода на Ригу полоцкого князя. Чтобы заранее пресечь возможное сопротивление ливов в будущем, немцы сожгли их замки и взяли много заложников.

И все же это не сломало сразу дух сопротивления ливов. Они снова обратились за помощью к «полоцкому королю Владимиру». Епископ Альберт также отправил в Полоцк своих послов с целью оправдать насилия немцев и действия самого епископа на землях ливов. Но случилось так, что ранее прибывшие в Полоцк посланцы ливов разоблачили действительные намерения захватчиков. Полоцкий князь в мае 1206 г. назначил общий совет ливов и латгалов у реки Огре, на который предложил явиться

представителям рижского епископства, чтобы обсудить создавшееся положение. Так как представители немцев на этот совет не явились, его участники решили организовать поход против Саласпилса и Риги, чтобы изгнать захватчиков. Узнав от предателей об этом решении, немецкие рыцари немедленно напали на ливов в Доле и Саласпилсе, убили или захватили в плен представителей местной знати. Так как ливы из Турайды тоже участвовали в этом совете и постановили бороться с немцами, Альберт, пригласив на помощь земгалов, организовал военную экспедицию против Турайды. В задачу этой экспедиции входил, между прочим, и захват торгового пути по реке Гауя. Частью войска командовал изменник Каупо, который повел его против собственного замка, где укрылись его родственники и дружина. Замок был взят, разгромлен и сожжен, а гарнизон — перебит. Находившийся же неподалеку замок представителя местной знати Дабреля в Сатезеле защищался столь героически, что нападавшие вынуждены были отступить.

Узнав об этих событиях, полоцкий князь Владимир снова пришел со своим войском и осадил выстроенный немцами замок в Саласпилсе. Князь разослал гонцов и призвал к борьбе ливов и латгалов. Однако на помощь русским пришли только ливы из Турайды (Трейдена). Латгалы не явились. Осада Саласпилса, длившаяся десять дней, к успеху не привела. Кроме того, князю стало известно, что в устье Даугавы появились новые корабли крестоносцев. Пришлось прекратить осаду и вернуться в Полоцк, которому, в свою очередь, угрожала опасность литовского нападения. Угроза Полоцку со стороны литовцев крайне затрудняла дело оказания помощи ливам против иноземных захватчиков. Сопротивляться дальше ливы оказались больше не в силах и приняли католичество. Как уже отмечалось выше, в 1207 г. епископ Альберт

и Орден меченосцев поделили между собой захваченные земли ливов.

Используя далее трудное положение русского князя в борьбе с литовцами, епископ Альберт стал захватывать все новые и новые опорные пункты вдоль торгового пути по Даугаве. Как пишет историк, «беспоощадно подавляя или истребляя латышское население и умело привлекая на свою сторону часть ливской знати, крестоносцы в короткий срок, несмотря на упорное сопротивление латышских и русских воинов, овладели главными опорными пунктами полоцкой власти в Нижнем Подвинье — крепостью Кокнес (1207), Селпилс (1208)»¹⁹⁷ и захватили последний оплот русских в Ливонии — город Ерсикю (выше на 20 км по течению Даугавы от впадения р. Дубна). Кокнесский князь Ветеске (Вячко) вынужден был подчиниться верховной власти Альберта и уступить ему половину своего замка и территории. Жившие по соседству с Вячко немецкие вассалы в провокационных целях завязали с ним спор. Весной 1208 г. они напали на замок Кокнес и захватили в плен Вячко, обвиняя его в измене. Правда, некоторое время спустя, епископ восстановил князя в правах на владение. Но Вячко понимал, что положение безнадежно. Не будучи в силах продолжать борьбу, он отомстил немцам, сжег свой замок и ушел вместе с дружиной на русскую землю. Впоследствии он неоднократно храбро сражался против немцев на территории эстов. Посланная епископом карательная экспедиция нашла только руины сожженного замка. Совершая разбойные набеги на окрестности Кокнеса, рыцари истребили большую часть местного населения, селов и латгалов, не успевших скрыться в лесах. Вместо сожженного замка Вячко Альберт приказал выстроить новый, каменный, ставший для завоевателей одной из сильнейших опорных крепостей в Ливонии. Вскоре после этого войско епископа заняло Сельпиле — главный центр селов — соседей

латгалов. Территория селов была предварительно разорена, а многие жители перебиты¹⁹⁸.

Касательно завоевания последнего укрепления русских в Ливонии — Ерсики следует сказать, что она была взята главным образом благодаря неожиданности немецкого нападения. Внезапным ударом войску епископа Альберта удалось с ходу занять и сжечь замок, а богатую добычу и множество пленников крестоносцы отправили в Ригу. Хроника Генриха Латвийского сообщает, что немцы увезли из Ерсики также церковные колокола и иконы, а это свидетельствует о том, что в данном случае дело шло не о борьбе с изменниками, а именно о грабеже народа, уже давно принявшего православие. Лишившись поддержки Полоцка, Всеволод, князь Ерсики, не мог более продолжать борьбу и вынужден был согласиться на мир, условия которого продиктовал епископ Альберт. Став вассалом епископа, князь отказался в его пользу и от части своей территории. Однако это не спасло Всеволода от жадности немецких завоевателей. Вскоре его владения урезаны были еще больше, а замок разграблен. Когда, (приблизительно в 1230 г.) Всеволод умер, вся территория Ерсики окончательно перешла в руки епископа и ордена.

После превращения Риги в основную базу немецко-католической агрессии, епископ Альберт добился от папы римского специальной буллы, которая под страхом отлучения от церкви запрещала поездки купцов по реке Лиелупе и посещение ими гавани земгалов. Одновременно это запрещение было направлено против Полоцка и Смоленска, поскольку нижнее течение Даугавы, по которому шла торговля с островом Готландом (на Балтике) и Западной Европой, оказалось под контролем завоевателей. Дальнейшие усилия Альберта были направлены уже на прямой захват и блокирование древнерусских торговых путей по реке Гауе и через земли эстов, которые свя-

зывали Псков и Новгород с Балтийским морем. Этим епископ рассчитывал обеспечить за немецкими купцами монопольное положение в торговле с русскими городами.

Действия захватчиков активизировались в особенности после 1206 г. Немцам удалось укрепиться на севере от Турайды (Трейдена) и даже построить в Цесисе (Венден) замок Ордена меченосцев (около 1207 г), который стал опорным пунктом для подчинения земель Северной Латвии и Южной Эстонии¹⁹⁹. Пользуясь междоусобными раздорами, вспыхивавшими между Талавой и Угаунией (Южная Эстония), немцам удалось настроить латышей и эстов враждебно друг против друга. Созданный по инициативе немцев в 1208 г. военный союз между латгалами Талавы, епископом Альбертом и Орденом меченосцев был направлен против эстов. Началась война, которая длилась почти четыре года. В результате ожесточенных набегов с обеих сторон были разорены как Талава, так и Южная Эстония. Наконец, в 1212 г. вызванный войной голод и мор заставили обе стороны заключить мир. Как отмечают исследователи, «проиграли на этом, конечно, только латгалы и эсты, немцы же получили опорные пункты в Южной Эстонии, которые использовали для дальнейшего расширения агрессии»²⁰⁰.

После захвата немцами Ерсики земгалы и курши встали на путь более активной борьбы против крестоносных разбойников. Тем и другим теперь стало ясно, что рано или поздно очередь придет и за ними. Земгалы перестали оказывать военную помощь немцам, но особенно активно стали действовать против западных агрессоров курши (куроны), соплеменники ливов. Весной 1210 г., когда очередной отряд крестоносцев возвращался из Прибалтики в Германию, курши у Ирбе напали на немецкие корабли и нанесли рыцарям тяжелое поражение. Среди павших в этом бою было около 30 знатных рыцарей. Используя результаты своей победы, курши организовали

большой поход против Риги. Они пригласили на помощь ливов, литовцев, земгалов, русских и эстов. Но поход этот, направленный на решительный разгром немцев, в конечном счете не увенчался успехом ввиду недостаточной согласованности действий союзников. На рассвете 12 июля 1210 г. курши на кораблях появились у Дюнамюнде и двинулись на Ригу. Ситуация в городе сложилась настолько критическая, что к оружию были призваны даже женщины и дети. Куршам не удалось взять крепость первым ударом, а тем временем успели подойти немецкие подкрепления. Курши же, не дождавшись прихода своих союзников, ливов и латгалов, вынуждены были отступить от города. Каким опасным было тогда положение немцев-рижан, свидетельствует уже тот факт, что день отражения куршей (13 июля) немцы в Риге стали считать потом своим праздником.

Осенью 1212 г. началось массовое восстание ливов и латгалов в Аутине близ Цесиса. Непосредственной причиной восстания были притеснения местных жителей немецкими захватчиками. Угрожая оружием, рыцари отобрали у них поля и борти, а за сопротивление многих убивали. Чтобы совместно обсудить план действий против поработителей, представители ливов и латгалов устроили общий совет, который шел два дня. Заключив между собой союз, они принесли взаимную клятву об изгнании всех захватчиков. Центром восстания стал замок ливов Сатезеле в Сигулде, который немцы не могли взять еще в 1206 г., именно оттуда теперь раздавался призыв к восстанию против крестоносцев. Но и на этот раз рыцари опередили ливов. Предупредив действия повстанцев, они успели разрушить ливские замки в Лиелварде, Турайде и Саласпилсе. Более успешным было выступление ливов в Сатезеле, где они действовали совместно со своими соседями латгалами. Понятно, что силы их оказались слишком недостаточными, чтобы победить организованное ры-

царство. На Сатезеле были брошены все войска епископа и ордена. Вдохновляемые призывом к борьбе против иноземного ига, защитники замка долгое время оказывали сопротивление превосходившим их силам. Только значительный опыт осады замков и применение специальных осадных приспособлений, позаимствованных крестоносцами у арабского Востока, позволили немцам задушить это восстание. В наказание на ливов была возложена контрибуция, которую требовалось уплатить серебром, и дань в повышенном размере. Союзники ливов — латгалы в Аутине — получили обратно свои борти, но потеряли отобранные у них рыцарями поля.

Два года спустя крестоносцам уже полностью удалось захватить в свои руки всю Талаву, куда немецкие миссионеры начали проникать еще с 1208 г. Делу католической проповеди благоприятствовало то обстоятельство, что псковский князь Владимир, связанный узами родства с епископом Альбертом, на первых порах открыто не выступал против их деятельности²⁰¹. Но уже через несколько лет князю стало ясно, что проповедники католической церкви фактически выступают в роли политических агентов западных завоевателей. Осуществляя свои коварные замыслы, они добились не только отпадения Талавы от православия, но и разрыва ее вассальных отношений с Псковом. В 1214 г. сыновья латышского князька Таливалда официально перешли из православия в католичество и стали вассалами рижского епископа. Жители Талавы в знак признания верховной власти рижского епископа должны были платить ему пуру²⁰² зерна с каждого участка земли, обрабатываемого двумя лошадьми. За это рижский епископ обязался защищать Талаву от литовцев и эстов. Однако, подчеркивают исследователи, реально «декларация «о защите Талавы» лишь прикрывала переход этой территории под полное владычество крестоносцев»²⁰³.

После подчинения Талавы епископ Альберт организовал поход в земли эстов. В этом походе должны были участвовать и крещенные в католичество ливы и латгалы. Ранней весной 1211 г. крестоносцы вторглись и жестоко опустошили эстонскую землю Сакала. Был осажден замок Вильянди. Однако первая попытка немцев прорваться в крепость была отбита, в руках эстов осталось много немецкого вооружения. Чтобы вынудить их к сдаче, захватчики стали на глазах у осажденных истязать и убивать пленных, захваченных при опустошении окрестной местности. Но это не сломило волю осажденных к сопротивлению. Они сражались с большой отвагой и умением, отбивали в кровопролитных схватках все атаки, заделывали бреши в стенах крепости и тушили пожары. Лишь на шестой день осады, когда в крепости насчитывалось уже много раненых и иссякли запасы воды, осажденные согласились на мирные переговоры. В крепость были впущены только священники.

Героическая оборона Вильянди показала захватчикам силу сакаласцев и одновременно подняла на борьбу других эстов. Рижские немецкие купцы были так напуганы, что весной не предприняли своих обычных торговых поездок. Сакаласцы вскоре отказались признать навязанный им мир. Когда орден вместе с Каупо совершил после этого разбойничий набег на землю сакаласцев, последнее под предводительством своих старейшин Лембиту и Мээме нанесли рыцарям серьезный ответный удар. Ополчение эстонцев из Уганди и Ляэнемаа также перешло в наступление. «Одно войско следовало за другим; одни уходили, другие приходили, не давая ливам покоя ни днем, ни ночью» — повествует Хроника Генриха Латвийского.

Весной 1215 г. последовал еще один сильный удар по захватчикам со стороны эстов. Жители эстонского острова Сааремаа (Эзель) на Балтике, подойдя на своих ко-

раблях к устью Даугавы, заперли его и атаковали Ригу. Немцев спасло лишь то, что как раз в это время на двух больших кораблях подошли свежие силы крестоносцев, и сааремаасцы вынуждены были уйти в море. Так что, невзирая на эту упорную борьбу, крестоносным захватчикам удалось все же в 1215 — 1216 годах подчинить своей власти эстов Уганди, Сакала и Соонтага. Однако, подчеркивают исследователи, «нигде на эстонской земле враг не чувствовал себя в безопасности». И новые вторжения войск епископа и ордена на земли эстов не могли заставить их смириться. Например, зимой 1216 г. немцы через замерзшие проливы впервые вторглись на остров Сааремаа. Убивая людей, опустошая деревни, они подошли к одному из городищ и осадили его, но сааремаасцы разбили их войско. Опасаясь преследования со стороны местного ополчения, рыцари убежали по льду так поспешно, что многие, обессилев от стремительного бега, валились замертво.

Одновременно эсты обратились за помощью к русско-му князю Владимиру Полоцкому. Как передает хронист Генрих Латвийский, прибывшие специальные послы эстов просили «полоцкого короля Владимира», чтобы он «с многочисленным войском пришел осаждать Ригу, а сами обещали в это время теснить войной (подчиненных рыцарями) ливов и латгалов, а также (с помощью жителей Сааремаа) запереть гавань Даугаврие»²⁰⁴. Полоцкий князь отозвался на эту просьбу о совместной борьбе против немцев. Был разработан широкий план общего контрнаступления русских и эстов, согласно которому Владимир со своими войсками намеревался осадить главный опорный пункт немцев Ригу, а сааремаасцы в то же время должны были запереть устье Даугавы. Предполагалось также, что эсты материковых земель начнут одновременно наступление с севера с тем, чтобы помешать ордену прийти на помощь Риге. Полоцкий князь собрал

большое войско из русских и литовцев. Но как раз в тот момент, когда Владимир во главе своего войска уже собирался взойти на корабль, чтобы двинуться на Ригу, его неожиданно постигла смерть. Хорошо продуманный план совместных действий против немецких захватчиков, таким образом, расстроился. Собранные войска вынуждены были разойтись. Возможно лишь, что с намеченным, но несостоявшимся контрнаступлением был связан только упоминаемый в Псковской летописи поход новгородцев на Ригу в том же 1216 г.²⁰⁵

Вместе с тем в ставке рижского епископа через лазутчиков военный план русских и эстов стал известен. Немцы особенно опасались закрытия выхода к морю, так как в этом случае они оказались бы отрезанными от своих исходных баз. Выше отмечалось, что всего годом ранее, сааремаасцы, блокировав устье Даугавы, уже показали себя искусными воинами. Чтобы не очутиться еще раз в подобной ситуации, немцы поставили в устье реки превращенное в плавучую крепость сторожевое судно с многочисленным и хорошо вооруженным экипажем. Когда сааремаасцы узнали об этих приготовлениях, а также о смерти полоцкого князя Владимира, они отказались от похода против Риги и вместо этого двинулись по реке Салатси в район озера Буртниеки.

А к крестоносцам продолжали прибывать все новые пополнения, что давало им возможность шаг за шагом продвигаться вперед. Летом 1216 г. их войска опустошили и разорили земли Харьюмаа и Рявала. В начале 1217 г. они проделали то же самое в Ярвамаа и Вирумаа. Земля повсеместно опустошалась и выжигалась дотла. Мужчин убивали, женщин и детей уводили в рабство. Хотя отдельные небольшие отряды эстов и пытались наносить врагу ответные удары, но в целом эти попытки сопротивления оказывались безуспешными, так как сил у эстов было мало, и действовали они несогласованно.

Это быстрое развитие агрессии немецких крестоносцев под руководством рижского епископа, направленной к захвату эстонских земель, становилось теперь уже самой серьезной политической угрозой для главных северо-западных форпостов Руси — Новгорода и Пскова, которые, как свидетельствуют исторические факты, вместе с прибалтийскими народностями включились в активную борьбу с захватчиками. Еще в 1212 г. новгородский князь Мстислав Удалой организовал поход новгородского ополчения против немецких рыцарей и во главе 15-тысячного войска с братом Владимиром прошел «сквозь землю Чудскую к морю»²⁰⁶. Мстислав осадил расположенную в 120 км от Пскова крепость Отепя (Медвежья голова — в русских летописях), которая после восьмидневной осады была взята новгородцами. Заключив мир, русский князь получил богатую дань. Мстислав Удалой, признает даже английский исследователь Дж. Феннел, «стремился создать что-то вроде дамбы против постоянно вторгавшихся сил Немецкого ордена»²⁰⁷.

Пять лет спустя, в начале 1217 г., новгородцы и псковичи вновь собрали крупные войска для похода «в чудскую землю». Войска возглавил новгородский посадник Твердислав²⁰⁸. Перед походом русские разослали гонцов во все земли эстов с призывом идти на осаду Отепя и изгнать захватчиков. На призыв откликнулись не только жители Харьюмаа и Сааремаа, но и жители Сакалы. «И пришли не только эзельцы и гариионцы²⁰⁹, но и жители Сакала, уже давно крещенные, надеясь таким образом сбросить с себя иго тевтонов и крещение»²¹⁰, — писал Генрих Латвийский. Замок Отепя был хорошо укреплен. Три недели длилась ожесточенная борьба. Чтобы предотвратить решающий штурм, осажденные немцы завязали с русскими переговоры, но в то же время послали гонцов к магистру ордена и епископу Альберту с просьбой о помощи. И магистр вместе с трехтысячным войском дей-

ствительно поспешил на помощь осажденным. Воспользовавшись моментом, когда при смене ночных и дневных дозоров дорога осталась без охраны, вражеское войско незаметно приблизилось к замку. Меченосцы атаковали русские войска, но потерпели тяжелое поражение. Были убиты многие знатные рыцари ордена и епископа. Немцы потеряли также 700 лошадей. Три дня спустя был подписан новгородско-немецкий договор, «предусматривавший защиту и русских, и эстонских интересов, так как епископ Альберт для его утверждения отправлял послов и в Новгород, и в Сакалу. Вероятно, договор восстановил русские права в Эстонии или в ее части»²¹¹.

Как отмечают исследователи, это была блестящая победа, одержанная объединенным русско-эстонским войском, имевшая большое историческое значение. Она зримо показала целесообразность и эффективность русско-эстонского военного сотрудничества. Благодаря победе под Отепя немецкие завоеватели не только были выбиты из Уганди, но и потеряли свою власть над Сакала, Соонтага и Ярвамаа²¹².

Но вместе с тем русские и эсты хорошо понимали, что борьба отнюдь не завершена. Надо было окончательно изгнать немецко-католических захватчиков из Прибалтики. В Новгороде и Сакале отказались выслушать послов епископа Альберта, прибывших с просьбой о мире, который был нужен ему для подготовки к продолжению войны. Чтобы не потерять свои завоевания, епископ немедленно поспешил в Германию, и уже летом того же 1217 г. ему удалось завербовать и направить в Ливонию значительное пополнение войск крестоносцев.

Эсты, в свою очередь, также начали готовиться к решительному удару. Ясно, что без действенной поддержки со стороны русских войск полностью разбить жестокого врага было невозможно. Послы эстов с богатыми дарами

явились в Новгород и прямо обратились к русским с просьбой поддержать их значительной военной силой. Новгородский князь Святослав обещал собрать большое войско и вместе с другими русскими князьями прийти на подмогу эстам. Старейшина Сакала Лембиту бросил боевой клич по всем землям эстов. К началу сентября 1217 г. на северной границе Сакала, у берега реки Пала (Навести), собрались тысячи воинов из Ляэнемаа, Харьюмаа, Вирумаа, Рявала, Ярвамаа и Сакала.

В Риге через соглядатаев стало известно об этих широких приготовлениях. Рыцари и епископ начали поспешно стягивать силы, чтобы опередить приход русских войск. Это им удалось. Большое неприятельское войско, состоявшее из 3000 отборных воинов, двинулось на Сакала и к вечеру 20 сентября подошло к Вильянди. Лембиту выступил навстречу врагу и на следующий день войска сошлись вблизи Вильянди. Левый фланг объединенного ополчения эстов сражался успешно. Пустив в ход копья, они заставили немцев отступить. Погиб, пронзенный копьем, даже известный читателю изменник Каупо. На правом фланге, где находились сакаласцы во главе с Лембиту, эсты также бились с большой отвагой и наносили врагу тяжелые потери. *Но центр не смог устоять против натиска закованных в железо рыцарей, сражавшихся верхом на конях, которые, как и сами всадники, были в тяжелой броне.* Когда центр войска эстов был прорван, возникла угроза нападения с тыла, и в конце концов эсты вынуждены были отступить. Сражение оказалось проигранным. Лембиту пал в бою. Его убийца снял с трупа павшего героя всю одежду, а отрубленную голову Лембиту немецкие рыцари увезли с собой в Ригу.

Но хотя врагу и удалось нанести эстам жестокое поражение, однако захватчики по-прежнему не чувствовали себя в безопасности. Сааремаасцы неоднократно вторга-

лись на захваченную немцами территорию. А в августе 1218 г. гонцы русских и сааремаасцев объехали все земли эстов, сообщая о приходе русских войск и призывая людей собираться в ополчение, чтобы объединенными силами выступить против немцев. В это время захватчики стянули большое войско для набега на Харьюмаа и Рявала. Когда неприятель находился уже близ Вильянди, пришла весть о том, что новгородские и псковские войска прибыли в Уганди. Немцы вынуждены были отказаться от нападения на Северную Эстонию и поспешно повернуть назад, надеясь разбить русские войска. Целый день продолжалось кровопролитное сражение на реке Вяйке-Эмайыги, в результате которого русские заставили войска рыцарей епископа Альберта и ордена меченосцев отступить.

После этого русские войска широким фронтом повели наступление на занятые орденом земли и осадили Цесис. В осаде замка вместе с русскими войсками участвовали также эсты из Харьюмаа. В то же время сааремаасцы проникли на своих судах в устье Даугавы. Но взять Цесис все же не удалось. Пришла весть о нападении литовцев на Псков, и русское войско должно было спешно вернуться домой. Таким образом, хотя русско-эстонский военный поход, совершенный в конце лета 1218 г., и не был полностью осуществлен по первоначальному замыслу, захватчикам все же были нанесены серьезные удары²¹³.

Трезво оценивая создавшуюся ситуацию, епископ Альберт понял, что его войск, состоявших из рыцарей ордена, вассалов, ежегодно направляемых из западноевропейских стран в Ливонию крестоносцев и прочих, находившихся здесь в его распоряжении сил, явно недостаточно для борьбы с русскими и эстами. Поэтому уже тем же летом 1218 г. он обратился за помощью к датскому королю Вальдемару II, настойчиво убеждая его оказать поддержку в покорении эстов. Дания в то время была силь-

ным государством, владения которого простирались до Северной Германии и Южной Швеции. Еще до того момента датчане неоднократно совершали разбойные набеги на восточное побережье Балтийского моря, в том числе и на Вирумаа и Сааремаа. В завоевании этих земель была заинтересована не только датская феодальная знать, но и купечество. Вальдемар рассчитывал, что, действуя сообща с немецкими завоевателями, он добьется большего успеха, а потому быстро ответил на просьбу епископа согласием и с благословения папы римского начал готовиться к вторжению в земли эстов.

Уже летом следующего, 1219 года, с санкции папы римского Гонория III (1216—1227) и епископа Альберта, Вальдемар II во главе большого войска из датчан и немцев вторгся в Северную Эстонию, совершив нападение на Рявала. Датчане высадились в местности Линданисе, где впоследствии ими будет сооружена крепость Ревель (нынешняя столица Эстонии — Таллин). Высадка крупного вражеского войска застала ряваласцев врасплох. Они, не теряя времени, начали собирать ополчение и на третий день вечером напали на датский лагерь одновременно с пяти сторон. Главный лагерь был смят, многие датчане убиты, а остальные обращены в бегство. Был убит и назначенный для земель эстов католический епископ, доминиканец Дитрих. Но одной части неприятельского войска, которая расположилась немного поодаль, удалось принять боевой порядок и отбить атаку. Захватчики удержали свой плацдарм и стали его спешно укреплять. После ожесточенной борьбы ряваласцы были покорены. Как отмечает историк, это «вмешательство в войну Дании серьезно ухудшило позиции русских в Эстонии, потому что, во-первых, датчане постоянно угрожали Северной Эстонии, во-вторых, во всех походах против немецких крестоносцев датская крепость оставалась у них на фланге»²¹⁴.

Теперь крестоносцы развивали наступление на земли эстов уже с двух сторон: с одной — немецкие рыцари-меченосцы, с другой — датчане. Причем интересно, что во время дележа завоеванных территорий между захватчиками постоянно происходили столкновения, но страдали в подобных случаях опять-таки прежде всего эсты. Немецкие и датские завоеватели ссорились между собой из-за крещения «варваров» (т.е. местных жителей), ибо крещение являлось фактически главным признаком покорения. Так, сообщает Генрих Латвийский, датчане крестили заново вирумаасцев и ярвамаасцев, и для их устрашения даже повесили, как «государственных преступников», несколько человек из тех, кого крестили немцы²¹⁵. Немецких проповедников-крестителей датчане начисто ограбили и выгнали из северных земель эстов. Когда епископ Альберт пристроил епископом Эстонии своего брата Германа, датский король Вальдемар запретил Германи и крестоносцам, завербованным Альбертом, пользоваться Любекской гаванью, находившейся тогда в руках датчан.

Чтобы ослабить сопротивление эстов, захватчики стали сеять среди них семена взаимных раздоров. Например, немцы натравливали ярвамаасцев на вирумаасцев, а датчане — харьюмаасцев против ярвамаасцев. Датчане захватили на севере, кроме Рявала, также Харьюмаа, Вирумаа и Ярвамаа, а немцы — южную часть земель эстов вместе с Ляэнемаа. Так что, подчеркивает историк, уже в 1221 году епископ Альберт «вынужден был признать власть Дании над Эстонией»²¹⁶.

Шведы также решили воспользоваться создавшимся в Восточной Прибалтике положением и урвать для себя кусок добычи. Летом 1220 года шведское войско высадилось на западном побережье эстонских земель, в Ляэнемаа и начало силой оружия устанавливать там свою власть, вовсе не считаясь с тем, что ляэнемаасцы к тому

времени были уже покорены немцами. Но как только главные силы шведов покинули страну, под укреплением Лихула в начале августа 1220 г. сразу появился отряд сааремаасцев. Они подожгли укрепления и разгромили шведский гарнизон. Враг потерял убитыми около 500 человек. В числе убитых были даже ярл и епископ. Это крупное поражение надолго отбило у шведов охоту вмешиваться в борьбу, происходившую на землях эстов.

Весной 1221 г. сааремаасцы сделали попытку уничтожить датский опорный пункт — Таллин. Две недели сааремаасцы вместе с северными эстами вели осаду укреплений. Все вылазки датчан отбивались с большими для них потерями. Однако когда на море показались четыре крупных корабля, сааремаасцы, полагая, что это король Вальдемар посылает датчанам подкрепление, сняли осаду. Захватчики же, воспользовавшись ситуацией, жестоко отомстили северным эстам. Старейшины Рявала, Харьюмаа и Вирумаа были повешены, а на население наложен тройной по сравнению с прежним оброк и много других тяжелых повинностей. Но все это лишь еще больше разожгло ненависть эстов к датчанам. Как отмечал хронист Генрих Латвийский, они «непрестанно готовили против датчан коварные ухищрения и таили злые замыслы как-нибудь выгнать их из своих пределов».

Осенью 1221 г. новгородский князь со своей дружиной нанес немецким захватчикам в Прибалтике новый сильный удар. Русские войска совершили крупный военный поход через Цесис до Турайды. Между тем Дания уже издавна вынашивала планы захвата эстонского острова Сааремаа. В 1222 г. Вальдемар II снова предпринял попытку осуществления этого захвата. С большим войском он высадился на острове и после кровопролитного сражения принялся спешно возводить там мощное каменное укрепление, которое должно было служить базой для окончательного покорения Сааремаа. В ответ на нападе-

ния датчан сааремаасцы совершили по морю несколько военных походов на датские земли. Завоевание Сааремаа дало бы Дании возможность укрепить власть над всеми северными землями эстов, где сааремаасцы пользовались большим влиянием. Овладев Сааремаа, датчане получили бы важный стратегический опорный пункт и возможность контролировать торговлю с русскими княжествами, которая велась по Даугаве и через территорию эстов.

Следует также сказать, что еще ранее, в 1220—1221 гг., Вальдемар Датский делал попытки распространить свою власть не только на земли эстов, но и на территорию ливов и латышей, включая город Ригу. Но успешная совместная борьба русских и эстов против немецких и датских крестоносных агрессоров заставила последних прийти к вынужденному соглашению. Епископ Альберт и магистр ордена явились на Сааремаа к королю Вальдемару. Здесь, в датском военном лагере, между ними был заключен договор о разделе земель эстов. Согласно этому договору Сакала и Уганди должны были отойти к ордену и Рижскому епископству, а остальная территория эстов — к Дании. По завершении же переговоров их участники торжественно поклялись совместно бороться против русских и «язычников» в Прибалтике.

Сааремаасцы решили отомстить датчанам так же, как два года назад отомстили они за вторжение шведам. В этот раз на помощь были призваны ляэнемаасцы. В укреплении Варбола они при помощи харьюмаасцев ознакомились с применением осадной машины и затем сами построили 17 таких машин. Когда датский король со своими главными силами ушел с острова, сааремаасцы осадили построенную датчанами каменную крепость. Пять дней подряд они метали в укрепление большие камни. Датчане оказались принуждены сдаться, замок был разрушен до основания.

Далее непокорные жители острова Сааремаа разосла-

ли по всем остальным эстонским землям призывы сообща подняться на завоевателей и сбросить с себя ненавистное иго. Сааремаасцы научили и других эстов строить камнемётательные и прочие осадные машины, а также пользоваться многими иными видами оружия. Центром восстания на севере эстонских земель стала Варбола. Сюда собирались сааремаасцы, ляэнемаасцы и харьюмаасцы. Вскоре к ним примкнули вирумаасцы. И только сильно укрепленный Таллин остался в руках датчан, несмотря на то, что сааремаасцы совместно с северными эстонцами долго осаждали его в феврале 1223 года.

В южных землях эстов центром восстания был Вильянди. 29 января 1223 г., в воскресенье, в то время, когда большинство немцев слушали в церкви праздничную мессу, сакаласцы взяли за оружие и уничтожили находившихся в замке рыцарей и купцов, а затем вынудили сдать и немцев, собравшихся в церкви. Через несколько дней был взят и замок Пала, принадлежавший ранее герцогу эстов Лембиту, и освобождена Ярвамаа. Старейшины Вильянди немедленно отправили послов в Отепя и Дерпт, призывая живших там эстов последовать их примеру и также расправиться с немцами. В подтверждение одержанной победы сакаласцы послали им окровавленные рыцарские мечи и захваченных коней. Жители Уганди тоже сбросили с себя иго немецких рыцарей и католических священников. Огромная ненависть эстов к захватчикам проявлялась повсеместно. Прибывшие в Ригу посланцы из Сакала заявили, что пока на их земле останется в живых хоть один-единственный мальчик, годовалый или ростом с локоть, — они никогда не примут католичество. Примечательно, что даже своих покойников, похороненных по католическому обряду, эсты тогда выкапывали и сжигали в соответствии с прежними языческими обычаями.

Широкое восстание эстов против немецких и датских

крестоносцев в 1222—1223 гг. явилось, как отмечают историки, высшей точкой всей их освободительной борьбы. Тогда впервые поднялись против захватчиков одновременно жители почти всех эстонских территорий. По своей мощности и размаху это выступление было самым крупным не только в XIII столетии, но и за всю эпоху феодализма в Эстонии. Агрессивно-насильственное крещение и обложение населения повинностями в пользу западных крестоносцев-завоевателей затрагивало всех эстов, от старейшин и имущей верхушки до самых широких слоев крестьянства. И очень важной характерной чертой этой борьбы было то, что уже в самом начале восставшие эсты обратились за помощью к русским городам Новгороду и Пскову. Вновь, как это неоднократно бывало уже ранее, между русскими и эстами был заключен военный союз.

По просьбе местного населения русские разместили свои гарнизоны в Вильянди, Дерпте, других городах и замках. С этими гарнизонами, как свидетельствует Генрих Латвийский, эсты делились даже захваченным у немецких рыцарей оружием и другим имуществом²¹⁷. Замки были снабжены камнеметательными машинами. Население усердно обучалось стрельбе из самострелов. Вместе с русскими вспомогательными войсками был совершен целый ряд походов на занятые немцами земли ливов и латгалов. И хотя, например, русско-эстонский поход в сторону Риги решающего успеха не имел, немцы даже сумели разбить эстов на реке Имере, несмотря на то что, по словам Генриха Латвийского, эсты «сопротивлялись весьма храбро», а затем после полумесячной обороны пал Феллин, и весь его эстонский гарнизон был истреблен, а русских воинов «всех повесили перед замком на страх другим русским». Тем не менее, подчеркивает историк, все происходившее свидетельствует о том, что «Русь была единственной силой, которая могла положить пре-

дел вражескому натиску. Неслучайно народы, отражавшие его (эстонцы, латыши), искали именно русской помощи...»²¹⁸

Итак, повторим, восстание ширилось. Как уже было сказано выше, датчанам удавалось удерживаться лишь в Таллине, под прикрытием высоких крепостных стен. Кроме того, в руках немецких захватчиков находились еще территории ливов и латгалов, а из Германии прибывали все новые и новые подкрепления крестоносцев. Силы эстов, в результате многолетних войн, были в значительной мере ослаблены. Освободительную борьбу можно было успешно довести до конца только в союзе с русскими. Но... Но как раз в это время, в начале 1223 г., в Крым и пограничные с Русью половецкие степи впервые вторгся страшный враг — татаро-монголы. И впервые объединенное войско русских князей — князей киевских, черниговских, смоленских, галицких — потерпело от их натиска в битве 31 мая 1223 года на реке Калке тяжелое поражение. Об этой битве, ставшей трагическим прологом к завоеванию Руси азиатскими ордами, мы еще вспомним подробнее ниже. Здесь же надо отметить главный по отношению к прибалтийским землям момент: сразу после битвы на Калке положение в Прибалтике резко ухудшилось. Рижские политики рассчитывали, что гибель отборных русских войск облегчит победу немецким рыцарям, и рассчитывали верно. Как подчеркивают историки, русские не могли более оказывать эффективную помощь ее народам в борьбе с агрессией крестоносцев. «Кроме многих замечательных военачальников, в сражении на Калке погибли десять тысяч русских воинов. Отголоски этой битвы горестным эхом прозвучали по всем русским землям и приковали всеобщее внимание к Востоку. Эстам и находившимся на их территории небольшим русским гарнизонам приходилось отныне полагаться только на свои силы»²¹⁹. Над Русью занималась

кровавая заря азиатского вторжения. И уже совсем скоро оказывать серьезное сопротивление немецко-католической агрессии в Прибалтике ей станет значительно сложнее²²⁰.

Один за другим ранее захваченные эстонскими повстанцами замки стали вновь переходить в руки немцев. Героические защитники не могли бороться против численно превосходивших их вражеских сил. И все-таки... Все-таки сопротивление продолжалось. Как свидетельствует немецкий хронист, старейшины Сакала «с деньгами и многими дарами» явились тогда к Великому князю Владимирскому Юрию Всеволодовичу (родному дяде еще совсем маленького в то время княжича Александра, будущего Невского), для того, чтобы «попытаться, не удастся ли (вновь) *призвать королей русских на помощь против тевтонов, всех латинян*»²²¹. И просьба действительно не осталась без ответа. Уже осенью 1223 года князь Юрий Всеволодович, невзирая на собственное сложное положение, а также как государь, заинтересованный в охране политических и торговых интересов Руси на балтийских рубежах, отправил в Прибалтику... своего младшего брата Ярослава Всеволодовича, отца маленького Александра. Отправил во главе 20-тысячного суздальско-новгородского войска, к которому по дороге примкнуло и псковское ополчение.

Жители Уганди встречали эти войска как освободителей. Генрих Латвийский с сожалением отмечает: «И прислали ему (Ярославу) жители Дерпта большие дары, передали в руки короля Ярослава братьев-рыцарей и тевтонов, которых держали в плену, коней, баллисты и многое другое, прося помощи против датчан... И поставил король в замке своих людей, чтобы иметь господство в Унгании (Уганди) и по всей Эстонии». То же произошло и в замке Отепя. Ярослав со своим войском, к которому присоединились и люди из Уганди, направился отсюда

дальше к Сакала, где вновь успели укрепиться крестоносцы.

Далее Ярослав намеревался повернуть на юг против немцев, но по просьбе сааремааских гонцов двинулся на Таллин, чтобы прежде всего освободить северные земли эстов от захватчиков-датчан. В это время к русским войскам присоединились и сами сааремаасцы. Однако Таллин был хорошо укреплен, расположение его давало большие преимущества для обороны, и гарнизон здесь был многочисленным. Осада затянулась, и русские войска были вынуждены отступить от города, чтобы успеть домой до начала осенней распутицы. Исследователи подчеркивают, «это был самый крупный поход русских войск в Эстонию, но результаты его уже не могли изменить положение»²²².

К концу 1223 года почти все укрепления эстов пали. Дольше всех сопротивлялся Дерпт (Юрьев, Тарту) — главный замок эстов, обороной которого руководил известный читателю бывший коннесский князь Вячко с ранее посланным туда русским отрядом из Новгорода. «И приняли его (Вячко) жители замка с радостью, чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов, и отдали ему подати с окружающих областей», — писал Генрих Латвийский. Немцы сконцентрировали у Дерпта все свои силы. Начиная осаду, они предложили русским воинам и Вячко покинуть замок и гарантировали им свободный уход в русскую землю с имуществом и оружием. Однако русские отказались бросить своих союзников — эстов. Так Дерпт (Юрьев) еще на время стал центром борьбы с завоевателями. Сюда стекалось много воинов из других мест, где восстание было уже подавлено. Неоднократные попытки немцев овладеть замком кончались провалом и тяжелыми потерями. Будучи не в силах взять Дерпт, они совершали опустошительные набеги на соседние с ним Харьюмаа, Ярвамаа, Вирумаа.

Весной 1224 г. епископ Альберт вернулся из своей очередной поездки в Германию для вербовки крестоносцев и привел с собой крупные силы.

Началась тщательная подготовка к решающему наступлению тевтонов на город. Чтобы предотвратить возможные распри, захватчики заранее, еще до начала похода, договорились о разделе земель эстов. Рижский епископ Альберт должен был получить Ляэнемаа, епископ Герман — Уганди, Орден меченосцев — Сакала. Кроме того, крестоносцы заставили идти в свое войско покоренных ливов и латгалов. А из Вирумаа ими были разосланы шайки отъявленных головорезов, которые награбили множество скота, продовольствия и доставили все это под Дерпт для снабжения войск агрессора. 15 августа 1224 г. главные силы неприятеля под руководством непосредственно самих епископов Альберта и Германа подступили к городу.

Немедленно началось сооружение осадных и камнеметательных машин. Всего за восемь дней немцы построили из больших бревен громадную башню такой же высоты, как и крепостные стены самого Дерпта. Затем эту башню переправили через ров и подкатили к подножию замковых укреплений. Причем для того, чтобы подвинуть башню к самой стене, пришлось срыть откос вала. Для этого неприятель разделил свое войско на две части, которые работали поочередно, днем и ночью. Во время этой работы от камней и стрел осажденных русских и эстов погибло много вражеских воинов. Осаждающие со своей стороны метали в замок камни, сосуды с горючей жидкостью и раскаленное железо. По ночам осаждающие оглашали воздух криками и шумом, чтобы не дать осажденным ни минуты покоя. Однако врагу не удалось сломить героическое сопротивление защитников города. И тогда немцы вторично направили к князю Вячко своих представителей с предложением сдаться. Но князь и на

этот раз ответил отказом, надеясь удержать крепость до прибытия подмоги из Новгорода.

Стремясь не допустить этой помощи извне, осаждающие решили теперь начать общий штурм замка всеми имеющимися силами. Первому, кто ворвется в крепость, была обещана большая награда. Несмотря на потери, захватчикам удалось пододвинуть осадную башню вплотную к крепостной стене. Тогда эсты разожгли большой костер, проделали в стене против того места, где стояла башня, широкое отверстие, и выкатили оттуда на башню горящие колеса, одновременно бросая сверху бревна. Но неприятелю удалось погасить огонь. Часть неприятельских войск в это время подожгла мост у крепостных ворот. Русские устремились на их защиту. Воспользовавшись этим, рыцари, подняв мечи и держа копья наперевес, пошли на штурм крепостной стены, охраняемой эстами, причем некоторые из рыцарей проникали в укрепление через отверстие в стене. Русские и эсты до последнего воина мужественно защищали крепость. В сражении участвовали даже женщины. Каждая пядь земли давалась неприятелю ценой больших потерь.

Русские воины во главе с Вячко, засев в центральном внутрикрепостном укреплении, сражались дольше всех, до последнего человека. Из защитников крепости немцы оставили в живых только одного суздальца, чтобы тот донес своему князю весть о происшедшем. Не пощадив ни женщин, ни детей, крестоносцы зверски разграбили, а затем сожгли город. Помощь, посланная из Новгорода, пришла слишком поздно, уже в Пскове новгородцы узнали о падении Дерпта и вернулись обратно.

Судьба эстов была решена. Захватив материковую часть их земель, католические крестоносцы поделили их между собой. А в январе 1227 г. немцы по замерзшему морскому проливу ворвались на остров Сааремаа. Там они сожгли замки, разграбили землю, насильно крестили

жителей, подвергнув прямому истреблению тех, кто пытался сопротивляться.

Теперь на залитой кровью земле эстов Рижский епископ и Орден меченосцев стали спешно укреплять свою власть. Епископ Альберт принудил ляэнемаасцев уплатить двойную подать за прошедшие года. Епископ Герман получил, кроме Уганди, еще и половину области Вайга. Центром своего епископства он избрал Дерпт. Часть полученной территории он раздал в качестве ленов своим вассалам, часть разделил между церквями. На всех эстов была наложена церковная подать — десятина. Таким же образом поступил и Орден меченосцев в Сакала. Рыцари заново укрепили замок Вильянди, а в земле Сакала и Уганди с беспощадной жестокостью взыскивали с жителей «убытки», причиненные ордену во время восстания.

Примечательно, что для полного и окончательного оформления своей власти на землях покоренных латгалов, ливов и эстов, папа римский по инициативе епископа Альберта прислал в Прибалтику в 1225 г. своего полномочного представителя, легата Вильгельма Моденского. Легат принял на себя роль как бы посредника-арбитра между крестоносными завоевателями в их спорах при разделе захваченных территорий. Когда, например, между немцами и датчанами вспыхнули новые раздоры, легат воспользовался ситуацией и... создал из Вирумаа, Ярвамаа и Ляэнемаа отдельное владение, подчиненное непосредственно Риму. Разъезжая по областям, папский легат увещевал жителей покоренных огнем и мечом земель «жить дружно» со своими угнетателями и «предостерегал от бесовского искушения» новых восстаний.

Но летом 1227 года вирумаасцы и ярвамаасцы все же восстали. Выступление их оказалось таким массовым, что папскому легату не хватило собственных вооруженных сил для быстрого усмирения этого бунта. Святой отец обратился за помощью к Ордену меченосцев, и

большое войско братьев-рыцарей, вторгшись в Северную Эстонию, конечно, потопило восстание в крови. Тогда же, используя удобный момент, орден выгнал отсюда и датчан, завладев временно всей этой территорией. В руки Ордена меченосцев перешел даже Таллин.

В начале 30-х годов XIII столетия папа римский сделал еще одну попытку расширить свои владения в землях эстов, но она не увенчалась успехом. Братья-меченосцы, которым было предъявлено требование вернуть захваченные территории, учинили в 1233 г. на Таллинском Вышгороде кровавую резню своих противников. В то же время произошло и новое восстание эстов против католического духовенства. Все это сорвало планы Рима создать из Эстонии особое папское государство.

Покорение эстов дало возможность немецким крестоносцам бросить теперь уже все свои силы против земгалов и куршей, а затем вплотную подобраться и к русским границам. Сознавая угрозу и стремясь опередить этот новый удар врага, земгалы и курши напали на хорошо укрепленный католический монастырь в Дюнамюнде и разрушили его, так как он являлся не только центром распространения католицизма, но и важным военным форпостом. Однако понятно, что силы куршей и земгалов были все же слишком слабы, чтобы организовать и осуществить далее нападение на Ригу. Вскоре последовала карательная экспедиция немцев зимой 1229/1230 г. В Курсу пришло большое войско епископа Альберта, ордена и города Риги, которому удалось принудить к крещению ту часть этой местности, что располагалась между реками Вентой и Абавой.

Вопрос о подчинении куршей значительно осложнился вмешательством папского легата Балдуина Альнского. Возражая против усиления германского владычества в Курсе, папа, как ранее на землях Северной Эстонии, и здесь стремился основать отдельное владение, подчинен-

ное непосредственно Римскому престолу. В связи с этим Балдуин Альнский заключил договор с местной знатью и одним из правителей куршей — Ламедином о добровольном подчинении их земли именно самому папе. Разумеется, заключая этот договор, Балдуин Альнский расчетливо предлагал куршам более мягкие условия, чем те, что содержались в прежних договорах местной знати с Орденом меченосцев. Чтобы избавиться от этой нежелательной конкуренции, немцы всеми силами старались помешать реализации замыслов Святого престола. Специальные посланцы куршей несколько раз пытались отправиться в Рим непосредственно для переговоров с папой, но меченосцы неизменно задерживали их и силой заставляли вернуться обратно. Представители ордена и епископ Альберт часто жаловались в Рим на неугодного им папского легата, пока, наконец, путем интриг не добились отстранения Балдуина Альнского от должности. Но прежде чем немцам удалось окончательно подчинить своей власти куршей, им пришлось перенести еще сильный удар от русских, эстов и земгалов.

В 1234 г. уже знакомый читателю русский князь Ярослав Всеволодович, ставший к тому времени князем Новгородским, совершил новый поход против крестоносцев на земли эстов. Во время этого похода князь Ярослав нанес ордену очень тяжелое поражение, которое, вероятно, могло бы стать началом задуманного князем широкого контрнаступления в Ливонии. Однако в полной мере использовать эту победу и до конца осуществить свой замысел Ярославу Всеволодовичу не удалось. Не удалось главным образом по причинам все возрастающих внутренних проблем Руси и, в частности, из-за того, что сепаратистски настроенная боярско-купеческая верхушка Пскова начала враждовать с новгородской княжеской властью. Руководствуясь собственными узкокорыстными торговыми интересами, псковские бояре и купцы раз за

разом стали предавать интересы общерусские, вступая в прямые соглашения с Рижским епископством. Именно поэтому Псков отказался поддержать новгородского князя Ярослава в его походе на Дерпт в 1234 году, точно так же, как отказался он поддержать и поход Ярослава на Ригу позднее, в 1238 году. Следовательно, именно об этих, уже не внешнеполитических, а внутренних проблемах развития Руси нам и пришел теперь черед вспомнить вместе с читателем.

...Почему оказались прерванными сугубо мирно-союзнические отношения, многие века существовавшие между Древней Русью и народами Прибалтики? Почему, шаг за шагом отступая под тяжелым напором закованного в броню немецкого рыцарства, она не смогла отстоять там ни свое собственное политическое влияние, ни свободу местных народов — ливов, куров, земгалов, эстов, — ставших в XIII столетии рабами католического креста? Что помешало ей пресечь эту жестокую агрессию Запада?..

Глава IV

ВНУТРЕННИЙ КРИЗИС РУСИ И ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ

А дело было в том, что к середине XIII ст. Киевское государство, как и большинство раннефеодальных империй, постиг мучительный процесс полного дробления и распада. Собственно, первые попытки нарушить принцип единой державы и растащить страну на обособленные княжества были предприняты еще в XI веке, при сыновьях-наследниках Ярослава Мудрого. Именно тогда многие князья, поддаваясь личным политическим амбициям, все чаще стали отказываться подчиняться «старейшему» Великому князю Киевскому, как главе рода и верховному правителю. Начались жестокие межкняжеские споры. Этот политический процесс совпал также с бурным экономическим развитием русских городов и княжеств, благодаря чему наиболее крупные из них могли превратиться и действительно превращались в довольно сильные, почти независимые друг от друга государства — например, такие, как Черниговское княжество, Галичское, Ростово-Суздальское. Центральная координирующая власть Киева, казалось, была им более не нужна, что и зафиксировали решения княжеского съезда 1097 года. Летописец сообщает: собравшись на «снем» (сейм) в небольшом городке Любече у живописных берегов Днепра, самые влиятельные князья поклялись прекратить междоусобные распри и «единым сердцем» за-

щищать «Русскую землю». Но в том же постановлении ни один князь так и не был назван «старейшим» (главным), и в заключение строго оговаривалось, что каждый «да держит отчину свою»²²³. Так, при внешнем, формальном соблюдении единства страны феодальные властители фактически узаконили ее раздел. Раздел, губительные последствия которого не замедлили дать о себе знать...

В первую очередь раздробление самым катастрофическим образом сказалось на ее обороноспособности. Разрозненные дружины отдельных русских княжеств уже не в состоянии были успешно отражать натиск внешних агрессоров, главными из которых в те времена являлись половецкие орды. Их набеги из степей Приазовья на пограничные южные княжества все более учащались. Русь мог спасти только единый сплоченный отпор врагу, к чему с болью и призывал автор бессмертного «Слова о полку Игореве». Но призыв услышан не был, заглушаемый спесивым бряцанием оружия удельных владык. Лишь Великому князю Киевскому Владимиру Мономаху, а затем его сыну Мстиславу удалось на время приостановить губительное сползание страны в хаос феодального безвластия. В 1113 г. заняв киевский престол 60 лет отроду, умудренным жизнью человеком и искусственным политиком, сын византийской царевны Владимир Всеволодович Мономах сумел сконцентрировать в своих руках значительные военные силы. И, опираясь на это военное превосходство, упорно стремился гасить княжеские междоусобья, смирял непокорных братьев и племянников, неоднократно победоносно сражался с половцами. Твердую объединительную политику отца продолжил старший сын Мономаха Мстислав Великий. Ему удалось вновь подчинить власти Киева даже далекое Полоцкое княжество. Однако после смерти Мстислава в 1132 г. киевский престол достался его младшим братьям, между которыми снова начались усобицы. Русь, изъе-

денная феодальной коррозией, как государство распалась окончательно...

Половцы, еще недавно разгромленные Мстиславом Владимировичем, возобновили свои нападения. Особенно страдали от вторжений Переяславская и Киевская земля. А к концу XII века половцы стали разбивать свои кочевья уже непосредственно на территории Переяславского княжества (у берегов Днепра). Население Южной Руси, без конца дотла разоряемое этими огненными нашествиями, стало уходить на северо-восток, в дремучие Суздальские леса²²⁴, а также на Волынь, в предгорья Карпат. Некогда богатый, цветущий южнорусский край, обезлюдев, стремительно приходил в упадок. И Киев, — блестящий, златоглавый Киев, — неумолимо гордыней враждующих князей превращенный из столицы в кровавое яблоко раздора, будто оставил сам Бог.

Один из младших братьев Мстислава Великого, Юрий Владимирович Долгорукий, будучи князем Суздальским²²⁵, тоже долго воевал за Киев, но утвердиться на древнем киевском «столе» смог лишь в конце жизни, всего на два года — с 1156 по 1158 г. С его громким именем связано первое упоминание в летописи о Москве (1147 г). У Юрия был сын Андрей Боголюбский (1157—1174), юность и возмужание которого прошли в тяжелой обстановке бесконечных феодальных распрей отца с братьями. Потому, видимо, как пишет известный церковный публицист митрополит Иоанн (Снычев), действительно «смолоду известный набожностью, умом и боевой удастью, Андрей на собственном опыте убедился в гибельности княжеских споров и несогласий. Не желая участвовать в междоусобиях родичей, Андрей покинул Киев²²⁶ и ушел на север, где ростовцы и суздальцы признали его своим князем. Там он основал новое Великое княжение Владимирское, которому Промысел Божий предназначил стать почти на два столетия сердцем Русского государст-

ва»²²⁷. Точнее, возрождающегося государства, дело создания коего принял на свои плечи сам народ. Ибо, еще раз подчеркнем этот важнейший исторический факт: князь Андрей Юрьевич получил власть не от старших князей и бояр. Он получил ее от народного веча. От тех самых «мизинных людей» земли Русской, простых каменщиков, ремесленников, которые пришли из разных концов страны. И с которыми князь вместе начал отстраивать свою новую столицу — Владимир, возрождая спасительный принцип единой державы.

Стремясь вновь собрать вместе всю Русь — и южную, и северную, — Андрей Боголюбский в 1169 г. с ростовским и суздальским ополчением отправил к Киеву своего сына Мстислава Андреевича, который 8 марта 1169 г. взял город «копьем» (приступом). Затем войска были немедленно отправлены к Новгороду Великому. И хотя там княжеские дружины потерпели поражение, но, невзирая на собственную победу, новгородцы заключили мир с Андреем и вскоре же взяли к себе присланного им князя²²⁸.

Да, Андрей пытался действовать по примеру своего великого деда — Владимира Мономаха. Но, как отмечает историк, «в условиях нараставшей раздробленности усилия владимирского князя были обречены на неудачу»²²⁹. Даже многим ближним боярам и князьям были ненавистны централизаторские попытки Андрея Боголюбского. Они открыто называли его «самовластцем». Их феодальному гонору претило то, что князь Андрей жаловал, приближал к себе незнатных, «детьцких» (по терминологии летописи) членов младшей дружины, которых именовали еще дворянами (т.е. слугами из княжеской свиты). И наконец, в 1174 г. закономерно возник заговор. Боярский заговор, в котором участвовали боярин Петр «Кучков зять», боярин Яким Кучкович ключник, Анбал Ясин (иудей) и два десятка других лиц. Кровавое злодеяние свершилось в ночь на 29 июня 1174 г. Ворвавшись в каменный дворец

в Боголюбове, заговорщики перебили охрану и проникли в княжескую опочивальню. Князь схватился за меч, но его повалили и зверски зарезали...²³⁰ Смерть Андрея была мученической. Неслучайно, подчеркивает митрополит Иоанн (Снычев), этот заговор злоумышленников летописец уподобляет совещанию «Иуды с жидами» перед предательством Спасителя»²³¹.

После гибели отца власть должна была перейти к сыну, находившемуся в Новгороде. Но ростовские и суздальские бояре решили избавиться и от наследника Боголюбского, сразу пригласив на престол двух его племянников. Однако боярскому сговору воспротивились жители города Владимира. На владимирское княжение они призывали двух младших братьев Андрея — Юрия и Всеволода. Именно последнему из них, вошедшему в Историю как Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1176—1212), и суждено было победить в разбушевавшейся феодальной смуте.

Фактически Всеволод Большое Гнездо был первым владими́ро-сузда́льским государем, принявшим титул Великого князя. Он сумел сломить сопротивление старого боярства и стал распоряжаться делами княжества так же самовластно, как ранее Андрей Боголюбский. Многие его враги или погибли, или были лишены вотчин. Всеволод сурово карал предателей общерусского единства. Когда, например, рязанские князья привели половцев и разграбили Владимир, Всеволод разгромил их, а плененного князя Глеба заточил в тюрьму, где тот и скончался. Рязанские князья были надолго приведены в повиновение. Но после кончины Всеволода Юрьевича в 1212 г. ни одному из его сыновей (а их было трое — Константин, Юрий и Ярослав), увы, опять недостало ни мудрости, ни выдержки, чтобы продолжить дело объединения страны. Между братьями вновь начались ссоры и распри...

Таким образом, Русь была полностью раздроблена,

когда на нее медленно, но неудержимо стала наползать черная тень татаро-монгольского вторжения. Как пишет митрополит Иоанн (Снычев), «впервые русская земля услышала о татарах в 1223 г. Казалось, предчувствуя что-то страшное, сама природа исполнила слова древнего пророка. Летом сделалась необыкновенная засуха, горели леса и болота, за дымом меркло солнце, и птицы падали на землю под ноги изумленным, испуганным людям. На западе появилась комета небывалой величины с хвостом в форме копья, обращенного на юго-восток. В этом году из глубин Средней Азии на Русь накатилась первая волна того страшного движения народов, которое, сокрушив разрозненные русские княжества, на полтора столетия ввергло Россию в бездну государственного унижения. Суровым испытанием и великой скорбью посетил Господь народ, в огне искушений смиряя остатки гордыни древних руссов...»²³² Это было действительно тяжелейшее испытание.

Кочевые орды, населявшие северную часть нынешней Монголии и дикие степи Забайкалья, впервые объединил в начале XIII ст. один из монгольских вождей — Темучин, который подчинил тогда своей власти племена татар, керантов и найманов. После его смерти в 1206 г. на курултае (съезде знати) новым верховным правителем всех монголов был избран великий полководец Чингисхан. Завершив политическое объединение и организацию военных сил монголов²³³, Чингисхан начал тот поистине беспримерный в истории человечества завоевательный поход, в результате которого была, как писали средневековые хронисты, покорена чуть ли не вся Вселенная и уже одно его имя стало наводить ужас на всем пространстве от Амура до Каспия.

В течение очень короткого времени — всего за двадцать лет — была создана гигантская империя, уже к 1215 г. включавшая Сибирь и весь Северный Китай вме-

сте с Пекином. Затем монголы завоевали Центральную Азию, огромный Хорезмский султанат Мухаммеда II, охватывавший территорию современного Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана. Под их беспощадными ударами пали и были полностью разрушены такие знаменитые города средневекового Востока, как Отрар, Ходжент, Ургенч, Бухара, Самарканд.

Что помогало монголам осуществлять столь стремительное завоевание? Главной чертой, отличавшей войско Чингисхана, являлась, без всякого преувеличения, драконовская дисциплина, которая и обеспечивала его высочайшую боеспособность. Господство родовых отношений обязывало к участию в войне поголовно всех мужчин. Войско делилось на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч («тьма» русских летописей). В случае бегства воина казни подлежал весь десяток. Трусость десятка влекла за собой избиение сотни, объединяющей ближайших родственников. Именно на этом держалась непобедимость Чингисхана.

Кроме того, исследователь отмечает: в Китае «монголами было захвачено разного рода вооружение, включая осадные машины, а главное — взяты люди, которые не только умели пользоваться этими машинами, но и создавать их. Монгольское завоевание справедливо рассматривалось современниками как величайшее бедствие. Массовое истребление населения и разрушение почти всех крупных городов монгольские правители сделали принципом своей политики. Этим они старались низвести покоренные народы до уровня своего кочевого быта, предотвратить возможные попытки сбросить их власть и вызвать панику в еще не завоеванных землях»²³⁴.

В 1220 г., во время похода Чингисхана в Делийский султанат на реку Инд, его полководцы Джебе и Субэдэй отделились от главной армии и вторглись на Кавказ, взяв и подвергнув разрушению многие цветущие города Азер-

байджана, Армении, Грузии. И, наконец, в 1223 году, как уже говорилось выше, татаро-монгольские орды впервые ворвались в Крым и захватили Судак. Здесь, в степях Причерноморья, ими попутно были разбиты аланы (осетины) и кипчаки (половцы). Средневековый арабский историк сообщает, что хотя осетины и половцы объединились для совместного сопротивления захватчикам, но монголам удалось разрушить этот союз с помощью простого приема: к кипчакам были отправлены послы с подарками, призывавшие их оставить, предать осетин по той причине, что монголы и кипчаки «одного рода», тогда как осетины — из другого племени. Хитрость подействовала, и монголы сначала наголову разбили осетин, а затем своих «братьев по крови» — половцев...

Половцы, как знает читатель, были непосредственными соседями Руси. Потерпев тяжелое поражение от монгольских орд, половецкий хан Котян, спешно отправил гонцов на Русь, к своему зятю Мстиславу Галицкому, с тревогой предупреждая: «Ныне они взяли нашу землю, завтра возьмут вашу!» Русские князья оценили опасность. На съезде в Киеве было решено выступить на подмогу половцам. Как пишет историк, «монгольский вопрос стал предметом обсуждения на общерусском съезде «старейших» — великих князей в Киеве — киевского Мстислава Романовича, Галицкого Мстислава Мстиславовича, черниговского Мстислава Святославовича и их многочисленных вассалов. Владимиро-суздальский князь Юрий Всеволодович в съезде не участвовал, так как, видимо, был занят прибалтийскими делами, но он признал его решения и выделил ростовскую рать для участия в походе»²³⁵. Любопытно отметить, добавляет тот же историк, что «помимо половецкого предложения в Киеве обсуждалось монгольское, направленное к расколу русско-половецкого союза. Монгольские послы (по сведениям новгородской летописи) заявили: «мы узнали, что вы, послушав по-

ловцев, собираетесь на нас, а мы вашей земли не занима-ли, ни ваших городов, ни ваших сел и пришли не на вас, а по воле божьей на своих холопов и на конюхов своих — на поганых половцев; а вы заключите с нами мир на таких условиях: если выбегут половцы к вам — воюйте против них, а имущество забирайте себе, потому, как мы слыша-ли, что они и вам много зла сделали; потому же и мы их воюем». Это был традиционный прием монгольской ди-пломатии, лишь недавно принесший ей успех при столк-новении с предками осетин и половцами. Но русские кня-зья отвергли это предложение, а послов убили. Было ре-шено вместе с половцами выступить против татар. Это решение было торжественно освящено и церковью: тут же на съезде был крещен половецкий хан Басты»²³⁶.

Весной 1223 г. в низовьях Днепра собралась огромная армия. В поход отправилось большое русское войско, к которому по дороге присоединилась приплывшая из Приднестровья на тысяче ладей рать южнорусских при-черноморских переселенцев. Здесь уместно представить себе, отмечает исследователь, военный потенциал Руси тех времен. «Новгородская Русь в XI веке выставяла вой-ско в 4 тысячи человек, в XII — XIII веке суздальско-нов-городские и смоленско-новгородские походы в Прибал-тику осуществлялись войском в 15 — 20 тысяч человек, владими́ро-суздальский князь в середине XII века соби-рал 50-тысячное войско, галицко-волынский князь в се-редине XIII века не боялся противника, способного вы-ставить от 30 до 60 тысяч войск, источникам известен «сильный полк киевский» (включавший и тюркских кон-федератов), который на этот раз был пущен в дело, коль скоро на Калке погибло 10 тысяч киевлян, наконец, тыся-ча ладей причерноморских «выгонцев» должна была со-ставить войско в 30 — 40 тысяч человек. Следовательно, соединенное русское войско было весьма значительно

по размерам...»²³⁷, плюс орда половецкого хана Котяна, насчитывавшая до 40 тысяч человек.

Но этим огромным по тем временам военным силам опять-таки мешала разобщенность и отсутствие единого командования. На киевском съезде, подчеркивает исследователь, не был избран главный военачальник, видимо, за это место тщетно спорили князья киевский с галицким²³⁸. Ни один из князей не желал подчиниться другому. Ипатьевская летопись прямо говорит о «великой вражде» между ними накануне сражения²³⁹. Войско было организационно разобщенным, каждый князь стремился сражаться сам по себе и в любой момент мог со своим полком покинуть поле боя. Это роковое нестроение, а затем и измена, бегство половцев²⁴⁰ во время решающей битвы на реке Калке 31 мая 1223 г., определило исход дела. «И погыбе много бещисла людей, — писал новгородский летописец, — и бысть вопль, и плач и печаль по городам и селам... Татары же, возвратишася от реки Днепра и не съведаем, откуда суть пришли и где ся деша опять»²⁴¹. Союзное русско-половецкое войско было разбито и долго преследовалось противником. Причем, когда уже шел победный пир, трех плененных русских князей уложили на землю под доски. На этом живом настиле и праздновала татаро-монгольская знать свою победу. Пленники были задавлены насмерть...²⁴²

И все же орды Субэдэя оказались сильно измотанными дальним походом. А потому сразу после победы на Калке Субэдэй увел их через степи нынешнего Казахстана назад в Забайкалье, в «коренной юрт» Монголии. 1227 год принес Чингисхану смерть. Престол наследовал его сын Угедей. Хотя великий завоеватель оставил своим преемникам гигантскую империю, включавшую Северный Китай, Среднюю Азию, Закавказье, Западный улус которой получил в управление знаменитый Бату (или Батый), сын старшего сына Чингисхана Джучи, тем не ме-

нее был задуман еще один крупный поход, вопрос о коем специально обсуждался уже на курултаях 1227 и 1229 гг. Как писал современник, наследники Чингисхана вознамерились «накинуть аркан на все человечество»²⁴³. Поход был задуман в Европу²⁴⁴. Восемь внуков Чингисхана, среди которых были и два будущих великих хана — Гуюк и Мунке, отправились на запад вместе с опытным военачальником Субэдэем. И уже в 1229 г. часть монгольских войск вышла на Яик, где они вновь разбили половцев, а затем, двигаясь к Волге, разбили болгарские сторожевые отряды. В 1232 г. монголы встали у границ Волжской Булгарии. А в 1236 г. Батый с огромными силами переправился через Каму. Булгария была разгромлена и уничтожена. Мордовские и бургасские земли также пережили жестокое разорение. Одновременно другая часть монгольских войск из Северного Ирана была двинута в 1231 г. на Кавказ, где, покорив к 1239 г. Дербент, они установили свое полное господство. Так стремительно и самым коренным образом менялась политическая карта вокруг Руси²⁴⁵. Так, перед началом вторжения на русские земли, татары фактически «разгромили все возможные центры сопротивления к востоку и юго-востоку от русских княжеств»²⁴⁶.

На исходе осени 1237 г. монголо-татарские полчища впервые вторглись на русские земли. Историк подчеркивает: «В течение трех лет русский народ сражался с захватчиками. Но страна была раздроблена. Не было даже попытки созвать княжеский съезд для сбора общерусского войска. Политические распри разъединяли князей. Пользуясь этим, монгольские ханы сокрушали одно княжество за другим. Можно только поражаться мужеству русских людей, которые, не имея надежд на помощь соседей, отвергали предложения врага о сдаче (а такие предложения делались Рязани, Владимиру, Киеву) и сра-

жались до последнего воина в сокрушенных стенобитными машинами и спаленных огнем городах»²⁴⁷.

Вначале огненный натиск азиатских орд приняла на себя Северо-Восточная Русь — десятки цветущих городов, и среди них столица, Владимир-на-Клязьме. Ранней зимой 1237 г. татары вступили в южные пределы Рязанского княжества. Разбив временный лагерь в окрестностях современного Тамбова, они отправили своих послов в столицу княжества, требуя немедленной сдачи города. Князь Рязанский Юрий Игоревич послал за помощью к Юрию Всеволодовичу во Владимир и к Михаилу Всеволодовичу в Чернигов. Но ни тот, ни другой не откликнулись на этот призыв. Татары поочередно разгромили находившиеся неподалеку от стольного города Белгород и Пронск, а затем была осаждена и сама Рязань. Выдержав пять дней осады, она пала 21 декабря 1237 г. Все ее защитники и жители были истреблены, а сам город полностью сожжен. Древняя летописная «Повесть о разорении земли Рязанской» передает: «Убиены бысть и князь, и княгиня, и мужи, и жены, и дети, черньца и черноризиць, и иерея». И «поругани бысть черници и попадьи, и добрии жены и девки пред матерьми и сестрами...»²⁴⁸. Эти горькие свидетельства подтверждаются данными современных археологических раскопок. Известный историк-археолог П.П. Толочко пишет: «Батыев разгром оказался столь жестоким, что Рязань (городище Старая Рязань) более так и не смогла достичь прежнего расцвета, город не был полностью восстановлен. Раскрыто большое кладбище, на котором погребены героические защитники города»²⁴⁹. А ведь это было только начало татарского нашествия...

Оставив после себя опустошенную и обезлюдевшую Рязань, Батый двинул свои силы на Владимирское княжество. Великий князь Юрий Всеволодович успел подготовиться к встрече врага, собрав значительные войска у

Коломны, прикрывавшей единственно удобный зимний путь на Владимир по Москве-реке и Клязьме. В «сече великой» под Коломной погибла почти вся владимирская рать, что фактически предопределило судьбу всей Северо-Восточной Руси. Упорное сопротивление агрессорам оказали защитники еще совсем небольшой тогда крепости Москва, прикрывавшей путь на Владимир с юго-запада.

3 февраля 1238 г. орды Батыея впервые появились под стенами Владимира. Подробности его осады ярко передает Лаврентьевская летопись. Нанеся молниеносный удар по окрестностям, захватчики разбили свой лагерь к западу от города, у Золотых ворот. Они начали обносить его частоколом, подтягивать лестницы, подъемные устройства и устанавливать «пороки» — осадные орудия — перед городскими стенами. Штурм начался утром 7 февраля. Владимирцы сражались с отчаянным мужеством, но оборона была прорвана в четырех местах западной городской стены, т.е. так называемом Новом городе. Татаро-монголы ворвались в столицу через проломы в стенах, сделанные при помощи «пороков». К полудню битва стала стихать. Последние защитники Владимира погибли в огне подожженного захватчиками Успенского собора, где были также женщины, дети, великокняжеская семья, епископ Митрофаний, духовенство. Богатый город был полностью разграблен и опустошен²⁵⁰, в огне пожарищ погибли ценнейшие памятники литературы, искусства и храмового зодчества. После взятия Владимира полчища Батыея рассеялись по всему Владимирскому княжеству, стирая с лица земли города, разоряя и сжигая села и деревни. В течение только одного февраля ими было взято 14 городов в междуречье Клязьмы и Волги (Ростов, Суздаль, Ярославль, Углич, Галич, Дмитров, Кострома, Тверь, Юрьев и др.). А в марте 1238 г. в кровопролитной битве на р. Сить вместе с Великим князем Юрием Всеволодови-

чем погибли последние владимирские полки, спешно собранные из жителей северных городов и разбитых ранее дружин. Археолог констатирует: «Находки на среднем течении р. Сити в районе села Покровского остатков вооружения и человеческих костей, а также обнаруженные при раскопках кургана костяки со следами ударов холодным оружием и сопутствующими предметами вооружения подтверждают летописные известия о большой битве на р. Сить»²⁵¹.

Со взятием после двухнедельной осады порубежного с Владимирской землей новгородского «пригорода» Торжка перед захватчиками открылась дорога на Новгород, Полоцк и другие города Северо-Западной Руси. Однако наступившая весна превратила новгородские леса и болота в топи, непроходимые для татарской конницы, обремененной бесчисленными обозами с награбленной добычей и пленными. Нельзя упускать также факта, что в кровопролитных битвах и штурмах русских городов захватчики понесли огромные потери, их боевая мощь ослабла. Батый вновь начал отход в южные степи для приведения в порядок своих туменов.

Отходя на юг, татаро-монголы широким фронтом «облавы» еще раз прошли по Северо-Восточной Руси, уничтожая уцелевшие города, оставляя после себя залитую кровью, выжженную и опустошенную землю. Правый фланг «облавы» захватил восточные окраины Смоленского и Черниговского княжеств. Попытка монголо-татарского отряда захватить Смоленск была сорвана смоленскими полками, отбросившими захватчиков от стен города. Воистину беспримерный подвиг совершили жители маленького городка Козельска (в верховьях Оки), семь недель отбивавшие штурм подошедших под его стены полчищ Батыя с осадной техникой. По словам летописца, горожане «ум крепкодушный имели», сражались до последнего человека и во время вылазки уничтожили даже

вражеские осадные машины. Татары овладели городом ценой невиданных потерь²⁵² и только тогда, когда в рукопашных схватках погибли почти все его защитники. «Злой город», как называли Козельск татаро-монголы, был по приказу Батыя стерт с лица земли.

Лето 1238 г. захватчики провели в придонских степях, но уже осенью их отряды вторично опустошили еще не оправившуюся Рязанскую землю и сожгли ряд уцелевших во время первого похода городов (Муром, Гороховец, Нижний Новгород). Весной 1239 г. было разгромлено Переяславское княжество на левобережье Днепра, прикрывавшее Русь с юго-востока от степных кочевников. Сам Переяславль был взят «копьем» (штурмом). Оборону древнего города возглавил местный епископ Симеон, после взятия убитый захватчиками. Летописец скорбно заметит: «Татарове взяша Переяславль и епископа убиша, и люди избиша, а град пожгоша огнем»²⁵³. Теперь перед захватчиками лежала прямая дорога на Киев.

И все же, отмечает историк, перед тем как идти к Киеву, татары сочли необходимым «обезвредить» Черниговское княжество. До того момента ими был взят только один город этого княжества — Козельск, в 1238 г. Летом или ранней осенью 1239 г. татарское войско под предводительством Мунке было послано на запад через южную половину черниговской территории. Число городов, которые были захвачены или обойдены стороной, неизвестно, хотя Глухов, к северу от Путивля, был в руках татар до взятия Чернигова, а Сосница, Хоробор и Сновск (все к востоку от Чернигова и к северу от реки Сейм) были, по-видимому, захвачены татарами в ходе движения к столичному городу. Вероятно, все города в бассейне реки Сейм — Курск, Рыльск и Путивль — и, может быть, также в низовьях Десны были взяты перед тем, как захватчики подошли к самому Чернигову²⁵⁴. Под стенами этой богатой столицы княжества татарами были исполь-

зованы гигантские катапульты — «тараны». Летописец сообщает: «Меташа бо каменемь полтора перестрела, а камень якоже можаху 4 мужа силнии поднятии». Князь Мстислав Глебович попытался защитить город. Он вывел все свои войска, чтобы встретить татар в открытом бою. Но русские силы были разгромлены, и 18 октября 1239 г. Чернигов пал²⁵⁵.

Наконец, зимой 1239/1240 г. монголо-татарский отряд впервые появился под Киевом. Начался не менее жестокий поход агрессоров на Южную Русь. Еще осенью полчища Батыея форсировали Днепр. Но, увы, южно-русские князья не извлекли никаких уроков из разгрома Северо-Восточной Руси, Переяславского и Черниговского княжеств. Как и прежде, занятые междоусобными распрями, ни одного шага к объединению своих воинских сил они не предприняли. К великому сожалению, борьба с азиатскими захватчиками и здесь свелась к самоотверженной, но изолированной, не связанной с активными полевыми действиями, а потому обреченной на поражение обороне городов. Подавляющее численное превосходство позволило монголо-татарам, не считаясь с потерями, подавить эти разрозненные очаги сопротивления. Лишь немногим городам (Холм, Кременец, Данилов) удалось отбиться от туменов Батыея. Достаточно сказать, что был разрушен даже Галич — знаменитая столица князя Даниила Романовича Галицкого, отчего князю и пришлось перенести впоследствии свой «стол» из Галича в Холм. Но об этом речь еще у нас впереди. А пока...

А пока суровым зазимьем 1240 г. монголо-татарские орды стремительно двигались на Киев. Однако возглавить оборону «матери городов русских» оказалось практически некому. Хотя Киев находился тогда всецело под управлением столь восхваляемого ныне князя-западника Даниила Галицкого, но защищать город князь вовсе не собирался. Очевидно, интересы собственного Галицкого

княжества были для него гораздо важнее общедержавных интересов Руси, а значит, мало волновала его и судьба древней столицы. Даниил Романович и впрямь поступил как истый западник. Узнав о приближении орды, князь Даниил направил в Киев своего тысяцкого Дмитра, сам же вместе с семьей спешно бежал в Польшу, а затем в Венгрию. Так же как «за страх татарский», еще раньше бежал в Венгрию просить помощи у короля Белы IV князь Михаил Черниговский²⁵⁶. В качестве подкрепления этого союза Михаил предложил даже устроить женитьбу своего сына Ростислава на дочери короля. Но, как свидетельствует летописец, Бела IV «не вдасть девкы своей Ростиславу». Переговоры русских князей с венгерским королем о военном союзе шли уже как раз в момент вторжения татар в Галичину...²⁵⁷

Ипатьевская летопись, содержащая самую раннюю версию тех событий, передает, как, впервые увидев Киев с левого берега Днепра, татарский предводитель «удивися красоте его и величеству его, присла послы ко гражаном, хотя их прельстити» и заставить сдаться. Но киевляне отказались слушать льстивые речи татар, решив сражаться до последней возможности. Киев пал 19 ноября 1240 г., выстояв благодаря мужеству защитников 10 недель непрерывных боев и штурмов. Монах-хронист, свидетель тех горьких событий, на века зафиксировал: численность азиатского войска, осадившего город, была столь громадна, что «не было слышно голоса человеческого от скрипа телег его, от ревения верблюдов и от ржания коней»²⁵⁸. Как сообщил захваченный киевлянами в одной из вылазок «язык», под стенами древней русской столицы собрались все силы Батыя, участвовавшие в походе на Русь. Случай беспрецедентный в завоевательной практике ордынцев²⁵⁹.

Главный удар Батый приказал нанести с юга, со стороны Лядских (Польских) ворот, где лесистый склон

обеспечивал надежное укрытие. Осадные орудия сделали свое дело. Разбив стену, врагу удалось захватить там участок вала, но сопротивление киевлян было настолько решительным, что Батый вынужден оказался дать войску передышку. На следующий день бой разгорелся с новой силой. Киевляне успели укрепиться на линии валов «города Владимира». Они отстаивали каждую улицу, каждый дом, но силы были слишком неравны. Прорвав укрепления в районе Софиевских ворот (отчего они получили еще и название Батыевых), завоеватели окружили последних защитников Киева в Десятинной церкви (первом каменном храме Руси, построенном еще Владимиром Крестителем). Стены не выдержали страшных ударов монгольских «пороков» и рухнули. «Того же лета, отметит под 1240 годом Суздальская летопись, взяша Киев татаровя и святую Софию разграбиша, и монастыри все и иконы и кресты, и вся узорочье церковные взяша, а люди от мала до велика вся убиша мечом»²⁶⁰. Итальянский монах — посол Плано Карпини, проезжая через Киев в ставку Батыева всего пять лет спустя после этих событий, не мог не ужаснуться открывшейся ему картине дикого разгрома одного из крупнейших городов средневековой Европы. В своих путевых записях он скажет: монголы «произвели великое избиение в стране Руссии, разрушили города и крепости, убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после долгой осады взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавших на поле, ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что, едва существует там 200 домов, а людей там держат они (монголы) в самом жестоком рабстве»²⁶¹.

Как пишет П.П. Толочко, археологические раскопки зримо подтверждают печальные сообщения письменных источников о зверствах Батыевой орды. Ведь из более

чем 40 монументальных сооружений, существовавших в Киеве до разгрома, едва уцелело только пять. Из девяти тысяч дворов — 200 (отстроенных, видимо, уже между 1240 — 1246 гг.). А из 50-тысячного населения — осталось не более 2 тысяч. В ряде районов древнего Киева, в частности центральном, жизнь возродилась только спустя несколько веков...²⁶²

Из Киева главные силы татаро-монголов двинулись на Владимир Волынский, Галич, Белгород, Кременец, «инии грады многы, им же несть числа»²⁶³, как говорит летописец. И опять на всем пути этого движения археологи находят мощные слои пожарищ. Под древними крепостными стенами, под сожженными домами исследователями обнаружены сотни изуродованных человеческих останков и предметы вооружения. Во Владимире Волынском, у древней церкви, человеческие скелеты с разрубленными костями и пробитыми черепами²⁶⁴. Да, Русь сражалась, но выстоять под испепеляющим напором азиатской орды она уже не могла: такова была страшная цена феодального безвластия и анархии. В 1241 г. кочевники вышли на ее западные рубежи и вторглись в Польшу, Венгрию, Чехию, Словакию и Трансильванию. Чтобы опустошить и разграбить эти страны, захватчикам оказалось достаточно всего шесть недель. Через четыре месяца после падения Киева, 9 апреля 1241 года, объединенное войско поляков, венгров и тевтонских рыцарей было наголову разгромлено татарами в битве при Лигнице близ Вроцлава...

Итак, какие можно сделать выводы? Думается, внимательный читатель уже понял, для чего приведены здесь все эти скорбные и многим известные факты, что они призваны были проиллюстрировать. Действительно, очень справедливо замечание историка В.Т. Пашуто о том, что к XIII столетию «политическая карта вокруг Руси резко изменилась». В силу определенных идеологических пристрастий хотим или не хотим мы признать это сейчас,

но такова действительно была историческая реальность. Тяжелая реальность того времени, когда, с одной стороны, папский Рим, осуществляя свое извечное стремление к мировому господству, мобилизовал и сконцентрировал на западных и северо-западных русских границах почти все наиболее агрессивные силы католической Европы, готовясь нанести удар уже непосредственно по самой Руси. А с другой стороны, с Востока на нее в это же время нахлынула всеуничтожающая волна монголо-татарского завоевания. И значит, глубоко верно соответствует историческим фактам замечание и другого русского исследователя, Г.В. Вернадского, писавшего, что «развернувшаяся на великой восточно-европейской равнине как особый культурный мир между Европой и Азией» Русь в XIII в. действительно оказалась «между двух огней», «попала в тиски, подвергнувшись нападению и латинской Европы, и монгольской Азии»²⁶⁵. Но именно в этот тяжелейший для его Отечества момент будущему великому полководцу Александру Невскому и исполнится 17 лет...

Глава V

НА ВЫЖЖЕННОМ ПЕПЕЛИЩЕ...

...В 1237 г., когда на Северо-Восточную Русь впервые вторглись орды Батыя, великокняжеский престол во Владимире занимал внук Юрия Долгорукого и сын Всеволода Большое Гнездо — Юрий Всеволодович. Внимательному читателю этот русский князь наверняка уже запомнился по событиям 1223 года, связанным с восстанием в Прибалтике эстов против крестоносцев. Именно к Юрию Всеволодовичу пришли тогда во Владимир-на-Клязьме старейшины эстонской земли Сакала с просьбой о военной поддержке в борьбе с немцами и датчанами. Теперь, пятнадцать лет спустя, 4 марта 1238 года, Юрий Всеволодович вместе с двумя сыновьями сложил голову во время трагической битвы с татарами на реке Сить... Правда, в настоящее время, в угаре «разоблачительной» кампании против нашей отечественной истории принято особо подчеркивать: мол, погиб Великий князь Юрий Всеволодович главным образом потому, что ему на помощь не пришел со своей довольно крупной ратью младший брат — Ярослав Всеволодович Переяславский, сам желавший стать владимирским князем, — как об этом пишет, например, Р.Г. Скрынников, добавляя: «По-видимому, он (Ярослав) не участвовал в обороне Русской земли и сумел сохранить свои воинские силы. Едва войска Бату покинули землю, Ярослав тотчас

занял великокняжеский стол во Владимире, а затем завладел Киевом...»²⁶⁶

Однако столь жестокое обвинение вряд ли правомочно. Хотя междоусобные распри, соперничество между братьями-князьями, к сожалению, были тогда делом обычным и это ни в коей мере нельзя сбрасывать со счетов, но говорить, что отец будущего великого полководца отказывался воевать за Русь, значило бы прямо идти против правды истории. Сам Р.Г. Скрынников кстати, буквально пятнадцатую строками выше упоминает, что тот же князь Ярослав Всеволодович еще за «несколько лет до монгольского нашествия нанес поражение ливонским рыцарям под Юрьевом (Тарту) и литовцам у Старой Руссы»²⁶⁷. Следовательно, все-таки не ради исключительно личных политических амбиций берег князь свои войска, стараясь постоянно держать их наготове, вблизи западных рубежей Русской земли. Неспроста и Господин Великий Новгород — зело своенравная боярская республика, в мирное время обычно плохо ладившая с князьями-наместниками, — как только обострялась военная ситуация на западных подступах к Новгороду, незамедлительно приглашал княжить в город и командовать новгородским ополчением именно Ярослава Всеволодовича Переяславского. Точно так же, как стремились к военному взаимодействию с князем Ярославом и народы Прибалтики, сражавшиеся с агрессией западных рыцарей-крестоносцев. Яркие примеры этого военного взаимодействия читатель неоднократно мог уже видеть выше (бои под крепостными стенами Таллина, Дерпта, Отепя!). Всего же, как свидетельствует простой перечень фактов биографии князя, для обеспечения безопасности новгородских, а значит, и всех северо-западных русских границ, Ярослав совершил из Новгорода с е м ь военных походов в Прибалтику — против немцев, литовцев и шведов...²⁶⁸

Ибо, как известно, угроза с Запада была почти посто-

янной, и постоянно же нарастала. И здесь к факту стремительно развивающейся немецко-католической агрессии в Прибалтике необходимо добавить теперь то обстоятельство, что во второй четверти XIII ст. политически оформилось и набрало силу молодое Литовское княжество²⁶⁹. Литовцы-язычники неоднократно предпринимали разбойно-грабительские набеги против всех своих соседей, особенно против Польши и против Руси. Чтобы защититься от этих набегов, а также для того, чтобы захватить часть Пруссии, польский князь Конрад Мазовецкий принял роковое (подчеркивают исследователи) решение призвать на помощь себе рыцарей Тевтонского ордена, позволив им на 20 лет разместиться на собственных землях (область Хельмно)²⁷⁰. Данный шаг князя Мазовецкого оказался жестоким просчетом, тяжело ударившим прежде всего по самой Польше. Тевтоны никогда и никого не защищали, тем более на славянских территориях. Как отмечалось выше, этот католический орден немецких рыцарей был создан в Палестине около 1128 г. Однако к 1200 году, когда, как пишет историк, «назревающий крах антиарабских походов побудил немецких феодалов и купеческую знать Бремена, Любека и других городов искать более выгодные и менее отдаленные сферы извлечения доходов, повлек за собой постепенное перебазирование Тевтонского ордена из-под Акры»²⁷¹ в Восточную Европу, где он приступил к покорению земель пруссов. А уже в 1231 г. тевтоны, по благословению папы римского Григория IX, начали Крестовый поход против язычников прибалтийского края. Так что, пишет историк, именно «в то время, когда ливонские рыцари свирепствовали между Двиной и Наровой, их собратья-тевтоны, тесня славян и пруссов, возводили замки на Висле — Торн (Торунь), Кульм (Хельмно), Мариенвердер (1233 г.)...»²⁷².

Кроме того, в самом начале 1234 г. немцы, пользуясь острыми разногласиями, возникшими между псковским

боярством и Новгородом, атаковали русскую крепость Изборск, но были отбиты. В ответ на это нападение князь Ярослав Всеволодович и совершил еще один поход против Ордена меченосцев, о котором кратко уже было упомянуто выше. Весной 1234 года вместе с объединенной суздальско-новгородской ратью он подступил к Дерпту (Юрьеву). Русские овладели хорошо укрепленным монастырем в Кяркна, вблизи города. Передовые отряды Ярослава Всеволодовича встретили жесткое сопротивление епископских войск, стянутых из Дерпта и Отепя. Наконец, когда подошли все главные русские рати, завязалось кровопролитное сражение. В этой битве под Дерптом (Юрьевом), у реки Эмайыги Ярослав Всеволодович наголову разбил рыцарей Ордена меченосцев. Новгородская летопись сообщает: погибли «лучьших немець неколико». Причем интересна деталь: в ходе сражения русские ратники загнали немцев на лед Эмайыги и «ту обломишася (лед), истопе их много, а ини язвьни (раненые) вобегоша» в Юрьев, а другие в Отепя²⁷³. После этого меченосцы сразу запросили у русского князя мира «по всей его правде», т.е. на условиях, продиктованных самим Ярославом Всеволодовичем...²⁷⁴ Вместе с отцом сражался тогда на берегу Эмайыги и совсем юный, четырнадцатилетний Александр Ярославич. Не подтолкнула ли годы спустя молодого полководца именно память о былой отцовской победе на мысль встретить врага как раз у берега Чудского озера?.. Во всяком случае, многие исследователи прямо подчеркивают: удачная кампания 1234 г. дала юному Александру Ярославичу практические знания в военном деле²⁷⁵.

Да, основные цели немецких рыцарей и Ордена меченосцев, и Тевтонского ордена были совершенно одинаковы. Руководимые Святейшим римским престолом, изверски прикрываясь знаком креста, эти две наиболее агрессивные силы католической Европы через беспо-

щадное покорение Пруссии и Прибалтики неуклонно двигались к главному — к вторжению на Русь. И если об этом, неведомо почему вдруг запомнил историк Р.Г. Скрынников, то, напротив, данный факт был, наверное, очень хорошо известен, хорошо понят князем Ярославом Всеволодовичем Переяславским, всеми возможными действиями пытавшимся упредить, остановить немецких псов-рыцарей еще на подступах к русским границам. Он действительно остановил их. Как подчеркивают историки, «победа под Тарту (Дерптом) на несколько лет обезопасила западные русские границы от нападений захватчиков и поддержала освободительную борьбу прибалтийских народов»²⁷⁶.

Ведь сильное поражение меченосцев от русской рати и заключенный крайне невыгодный для них новгородско-ливонский Юрьевский мирный договор 1234 года воодушевили на восстание против крестоносцев куршей. Объединившись с литовцами, они начали громить рыцарские замки. Организованный магистром Фолквином фон Винтерштеттенем в середине лета 1236 г. поход против литовцев, в котором приняло участие значительное количество западных крестоносцев вместе с крещеными ливами и латгалами, также закончился полным поражением. Орденское войско вторглось тогда в Жемайте и прошло его «огнем и мечом». Но когда участники похода уже возвращались назад с награбленной богатой добычей, их встретили объединенные отряды литовцев и земгалов. Состоявшаяся 21 сентября 1236 г. знаменитая битва при Сауле завершилась для меченосцев сокрушительным разгромом, пленением сотен рыцарей и гибелью самого магистра Фолквина. Погиб также весь командный состав ордена²⁷⁷.

Победа при Сауле имела важные последствия. Восставшие курши сбросили с себя ярмо насильно навязанного им крещения. Военные же силы Ордена меченосцев

были фактически уничтожены, он оказался на грани краха, что вызвало у католических агрессоров серьезную тревогу. Исследователь отмечает: «Орденский капитул буквально умолял гохмейстера Тевтонского ордена спасти меченосцев и принять их в Тевтонский орден, объединив владения двух орденов»²⁷⁸.

И тогда в результате переговоров, при активном участии понтифика Григория IX, 14 мая 1237 г. (пусть отметит эту дату читатель: до нашествия Батыя на Русь оставалось всего полгода!) в папской резиденции Витербо, близ Рима, собрались сам понтифик, великий магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальца и представители Ордена меченосцев. Спешно было достигнуто соглашение об объединении Ордена меченосцев в Ливонии с орденом тевтонов в Пруссии. Магистр меченосцев стал ландмейстером Тевтонского ордена. Осенью того же года, по приказу великого магистра Германа фон Зальца, в Ливонию прибыл провинциальный магистр Герман фон Балк, чтобы принять владения Ордена меченосцев под власть тевтонов. Балк привел с собой ливонским немцам первое подкрепление — 60 рыцарей-тевтонов. Чтобы провести в жизнь утвержденное папой слияние орденов, почти одновременно прибыл и папский легат Вильгельм Моденский. Так «поражения, понесенные ливонцами, а также *новые задачи, которые ставили крестоносцы, готовясь к вторжению на Русь и в Литву, вызвали политическое объединение их сил*»²⁷⁹ (курсив наш. — Авт.). Отныне Немецкий (Тевтонский) орден был уже не местным, а общеевропейским государством, включавшим следующие провинции: 1. Сицилия (часть Палестины и о. Сицилия); 2. Германия (Франкония); 3. Пруссия (Западная и Восточная), Самогития; 4. Ливония (Лифляндия, Эстландия, Курляндия). Причем как раз Ливония после 1234 г. стала главной базой тевтонов, где они завладели всей территорией Балтийского побережья

от устья Вислы до устья Западной Двины. «Орден объединил все земли коренных племен Прибалтики — от пруссов до эстов. И именно с середины XIII в. возникло само понятие «Прибалтика» (Balticum) как единый историко-географический термин»²⁸⁰.

Наконец, подчеркивают историки, с прямой подачи Ватикана в тот же период активизировала враждебные действия против Руси Швеция, завоевавшая к тому времени многие земли соседних с Русью финских племен²⁸¹. Особенно это стало ощутимо после избрания на папский престол Григория IX (1227—1241). Григорий IX, в соответствии с традицией римских понтификов, «был одержим идеей о всемирном господстве католической церкви. Завоевание и покорение Центральной Финляндии, завершение покорения племен Ливонии, укрепление церковного и политического устройства в обеих странах были предметом (его) постоянной заботы. Стараясь укрепить шведскую колонию в Финляндии, папская курия помогает финляндским шведам в их борьбе с новгородцами за обладание Центральной Финляндией, в 1220—1230 годах»²⁸².

Например, в 1221 году еще предшественник Григория IX, папа Гонорий III, впервые в качестве средств борьбы с Новгородом предлагает архиепископу Томасу, главе католической церкви захваченных шведами финских земель, «под угрозой отлучения от церкви запретить христианам вести торговлю с «варварскими народами», окружавшими Финляндию, т.е. с карелами и русскими»²⁸³. Затем, в 1227 году, этот архиепископ уже сам требовал торговой блокады «врагов веры» — карел и русских. Состоявшийся тогда же поход новгородского князя Ярослава Всеволодовича против шведов вызвал жалобу Томаса в Рим. И в 1229 году сам папа Григорий IX ради помощи шведам «решил организовать полную торговую блокаду Новгорода, чтобы подорвать военное могущест-

во Новгородского государства. В январе—феврале 1229 года Григорий IX направляет пять булл к руководителям католической церкви всех основных торговых центров Балтийского моря: в Линчепинг (прибрежная Швеция) и на Готланд, в Ригу и Дюнамюнде, в Любек с требованием прекратить под угрозой церковного наказания торговлю с русскими». Таким образом, полагает историк, «Григорий IX рассчитывал полностью прекратить всю европейскую торговлю с Новгородом, шедшую по морю через шведское побережье, Готланд и Любек, по суше — через Ригу, чтобы лишить русских подвоза оружия, а также металлов, из которых оружие может быть изготовлено. В 1230 г. папа вновь отправляет в Швецию буллу с аналогичным содержанием»²⁸⁴: «Не продавать язычникам и союзным им русским, как это делается и относительно арабов, оружия, лошадей, суда, продукты». Обеспокоенность папы была не случайной. Видимо, «в эти годы новгородское правительство приняло некоторые меры к восстановлению своих позиций в Финляндии. Такой вывод, — указывает исследователь, — позволяет сделать содержание буллы Григория IX, отправленной архиепископу упсальскому. «Как сообщают дошедшие до нас ваши письма, — писал папа, — народ, называемый тавастами (т.е. финны), который когда-то большим трудом и заботами вашими и ваших предшественников был обращен в католическую веру, ныне стараниями врагов креста, своих ближних соседей, возвращен к заблуждению старой веры (т.е. православию) и вместе с некоторыми варварами и с помощью дьявола совершенно уничтожает молодое насаждение церкви Божией в Тавастии». Иными словами, папа прямо объяснял неудачи Швеции в земле финнов вмешательством русских («ближних соседей»), причем неудачи оказались так велики, что провозглашался Крестовый поход и против финнов, и против русских ...»²⁸⁵

В феврале 1232 года римская курия уже прямо «запре-

тила всем христианам в прибалтийских землях (включая Финляндию) без ее разрешения заключать мир или перемирие с русскими или язычниками». А уже в ноябре того же года, «получив вести о новом ухудшении положения финляндской колонии шведов, Григорий IX обратился с посланием к ливонским рыцарям, призывая их к походу в Финляндию для защиты «нового насаждения веры» от нападений «неверных русских». Так, подчеркивает историк, именно этим папским посланием «впервые был выдвинут проект объединения сил немецких и шведских рыцарей для совместной борьбы против Руси»²⁸⁶.

Такова была военно-политическая обстановка на западных и северо-западных русских границах накануне и уже непосредственно в момент Батыева вторжения на Русь с Востока. Наверное, мы уже никогда не узнаем, насколько конкретно был осведомлен князь Ярослав Всеволодович Переяславский о соглашении, достигнутом в местечке Витербо близ Рима. Но вот о злобных призывах архиепископа Томаса князь вполне мог знать точно от богатых новгородских купцов, торговавших с Западом: экономическая блокада Руси, объявленная папой Григорием IX, ударила прежде всего по их интересам. И, следовательно, хотя бы отчасти можем представить и мы с вами, читатель, о чем не раз мучительно думал князь Ярослав, выслушивая эти полные тревоги сообщения, которые уже вскоре многократно усугубятся страшными вестями о кровавом разгроме Рязани, Ростова, Суздаля, о разорении стольного Владимира....

В 1238 г., после гибели в сражении с татарами брата Юрия, Ярослав Всеволодович действительно стал Великим князем Владимирским²⁸⁷, хотя это была вельми нелегкая ноша, как говорит древняя летопись. Ярослав принял власть над полностью опустошенной землей. Почти все ее города, села и деревни представляли собой леденящий душу вид развалин и пепелищ. Однако именно на этом

выжженном дотла пепелище князь и должен был собирать в ужасе прятавшиеся по лесам остатки народа, как-то восстанавливать жизнь. «Приехав во Владимир, — пишет историк С.М. Соловьев, — Ярослав Всеволодович очистил церкви от трупов, собрал оставшихся от истребления людей, утешил их и как старший начал распоряжаться волостями...»²⁸⁸ Дел было много. Зачастую очень тяжелых, горестных. Достаточно сказать, что, например, своего еще совсем юного сына Константина князь принужден был немедленно отправить в далекий монгольский Каракорум, на поклонение к Великому хану Угедею. Надзор же за северо-западным и западным русским пограничьем Ярослав отныне всецело поручал второму сыну — восемнадцатилетнему Александру, новгородскому князю-наместнику. И этот выбор снова был не случаен. Да, Ярослав Всеволодович снова обдумал все очень хорошо. На ошибку он права не имел...

Хотя исторической точности ради отметим: по воле отца официальным новгородским князем-наместником Александр стал даже не в 18 лет, а еще на два года раньше — в 1236 г. Родился же Александр Ярославич в маленьком Переяславле-Залесском 30 мая 1220 г. Там прошли его детские годы. Там же над ним совершен был княжеский обряд «пострига». По свидетельству летописца, это торжественное действие выполнил епископ Семион — игумен Рождественского монастыря во Владимире. В главном Преображенском соборе города, в присутствии всего двора, трехлетнему княжичу подрезали кудри и перепоясали его мечом, а потом впервые посадили на коня. После этого с женской половины княжеского дворца он был переведен к боярину-воспитателю — дядьке Федору Даниловичу²⁸⁹.

Автор «Жития Александра Невского» подчеркивает: с малых лет его воспитывали как будущего князя, готовя не только к воинским, но и к державным свершениям. Неис-

поведимым Промыслом Божьим сам глубинный смысл имени, состоящего из двух древнегреческих слов: «алексо» — защищать и «андрос», муж, мужчина, будто с самого начала определил его дальнейшую жизнь, действительно всю без остатка отданную мужественной защите Отечества. Княжич рано постиг грамоту и, как и отец, очень любил книги. (Да, это факт, зафиксированный хронистами: невзирая на частые военные походы, Ярослав Всеволодович был человеком незлобивым, добросердечным, и... трепетным книголюбом, без устали пополнявшим свою библиотеку, подобно прадеду Ярославу Мудрому.) Александр хорошо знал русские летописи. Читал переводы византийских хроник. Наконец, он много раз читал и перечитывал знаменитую «Александрину» — древнее повествование о походах Александра Македонского. Но все-таки главной книгой для него всегда была Библия, и это тоже зафиксировали строки летописцев. Священное писание, как и Священную историю, князь великолепно знал с юности, легко и точно цитируя все книги Евангелия. И, должно быть, именно это глубочайшее знание прежде всего поможет Александру Ярославичу выстоять в том жестоком, не только ратном, но в первую очередь духовном противоборстве с католическим Римом, которое выпадет на его долю позднее...

Из Переяславля в Новгород Великий Александр впервые приехал восьмилетним отроком. Встреча с огромным богатым городом, так разительно не похожим на тихий родной Переяславль, конечно, потрясла юную душу. Ведь по обширности своих владений Новгород превосходил в те времена даже такие известные европейские города, как Любек, Бремен, Венеция, Генуя. Весь бескрайний север Руси от Финского залива до Уральских гор — все это были владения Господина Новгорода Великого. Новгородские бояре собирали дань с ижоры и води по берегам Невы и Финского залива, с земли еми и саамов,

вплоть до границ Норвегии. Они управляли всей Карелией. Их владения простирались по Кольскому полуострову, Белому морю, Заволочью и достигали Зауралья. И отовсюду стекалась в Новгород богатая дань — меха, мед, воск, серебро, моржовый клык, рыба... Восточными соседями новгородцев была Суздальская земля, южными — Смоленское и Полоцкое княжества. Западная граница пролегла вдоль реки Нарова на юге через центр Чудского озера, а также западнее реки Великая до самого северного края Полоцкой земли. Вся обозначенная территория централизованно управлялась из Новгорода, только на западе город Псков и довольно значительная зависевшая от него земля имели самоуправление, хоть и под строжайшим надзором самого Новгорода, откуда в Псков назначался посадник, которому принадлежала исполнительная власть.

Именно Новгород, этот древнейший на севере форпост Руси, стоя в центре водных путей, связывал все остальные русские земли со странами северо-западной Европы²⁹⁰. И именно здесь же, поначалу еще рядом с отцом, юный княжич впервые стал постигать сложнейшее дело государственного управления. Здесь, присутствуя вместе с Ярославом Всеволодовичем на шумном городском вече или на княжеском совете, следя за неспешными, вдумчивыми беседами отца с местным боярством или с иноземными послами, Александр, должно быть, впервые соприкоснулся с высоким искусством побеждать не силой, но разумом, укрощая боярскую спесь, находя нужные слова и доводы для переменчивой и зачастую грозной толпы... Наконец, именно здесь в вольной боярской республике, где даже печати были у каждого свои, отдельные — и у князя, и у посадника, и у тысяцкого, — Александр впервые воочию увидел и ощутил главное: как трудно быть князем и защищать «отчину» — то есть пору-

ченную Богом землю и людей, — защищать от всех посягательств и внутренних, и внешних противников...

Ведь, как отмечают исследователи, Новгород не являлся княжеством в классическом значении этого слова, т.е. управляемым либо князем из местной династии, либо назначаемым из другого княжества. Это был именно город-государство, боярская республика, приглашавшая к себе князя и его войска большей частью лишь тогда, когда возникала необходимость защищать границы Новгородской земли и вести войны. Административно Новгород был разделен на две половины. На западном берегу Волхова располагалась так называемая Софиевская сторона, состоявшая из трех концов (районов) — Неревского, Загородского и Людина — и детинца (кремля). Над всей этой стороной возвышался собор Святой Софии. На восточном берегу реки находилась Торговая сторона, состоявшая из двух концов. Плотницкого и Славенского. Каждый из этих концов отвечал за управление пятью волостями, на которые была поделена центральная часть Новгородской земли.

Уже со второй половины IX в. Новгород практически находился в зависимости от киевских князей. Позже князей из Киева стали присылать для управления Новгородом почти регулярно. Но насколько большей властью обладал князь, сколь обширными землями владел и в какой степени имел возможность назначать своих людей на административные, судебные и фискальные должности — достаточно точно неизвестно. Однако в XI и первой половине XII столетия он определенно был больше, чем военачальником и защитником границ, и его присутствие, если учитывать, подчеркивает историк, «поразительную неспособность новгородцев защищаться от врагов самостоятельно, было для них, несомненно, как бельмо на глазу»²⁹¹.

Начиная же со второй половины XII века и особенно в

XIII столетии, по мере того как возрастало стремление Новгорода к полной независимости и он фактически избавился, вышел из подчинения центральной власти Киева, княжеская власть стала там слабеть. Место посадника (ежегодно сменяемого главы исполнительной власти в городе) стало выборным. Если до этого посадник был правой рукой, ставленником князя, то теперь он избирался на вече из числа новгородских бояр, т.е. тем самым превратился из послушного орудия княжеской воли в потенциальную помеху его власти. Вече добилося также права назначать всемогущего епископа (с 1165 года — архиепископа) — номинального главу города-государства, хранителя новгородской казны, хозяина государственных земель и высшего церковного судью. Наконец, вече отвоевало также право назначать тысяцкого — т.е. воеводу новгородского ополчения и главу охраны.

Но самым главным было то обстоятельство, что после восстания 1136 года, которое завершилось изгнанием правившего в Новгороде сына киевского князя, город пользовался правом самостоятельно выбирать себе князя из любого княжеского рода. «Конечно, — отмечает исследователь, — сильные владимирские, киевские или черниговские князья по-прежнему могли оказывать давление на Новгород и принуждать горожан принимать своих ставленников. Но уже была разрушена традиция или неписанный закон, согласно которому именно киевский князь автоматически ставил своего сына или близкого родственника управлять Новгородом»²⁹². Это чрезвычайно усложняло положение в городе, где власть отныне сосредотачивалась в руках бояр-олигархов, которые в любой момент могли изгнать по каким-то причинам неугодного им князя²⁹³. Ибо, как правило, среди бояр-правителей очень редко существовало единство целей. Они делились на много разных группировок, с различными политическими и торгово-экономическими интересами и,

соответственно, поддерживали разных князей: например, одни — князей суздальских, другие — смоленских, а третьи и вовсе стремились к союзу с Западом. Между этими боярскими группировками постоянно происходила то скрытая, то явная борьба, что наносило ущерб прежде всего самому Новгороду, особенно в военное время. Тем сложнее было и приглашенному на новгородский «стол» князю управлять городом в подобных условиях.

Да, лучшей школы политического искусства, нежели та, которую довелось пройти Александру в вольном боярском Новгороде, вряд ли можно было бы придумать. Потому, наверное, став официальным князем-наместником, 18-летний Александр Ярославич действительно в полном объеме сознавал как всю небывалую опасность положения Руси, так и собственную огромную ответственность. Он знал, что, невзирая ни на какие трудности, должен быть щитом, прикрывающим Родину, уже обескровленную первой волной татарского нашествия, — щитом от еще более жестоких, непримиримых врагов, чем азиаты. И готовился к упорной борьбе сам, своими силами. Ибо опять же понимал: если прежние новгородские князья (как, например, отец), постоянно воюя с западными агрессорами, все-таки не испытывали недостатка в воинских силах, то теперь ситуация резко изменилась. Теперь на помощь Новгороду уже не могли быть приведены, как раньше, ни переяславские, ни суздальские, ни прочие «низовские полки»²⁹⁴. Теперь Великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович вынужден был удерживать все немногие уцелевшие «низовские рати» именно для обороны Нижней Руси, так как в тот момент еще никому не было известно точно, куда направит Батый свои бесчисленные конные тысячи — на Киев или снова на Владимир? Новгород, таким образом, оставался один на один со всем ополчившимся против Русской земли Западом, и выбора у новгородцев не было никакого. Следовательно, не

оставалось ни выбора, ни времени и у молодого Александра Ярославича. Едва взойдя на новгородский «стол», он немедленно отдал приказ укрепить русскую границу постройкой города-крепости на реке Шелони, заключить военный союз с угро-финским населением Ижорской земли²⁹⁵, а также начал внимательно набирать дружину из наиболее сильных, отважных бойцов. Так что летописец с гордостью отметит: «У князя Александра бе множество храбрых, яко же древле у Давыда царя; бяху бе сердца их, аки сердца львов...»²⁹⁶

Приготовления не были напрасными. Уже 7 июня 1238 г. в Стенби (где находилась резиденция датского короля Вальдемара II) между Тевтонским орденом и Данией был заключен договор о совместном нападении на Новгород²⁹⁷. (Так, словно стервятники, заторопились европейские крестоносцы воспользоваться ослаблением Руси от азиатского нашествия.) В Прибалтику отправился специальный эмиссар Ватикана — апостольский легат Вильгельм Моденский — с целью возможно более слаженной и четкой координации этого нового Крестового похода против «неверных». Немецкие и датские рыцари готовились нанести удар с суши, со стороны своих ливонских владений. Шведов же папа римский Григорий IX благословил нанести удар Руси с моря, через Финский залив.

Но была у «апостольского» агента Вильгельма Моденского и еще одна задача, о которой нужно упомянуть отдельно, ибо, увы, она не утратила своей актуальности даже теперь, почти целое тысячелетие спустя. Как пишет, опираясь на подлинные исторические документы, исследователь Б.Я. Рамм, наряду с созданием внешней широкой антирусской коалиции, посол Святейшего престола предпринимал также активнейшие действия к тому, чтобы *найти поддержку внутри самой Руси, а конкретно — в приграничном Пскове и Новгороде*. И дальней-

шие события показали, что эти усилия, к сожалению, не остались безрезультатными. «Еще в 1228 г., сообщает летопись, во Пскове нашлись бояре-изменники, которые заключили союз с немцами. Позднее им удалось привлечь на свою сторону самого (псковского) посадника Твердилу Ивановича. А спустя еще несколько лет и в Новгороде нашлась кучка бояр во главе с бывшим тысяцким Борисом Негочевичем («Борисова чадь», как их именуется летописец), которые пытались в 1232 г. произвести в Новгороде и Пскове переворот, а когда это им не удалось, сбежали к немцам и сомкнулись с крестоносными захватчиками. Подобные изменники, очевидно, подкупленные агентами Вильгельма Моденского, объявились и в последующие годы»²⁹⁸.

Итак, к весне 1240 г. у организаторов немецко-датско-шведской католической агрессии против Руси уже все было готово²⁹⁹. Интервенцию предполагалось начать одновременно с двух сторон: с северо-запада — силами Тевтонского ордена, а с севера — шведскими рыцарями под предводительством архиепископа Томаса, ярлов Ульфа Фаси и Биргера³⁰⁰. В шведские войска привлечены были также представители покоренных финских племен сумь и емь, и еще мурмане, т.е. норвежцы. Однако... Однако в самый последний момент тевтонские рыцари опоздали, а шведы, пройдя по Неве до устья реки Ижоры, не сумели использовать преимуществ внезапного нападения. Более того, по свидетельству летописца, командующий шведскими войсками королевский зять Биргер, зная, что помощи новгородскому князю Александру ждать неоткуда, даже отправил в Новгород кичливый вызов со словами: «Аще можещи противитися мне, то се есмь уже зде, пленяя твою землю...»³⁰¹

Далее события развивались следующим образом: шведские корабли, вошедшие в устье Невы тихим июльским рассветом 1240 г., сразу засекали сторожевые дозо-

ры, заблаговременно выставленные там, «при крае моря», по приказу Александра Ярославича, и тревожная весть о вторжении немедля ушла в Новгород. Как свидетельствует летописец, молодой князь «не мешкая нимало», сию минуту объявил сбор дружины. Он ничего не стал сообщать во Владимир³⁰². Не стал ждать он и сбора общего новгородского ополчения, на что было бы потеряно несколько дней. Как талантливый полководец, он наверняка понял: промедление — смерти подобно. И, как ранее отец, Ярослав Всеволодович, тоже постарался упредить врага. «Братья! — лишь сказал князь дружине перед выступлением. — Не в силе Бог, а в правде! Вспомним слова псалмопевца: сии же во оружии, и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего... Не убоимся множества ратных, яко с нами Бог!»³⁰³

Форсированным маршем князь Александр бросился к Неве, преодолев за день более 150 км, и успел застать шведов на привале близ устья реки Ижоры. Причем, отмечает историк, «в том, что успели конные отряды, не было ничего удивительного: это расстояние русские всадники, если ехали «вборзе», «о-дву-конь», обычно преодолевали за 12 — 14 часов. Но к месту сражения успели и пешцы (пешие ратники)! Значит, возможно, часть пути они проплыли на ладьях (по Волхову)...»³⁰⁴ В дороге к ним присоединились ладожане³⁰⁵.

Вражеские корабли стояли при впадении Ижоры в Неву. Шведская знать, рыцари и католическое духовенство ночевали на берегу, в шатрах, даже не выставив караулов, что еще раз доказывает: быстрого подхода противника они действительно не ждали. Но этой-то самоуверенной беспечностью врага и воспользовались русские. За лагерем крестоносцев неусыпно следил со своим небольшим отрядом начальник приморской стражи, ижорский старшина Пелтусий, в св. крещении — Филипп. Летописец свидетельствует: приняв православие и живя

среди соплеменников-язычников, он свято исполнял заветы своей новой веры. Пелтусию удалось точно разведать все пункты расположения неприятельского войска и вовремя сообщить эти сведения подошедшему с дружиной Александру Ярославичу.

Тогда же сообщил Пелтусий молодому князю и еще одну весть. Вот как передает летописец его слова: «Всю ночь провел я без сна, наблюдая за врагами, — говорил ижорец, отступив немного в сторону вместе с Александром. — На восходе солнца услышал я шум и увидел на воде насад (ладью) с гребцами. Посреди насада стояли, положив на рамена (плечи) друг другу руки, святые мученики Борис и Глеб, а гребцы, сидевшие в насаде, были «яко мглою одеяни». И рече Борис: «Брате Глебе! Вели грести, да поможем сроднику своему великому князю Александру Ярославичу». Увидав дивное видение и услышав святых мучеников, я «стояще трепетен, пока насад не ушел от очей моих...». Что ответил Александр, выслушав рассказ потрясенного воина, недавнего язычника? Летопись на века зафиксировала только тихое и задумчиво-смирненное: «Не говори никому об этом...»³⁰⁶

Битва с крестоносными агрессорами началась утром 15 июля 1240 г., в день памяти святого равноапостольного русского князя Владимира. (Описание ее оставил нам современник, бывший, как полагают исследователи, дружинник Александра Ярославича. Себя автор называет «самовидцем» события и говорит, что, кроме того, использовал сведения, собранные «от отецъ своих». Позднее это описание было включено в «Житие Александра Невского»³⁰⁷.) Шведское войско насчитывало 5000 человек, значительно превосходя силы новгородцев (около 1000 человек княжеской дружины и еще 300 — 400 человек вспомогательной рати ладожан и ижорцев³⁰⁸). А потому победу могло принести только одно — внезапность удара, а также умелое использование того обстоятельст-

ва, что шведы были разобщены. И, подчеркивает историк, «молодой полководец³⁰⁹ превосходно использовал обстановку. Сомкнутым строем княжеская дружина неожиданно выехала из леса и ударила в центр спящего шведского стана. Тревожно завывли трубы. Воины на кораблях спешно вооружались, чтобы прийти на помощь гибнущим рыцарям. Но пешие русские ратники под командованием «новгородца Миши» (как его называет летописец) уже бежали вдоль берега, рубили и сбрасывали мостки (сходни), отталкивали суда. Помощи рыцари так и не дождались»³¹⁰. Навстречу шведским стрелам и копьям русские по местам вторгались даже на корабли — над одним, вторым, третьим там стали взвиваться русские стяги. Рыцарей в тяжелых железных доспехах сбрасывали в воду. Одни гибли сразу, других кое-как подбирали с соседних шнек. Три шведских корабля были потоплены.

А на берегу тем временем шла жестокая битва. Русские дружинники везде теснили шведов. Новгородец Савва пробился к златоверхому шатру командующего шведскими войсками и подрубил основной опорный столб — шатер рухнул, вызвав панику в шведских рядах. «Полки же Александровы, видевши падение шатерное, возрадовались». Во главе русской конницы стрелой летел сам Александр. Врезавшись в гущу шведских войск, он ударом копья сразил их полководца — знаменитого ярла Биргера, королевского зятя, некогда основавшего шведскую столицу Стокгольм. «Возложил Биргеру печать на лице острым своим копием...»³¹¹, как передает летописец³¹².

Вообще, отчаянная храбрость и богатырская удаль русских ратников была главной чертой этого стремительного и жаркого сражения. Даже вокруг князя кипел жестокий бой. «И ту бысть великая сеча», — передает современник, оставивший нам подробное описание битвы. Например, новгородец Сбыслав Якунович, вооруженный

одним лишь топором, «многожды» врывался в ряды шведов и геройски бился, «не имея страха в сердце своем». Конный дружинник Гаврила Олексич так увлекся погоней за одним из знатных рыцарей, что въехал верхом на палубу корабля. Шведские корабельщики сбросили храбреца вместе с конем в реку, но он сумел выбраться на берег и тут же схватился со шведским «воеводой», пытавшимся собрать вокруг себя рыцарей. Пешие ратники новгородца Миши захватили три шведских шнека (корабля) и потопили их, свидетельствует летописец. Яков, ловчий Александра, лишь недавно попавший к княжескому двору из Полоцка, «наехав на шведский полк с мечом» сражался так отважно и мужественно, что сам князь «похвалил его». Наконец, не отходивший от Александра слуга Ратмир «бился пешь и обступиша его мнози» шведы, и после яростного боя от многих ран пад, скончался³¹³.

Сражение продолжалось до позднего вечера. Только к ночи князь отвел своих воинов в лес, чтобы утром довершить разгром врага. Но предводители шведского войска не приняли нового боя — слишком велики оказались потери агрессоров. Разящее копье Александра Ярославича вывело из строя главнокомандующего — ярла Биргера, его с трудом спасли оруженосцы и слуги. Историк пишет: «Стремительно проведенный бой принес блестящую победу русскому войску. Шведы, убравшись на суда, отошли от берега на полет стрелы и готовились к отплытию, терпя насмешки острых на язык новгородцев. У берега покачивались брошенные шнеки. Среди трофейных шатров русские разжигали костры и перевязывали раненых. С наступлением короткой июльской ночи шведы «посрамлени отъидоша». Их пало «множество много» и немало было ранено. Александр, опираясь на меч, смотрел, как его воины, собрав тела наиболее знатных рыцарей, «накладши корабля два», и «пустиша их к морю», и «потопиша в мо-

ре». Прочих же, что на веки остались на русском берегу, «ископавша яму, вметаша их в ню бесчисла»³¹⁴. «Талант и храбрость молодого полководца, геройство русских воинов обеспечили быструю и славную победу с наименьшими потерями. Новгородцев и ладожан пало около 20 человек»³¹⁵. Таким образом, подчеркивают современные исследователи, Невская битва «не отличалась истребительной кровожадностью. (Но) в военном и морально-политическом отношении она явилась серьезным ударом по захватническим планам шведов»³¹⁶.

Князя-победителя и его мужественную дружину Новгород Великий встречал ликующим благовестом всех своих колоколов. Отныне в сознании народа имя Александра Ярославича навеки соединилось с благодарной памятью о блистательном Невском одолении опасного и многократно превосходившего русские силы врага. «Римляне побеждены и посрамлены! — радостно кричали новгородцы, — передает летопись. — Не свеи (шведы), мурмане, сумь и емь, — *римляне!*.. » И в этом выражении, отметил старый историк, «в этом названии побежденных врагов римлянами народный инстинкт верно угадал смысл нашествия. Народ увидел в нем посягательство Запада на русскую веру. Здесь, на берегах Невы, со стороны русских дан был славный отпор грозному движению германства и латинства на православный Восток, на Святую Русь...».

И пусть была эта Невская битва отнюдь не самой крупной в долгой, изматывающей череде войн и сражений тревожного XIII столетия. Но никогда не следует забывать, что произошла она в момент самой страшной всеобщей подавленности и смятения русского народа. Когда основная часть страны уже лежала в руинах. Когда перед глазами у людей всюду открывались только скрытые стены крепостей, разрушенные, опустевшие города, выжженные села и свежие холмы братских могил. И главное, ко-

гда не осталось никакой надежды на избавление от жестокого захватчика, полонившего русскую землю³¹⁷. Однако именно у этого выжженного дотла пепелища и дано было свершиться чуду. «Не в силе Бог, а в правде!» — воззвал еще совсем юный двадцатилетний русский князь Александр к своим соотечественникам. И молниеносной, блистательной победой тут же доказал, что так оно и есть. Тем самым в русском народе была сохранена вера, была сохранена воля, решимость одолеть любого, даже самого непобедимого врага. А значит, тем самым была спасена и вся Русь.

Неслучайно, отметит позднее автор «Жития», сама личность молодого князя-витязя производила огромное впечатление на всех, кто его видел. Даже вице-магистр Ливонского ордена Андреас фон Вельвен, незадолго перед Невской битвой посетивший Новгород с визитом, хотел «видети мужество и дивный возраст блаженного Александра, якоже древле царица Южская прииде к Соломону видети премудрость его. Подобно тому и сей Андрияш, яко узре святого великого князя Александра, зело удивился красоте лица его и чудному возрасту, наипаче же видя Богом дарованную ему премудрость и непременный разум, и не ведяще како нареци его и в велице недоумении бысть. Егда же возвратися от него, и прииде восвояси, и начат о нем поведати со удивлением. Прошед, рече, многи страны и языки, и видех много цари и князи, и нигде же такова красотою и мужеством не обретох ни в царех царя, ни в князех князя»³¹⁸. А ведь это, подчеркнем, говорил в р а г...

Буквально через месяц с небольшим, в августе 1240 г., к Новгороду подступили немецкие крестоносцы во главе с тем самым вице-магистром Ливонского ордена Андреасом фон Вельвеном, который был лично знаком с Александром Ярославичем, а также датские рыцари под предводительством сыновей короля Дании Вальдемара II —

Кнута и Абеля. Началось крупное наступление на Русь уже с северо-запада, со стороны Ливонии. Историк отмечает: наступление это, как всегда, было подготовлено Ватиканом, и для него папской курией, как всегда, использовались сепаратистски настроенные русские князья и бояре. Так, еще в 1239 г. Ярослав, сын перебежавшего к немцам псковского князя Владимира, «подарил» епископу Дерптскому «Псковское королевство»³¹⁹. Теперь этот князь-изменник шел вместе с католическими рыцарями, указывая агрессорам наиболее удобные дороги к Пскову. Точно так, как столетия спустя, пойдет почти теми же дорогами вместе с католическими агрессорами против Руси уже другой князь-перебежчик — Андрей Михайлович Курбский, снедаемый лютой ненавистью к своему бывшему другу — великому русскому царю Ивану Васильевичу Грозному...

Преодолев ожесточенное сопротивление, неприятель захватил псковский пригород-крепость Изборск. Псковское местное ополчение, получив тревожную весть, сразу выступило к Изборску. Но и оно было разбито более многочисленными ливонскими рыцарями. Восемьсот псковичей пали в сече под Изборском, погиб даже псковский воевода князя Александра — Гаврило Гориславич. Как сообщает ливонская «Рифмованная хроника» Генриха Латвийского, немцы «никого не оставили в покое из русских, кто только прибегал к защите, тот был убиваем или взят в плен, и по всей земле распространились вопли...».

Псков был осажден, однако силой взять его немцы не смогли. Через неделю город сам открыл ворота врагу, хотя современники считали его практически неприступным, и это соответствовало действительности. Ведь за всю историю Средневековья эта мощная русская крепость выдержала 26 осад, ни разу не сдавшись неприятелю. Причина трагедии крылась в том, что на сей раз у осажден-

ных псковичей не оказалось главного для успешной обороны — единства. Как уже говорилось выше, благодаря трудам ватиканского легата Вильгельма Моденского, среди псковских бояр было немало сторонников Ливонского ордена. Во главе этой группы стоял сам посадник Твердило Иванович. Сначала они убедили городское вече в необходимости выдать крестоносцам в качестве заложников детей бояр и купцов, а потом не только сдали агрессорам город, но и помогали им грабить и жечь окрестные русские села и деревни. По словам летописца, посадник-изменник Твердило «сам начал владеть Псковом с немцами»³²⁰. «Бояре предали Псков, где стали хозяйничать немецкие фогты, — подчеркивает историк. — Власть Твердилы была видимостью... Не согласившиеся на измену бежали со своими семьями в Новгород»³²¹.

Это падение Пскова, отмечают исследователи, создало крайне напряженное положение для Новгорода, вся система обороны которого с юго-запада опиралась именно на Псков. Псковская земля была отделена от Ливонии лесами и болотами, мало доступными для продвижения большого войска. Наиболее удобная дорога из Ливонии в Псков шла через Отепя к Изборску. Далее на восток за Псковом открывалось широкое пространство, не имеющее значительных естественных преград вплоть до самого Новгорода. Поэтому второй удар войско крестоносцев нанесло на Водскую пятину, примыкавшую к Финскому заливу, взяв крепость Копорье. Теперь рыцарские разъезды появлялись уже в тридцати верстах от Новгорода Великого, хозяйничали на берегах реки Луги. И, разумеется, всюду, куда они проникали, немцы беспощадно грабили население, захватывая все, что попадалось им под руку. «И по Лузе, и до Сабли вси кони и скот поимаша»³²², — передает летописец. Немцы планировали также захватить и берега Невы, и Карелию. «Папская курия, внимательно следившая за ходом войны, одобрила согла-

шение крестоносцев с Генрихом, епископом эстонского острова Эзель (Сааремаа), передав ему право ведагь церковно-политическими вопросами на землях, лежащих между Эстонией и Русью. Т.е. речь шла именно о Водской земле (Watland), Ижорской земле (Ingria), Неве (Nouve) и Карелии»³²³.

Александр Невский ясно видел всю грозность складывавшегося положения, но в то же время понимал и то, что невозможно рассчитывать на большую помощь из недавно разоренной татарами Владимиро-Суздальской Руси. Не имея другого выхода, он прямо потребовал от новгородских бояр средств для набора крупного войска и полной, неограниченной власти для себя, как военного вождя. Однако именно эти жесткие, диктаторские требования и не понравились боярской олигархии, не пожелавшей даже в такой тревожный момент поступиться ни собственными деньгами, ни тем паче собственной властью. И тогда, пишет историк, «Александр вспомнил уроки отца из области новгородской дипломатии». Зимой, на исходе 1240 г. он с семьей и всем своим двором «отъехал» из Новгорода в родной Переяславль-Залесский к отцу³²⁴.

Между тем уже в начале 1241 г. была получена тяжкая весть о падении Киева под ударами полчищ Батыя. Продолжали свое наступление немцы. Торговля Новгорода была подорвана, его западные владения разорены. В сложившихся условиях он неминуемо должен был стать или жертвой немецкой агрессии, или обратиться за помощью к другим русским княжествам. Сознание этой нависшей со всех сторон опасности и вынудило новгородцев на бурном вече принять решение отправить послов к отцу Невского, Великому князю Ярославу Всеволодовичу с просьбой о помощи, с просьбой прислать им князя, способного организовать защиту города. Правда, «будучи тонким политиком, Ярослав Всеволодович в ответ на это прошение отпустил тогда княжить в Новгород не Алек-

сандра, а своего младшего сына Андрея. Но Андрей явно не подходил новгородцам в столь ответственный момент. Новое вече приговорило направить к Ярославу теперь уже самого архиепископа Спиридона «с мужами» просить к себе Александра Невского. По возвращении на княжеский стол Александр добился от боярской знати денег и оружия, набрал войско из новгородцев, ладожан, карел, ижорян и немедленно выступил против крестоносцев»³²⁵.

План войны, выработанный Александром Невским, был прост и в то же время правилен: опираясь на помощь других русских земель и соседних народностей, общими силами разгромить врага. Прежде всего Александр пошел на Копорье, которое с момента захвата его немцами представляло собой угрозу не только для новгородцев, но и для их соседей — карелов и ижорян. Не дожидаясь, пока подойдет еще одна рать — «низовские полки», отправленные на подмогу новгородцам Великим князем Владимирским, Александр решил собственными силами ударить сначала по Копорью и освободить Водскую пятину, а уже затем вместе с отцовскими полками двинуться освобождать Псков. Кстати, историк А.Н. Кирпичников обращает наше внимание на то, как удачно был выбран Александром момент для начала своего контрнаступления: немцы еще не успели окончательно утвердиться во Пскове и, кроме того, часть их воинов вела в это время боевые действия против куршей и литовцев. Иными словами, агрессор просто не ждал столь быстрого ответного удара³²⁶. И ...

Стремительный рейд русского войска к побережью Финского залива вновь стал полной неожиданностью для захватчиков. Немцы даже не успели предпринять никаких шагов, чтобы оказать помощь своему гарнизону. Копорье русские взяли штурмом. Гарнизон крепости частью погиб, частью попал в плен. По словам летописи, отважный русский князь «разорил город до основания, а самих нем-

цев избил, а иных с собою привел в Новгород». Правый фланг новгородцев был теперь вне опасности. Решительные действия и мужество русских, отмечает историк, сразу отразились на положении врага: в 1241 году под влиянием этой победы вспыхнуло восстание жителей чудского (эстонского) острова Сааремаа (Эзель). Восставшие против крестоносцев, они перебили рыцарей и католическое духовенство. Едва избежал смерти даже главный претендент на русские владения — епископ Генрих. Вице-магистр Андреас фон Вельвен вынужден был послать на остров карательные отряды³²⁷, а затем поспешил подписать с сааремаасцами новый договор, в котором прямо отметил, что подвигнут к тому «нуждой», т.е. успешным контрударом русских³²⁸.

Наконец, до Новгорода добрались владими́ро-суздальские полки, и теперь объединенными силами в количестве 20 000 ратников можно было идти на Псков. Поход был тщательно подготовлен. В марте 1242 г. Александр Невский отдал приказ о выступлении основной дружины. А одновременно еще часть его войск перекрыла все дороги, ведущие к городу с Запада. Таким образом, немецкий гарнизон Пскова оказался полностью отрезанным от своих основных сил. Штурм был внезапным и быстрым, как любил Александр Ярославич. Русские воины ворвались в город «изгоном» — очевидно, псковские бояре-предатели не пользовались поддержкой горожан, которые открыли освободителям ворота крепости. Это с откровенной досадой отметил ливонский хронист, писавший о князе Александре:

Туда он прибыл с большой силой;
и привел много русских,
чтобы освободить псковичей.
Когда он увидел немцев,
он после этого долго не медлил,
он изгнал братьев-рыцарей,

положив конец их фогству,
и все их слуги были прогнаны.
Никого из немцев там не осталось,
русским они оставили землю.

В сражении за город было убито 70 знатных рыцарей. Фогтов вместе с другими пленными Александр велел заковать и отправить в Новгород. Бояре-изменники, сдавшие Псков немецким крестоносцам, были повешены. Теперь князь мог продолжить борьбу, опираясь на эту могучую русскую крепость. Ведь для него было совершенно ясно, что со взятием Пскова война с орденом отнюдь не закончится. Еще перед выступлением на Копорье, обращаясь к новгородцам на главной площади города у стен храма Св. Софии, Александр Ярославич сказал: немцы хотят «укорить (покорить) словенский язык (народ)», и знал, что одним ударом их вторжение на Русь не остановить. Борьба будет тяжелой и долгой.

Излюбленной тактикой немецких рыцарей являлось наступление «свиньей» (как называли этот боевой строй русские). Это был вытянутый вперед тупой клин, впереди и по бокам которого находилась рыцарская конница; сзади тоже стоял ряд рыцарей, как бы подталкивая всю «свинью».

Острые клина, состоявшее из плотных рядов тяжеловооруженных рыцарей, должно было разбить надвое строй противника, а кнехты — пешие воины, стоящие внутри «свиньи», — довершить разгром. Устоять против закованной в железо «свиньи» было, как правило, очень трудно. В многочисленных сражениях с народами Прибалтики рыцари не раз доказали убойную безотказность этой тактики. (Достаточно вспомнить, например, сражение с немецкими рыцарями эстов под Вильянди 20 сентября 1217 г., о котором шла речь немного выше.)

Так что, справедливо подчеркивает историк, перед русским полководцем стояла главная задача — выбрать

оптимальную позицию для решающего сражения с врагом и противопоставить немецкой «свинье» такое построение русского войска, которое бы обеспечило победу. А для этого нужны были прежде всего исчерпывающие сведения о расположении и численности противника³²⁹. С этой целью ранней весной 1242 г. Александр Невский выдвинул несколько разведывательных отрядов «в землю немецкую», под Дерпт (Юрьев, Тарту) дорогами, которые были ему уже знакомы по походу вместе с отцом к берегам Эмайыги в 1234 г. Один из отрядов, под командованием Домаша Твердиславича, столкнулся с рыцарским войском. Отряд был разбит, но уцелевшие воины принесли князю точные сведения: основные силы немцев идут к Псковскому озеру. Именно тогда, видимо, князь Александр и решил заманить своего врага на тающий озерный лед.

Псковское озеро соединено с Чудским озером (эстонское название Пейпус) сравнительно небольшой протокой с берегами, поросшими смешанным лесом. Это Узмень, ныне озеро Теплое. Ледяную поверхность Узмени Александр и выбрал для генерального сражения. Примерно в двух километрах отсюда возвышалась 15-метровая темно-бурая громада Вороньего камня, скалы, с которой хорошо были видны владения ордена на другом берегу, можно было следить за приближением вражеских сил. Было также удобно наблюдать с этой высоты и за ходом сражения. Русские войска начали готовиться к бою.

Самым характерным боевым построением русских ратей было трехполковое сильное «чело» из пешцев и крылья, где стояли конные дружины.

«Чело» должно было принять первый, самый сильный удар противника, остановить его, связать боем, а затем с флангов нападали конные крылья. Князь Александр, конечно, знал об этом построении. Но знал он, подчеркивает исследователь В.В. Каргалов, также то, что победу

можно одержать лишь в том случае, если «чело» выдержит сокрушительный натиск немецкой «свиньи». Уверенности же в этом у Александра Невского не было: пешие ополченцы из новгородских волостей были плохо вооружены и обучены. Нужно было найти противодействие первому, самому опасному удару рыцарской конницы, и молодой полководец нашел его, смело нарушив традиционное построение войска. Основные силы он сосредоточил на флангах, свою отборную дружину поставил в засаду для обхода рыцарской «свиньи», а пешее «чело» прикрывал сзади высокий озерный берег: если даже рыцари прорвутся через пеший строй в центре, они должны будут остановиться перед кручей. А тогда можно ударить по смешавшемуся рыцарскому войску с флангов и тыла.

Надо отметить, что Александр Невский превосходно использовал и другие особенности театра военных действий. Правый фланг русского войска прикрывала Сиговица, где били подземные ключи, отчего лед был хрупким и рыхлым. Если нанести втянувшейся в бой рыцарской «свинье» сильный удар слева и загнать туда тяжеловооруженных рыцарей, лед не выдержит.

Так и было построено войско. Темными рядами застыли в центре сомкнутые щит в щит пешцы, вытянув вперед длинные копья. Перед ними построились лучники. На флангах — конные дружины. Спряталась в лесу, за левым флангом конная дружина князя Александра. Час решающей битвы наступил.

По подсчетам военных историков, вице-магистр Ливонского ордена привел на лед Чудского озера десять — двенадцать тысяч воинства, у Александра Невского было немного больше: пятнадцать — семнадцать тысяч ратников, но надо учитывать, что значительную часть его войска составляли пешие ополченцы новгородской волости, уступавшие рыцарям в вооружении и боевой выучке. Во всяком случае, ни о каком «подавляющем превосходстве»

русского войска не могло быть и речи (а ведь ливонские хронисты утверждали, что на одного немецкого рыцаря приходилось по шестьдесят воинов Александра Невского!). Исход сражения решили полководческое искусство молодого новгородского князя, мужество и стойкость простых русских «воев»³³⁰.

Знаменитая битва началась в субботу, 5 апреля 1242 г. на рассвете. Тогда, передает летописец, «мужи Александра исполнишася духа ратна, и бяху бо сердца имъ акы лвом; и ркоша: «о, княже наш честный и драгий, ныне приспе время положити главы свои за тебя». Князь же Александр, въздевъ руце на небо, и рече: «суди, Боже, и рассуди!..»³³¹ Предоставим еще раз слово историку: «Железный клин рыцарского войска медленно надвигался на русский строй: рыцари ехали шагом, тяжело и безмолвно. Поблескивали в лучах восходящего солнца острия копий и лезвия обнаженных мечей, шевелились над шлемами пестрые перья, кресты зловеще чернели на белых рыцарских плащах. Будто крепостная стена накатывалась по льду на русский строй. Лучники осыпали ее градом стрел и, выполняя приказ князя Александра, начали отступать, смыкая ряды. Немцы ринулись вперед, считая победу уже почти достигнутой, но... Но именно тогда и открылась перед ними вместо широкого поля для маневра — высокая заснеженная круча озерного берега и густой лес над ним. От неожиданности захватчики остановились, смешались, и это показало, что замысел Невского удался целиком. Немецкая «свинья» глубоко втянулась между русскими конными дружинами, рыцарский боевой строй был сломан»³³².

Лишь теперь взметнулся, наконец, над русскими полками стяг с золотым суздальским львом — это ударили по врагу с флангов главные силы Александра. Удар был одновременным: с одного — рванулись в бой новгородцы, псковичи, карелы и ижоряне с тысяцким и посадником во

главе, с другого фланга повел наступление суздальскую рать сам князь Невский. А уже в тыл немцам, совершив мгновенный обходной маневр, бросилась отборная княжеская дружина. Летописец фиксирует: «И бысть сеча тут злая и великая немцам и чуди, и бысть треск от копий ломления, и звук от мечей сечения, и не было видно льда, покрылся он весь кровью»³³³.

Поражение тевтонов оказалось сокрушительным. Первыми не выдержали и обратились в бегство пешие киевцы, затем — конные рыцари. Дружинники Александра Невского гнали их пять верст. Другая часть рыцарского войска была вытеснена на хрупкий лед Сиговицы. Тонули и всадники, закованные в железные доспехи, и лошади. Всего в том сражении, как сообщает летописец, погибло 500 рыцарей и 50 «нарочитых воевод» князь взял в плен и привел в Новгород³³⁴. Однако современный исследователь А.В. Шишов считает цифры, указанные в летописи, сильно заниженными и доказывает, что в действительности рыцарей погибло в 4 — 5 раз больше — не зря ведь этот бой вошел в историю именно как «побоище»³³⁵. Потери же русских, как ранее и в Невской битве, были значительно меньшими. И этот факт — факт победы относительно малой кровью — тоже ярко свидетельствует о глубоком воинском даре князя Александра³³⁶.

Военные историки и через века не перестают подчеркивать это высокое полководческое искусство, с которым была одержана победа в Ледовом сражении. Многие тактические приемы Александр Невский использовал впервые. Например, пишет В.В. Каргалов, «впервые в полной мере были использованы условия местности: высокий берег, к которому был прислонен русский пехотный строй, не позволил немцам развить первоначальный успех после прорыва пешего полка. Впервые было организовано преследование разбитого противника вне поля боя: раньше русские воеводы этого не делали. Тактиче-

ское окружение всего немецкого войска, которое завершило разгром врага, *было единственным таким случаем для всего Средневековья*. Этот сложнейший маневр требовал умелого руководства боем и решительности. Наконец, впервые тяжелая рыцарская конница была разбита в полевом сражении войском, в основном состоявшим из пехоты. Да и потери немцев оказались невероятными для рыцарских войн. Например, в весьма известной битве под Брюмеле (1119 г.) между англичанами и французами было убито... три рыцаря!»³³⁷

Победа на Чудском озере имела выдающееся значение и для Руси, и для многих исторически соединенных с ней народов. Исследователь указывает: «Она спасла их от жестокого иноземного ига. Именно этой победой в п е р в ы е был положен предел грабительскому «натиску на Восток», который немецкие правители осуществляли в течение нескольких столетий»³³⁸, равно как была остановлена и жесткая экспансия Римско-католической церкви, тоже не один век стремившейся к мировому господству. Отныне, писал Н.И. Костомаров, «мысль о покорении северных русских земель, о порабощении их наравне с Ливониею, которое подвергло бы их участи прибалтийских славян, — навсегда оставила немцев»³³⁹. Хотя с течением времени мелкие пограничные конфликты возобновлялись, но далее предела, положенного Александром Невским, орден пойти более не смог.

Кроме того, отмечает уже другой исследователь, блестящая «победа русских на льду Чудского озера вдохновила на борьбу столавшее под тяжелым игом немецких крестоносцев население земель, захваченных орденом. Во многих местах вспыхивали восстания. В Пруссии восставшее население, которое возглавил славянский князь в Поморье Свантополк, родственник галицко-волынского князя Даниила Романовича, вышло совершенно из-под власти немецко-католических захватчиков. Свантополк

блокировал своими силами устье Вислы, в то время как другие отряды пруссов стали громить немецкие гарнизоны и орденские замки. С большим трудом ордену удалось удержать в своих руках только Эльбинг, Балгу, Торунь, Кульм и Ред, остальные же крепости пруссы заняли, а укрепления уничтожили. На помощь пруссам пришел литовский князь Миндовг. Развивая совместную борьбу против немцев, Свантополк, поддержанный Миндовгом, сумел нанести ордену жестокое поражение в битве на берегу Резавского озера в 1243 году»³⁴⁰. От окончательного разгрома орден спасло только прибытие новых пополнений крестоносцев.

Нельзя не вспомнить также и о том, что после Ледового побоища 1242 г. против немецко-католического владычества с еще большей энергией восстали курши. Началось восстание эстов на острове Сааремаа. Ослаблением сил ордена воспользовались земгалы и литовцы, вновь поведя упорную борьбу против западных захватчиков. Таким образом, героическое сопротивление русского народа, возглавленное Александром Невским, имело исключительное значение и для народов Восточной Прибалтики, которые воспользовались военным разгромом сил ордена и возобновили борьбу с немецкими захватчиками.

Мирный договор 1243 г., подписанный между Новгородом и Ливонским (Тевтонским) орденом, зафиксировал официальное признание немцев: «Что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсков, Лотьголу мечом, того ся всего отступаем, а что есмы изоимали мужий ваших, а теми ся розменим: мы ваших пустим, а вы наших пустите»³⁴¹. Иными словами, орден открыто признавал свое поражение на Руси, оставлял завоеванные ранее территории и признавал прежнюю новгородскую юрисдикцию над этими территориями — т.е. Псковской, Водьской и Латьгалльской землями. Соглашался он также на размен пленных и заложников.

Независимость Новгородской Руси, таким образом, была отвоевана и от шведов, и от немцев. Победы Александра Невского «предотвратили потерю берегов Финского залива и полную экономическую блокаду Руси, не дали порвать ее торговый обмен с другими странами и тем самым облегчили дальнейшую борьбу русского народа за свержение монгольского ига»³⁴². Именно победный Договор 1243 г. лег в основу русско-немецких отношений на долгие века, вплоть до второй половины XVI столетия — до тех пор, когда в ходе Ливонской войны этот орден будет уже окончательно разгромлен и уничтожен войсками праправнука князя Александра Невского — русского царя Ивана Грозного.

Но, думается, главное значение и результаты битвы на Чудском озере все же заключались не только в этом. Главным итогом Ледового побоища 1242 г., как и блестящий разгром шведов на Неве двумя годами ранее, был, прежде всего, духовный подвиг Руси. Подвиг, коим православная Русь свидетельствовала всему миру и (что не менее важно!) доказала себе самой: даже в тяжелейший момент нашествия и полного разорения значительной части страны у ее народа есть способность к сопротивлению и борьбе за свою Веру и землю. Есть воля выстоять перед, казалось бы, неодолимым врагом. И значит, победить этот народ — невозможно.

Не случаен, подчеркивают историки, факт, когда известие о громких победах молодого русского князя над западными агрессорами пришло к Батыю в разгар европейского похода, грозный монгольский завоеватель счел необходимым сразу остановиться. Остановиться и повернуть свои кровавые тумены с берегов Адриатики — вспять, к Низовьям Волги. «Батый, очевидно, опасался иметь у себя в тылу столь выдающегося русского полководца»³⁴³. Многие скажет внимательному читателю и тот неприметный факт, что мирный договор 1243 г. между

Новгородом и Немецким орденом, как сообщает летопись, был подписан уже «без князя»³⁴⁴. Да, в сей торжественный момент молодого князя-победителя в Новгороде не было. И причина его отсутствия крылась в том, что в это время Александр Ярославич должен был находиться во Владимире-на-Клязьме, замещать отца. Ибо сам Великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович в ту пору уже был вызван на Волгу, в Сарай — главную ставку Батые. Затем Ярослава Всеволодовича пошлют в далекий Каракорум и злодейски там отравят. Да, теперь князю Александру Невскому предстояло выдержать уже совсем иное испытание...

Глава VI

ЗА ДРУГИ СВОЯ И ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ...

Как известно, татаро-монгольские войска во главе с Батыем по возвращении из похода в Европу обосновались на Нижней Волге, где образовали фактически отдельное государство — Золотую Орду, простиравшееся с запада на восток от Дуная до Алтая. Орда находилась только в номинальной зависимости от Великого хана в далеком монгольском Каракоруме, главной столице той огромной империи, которую создал Чингисхан, но которая теперь была уже на грани распада. Между Каракорумом и Золотой Ордой постоянно вспыхивало соперничество из-за власти над захваченными землями. Историк отмечает: «золотоордынские ханы в своей политике поставили как одну из важнейших задач — подчинить себе в качестве вассальных все русские земли. Однако противоречия между Каракорумом и столицей Орды — Сараем, возникшие из-за права обладания богатым «русским улусом», а также отсутствие должного уровня государственной организации не позволяли им рассчитывать на быстрое осуществление этих планов»³⁴⁵.

Правда, нельзя забывать, что Русь была политически раздроблена, и это обстоятельство очень помогало Сарая крепить свою власть над ней. Опираясь на военную силу, широко используя подкуп, обман, убийства, золотоордынские ханы тем самым «способствовали усилению

феодалных распрей на Руси: и в Сарае, и в Каракоруме русские князья стремились свести друг с другом старые счета»³⁴⁶, еще более усугубляя положение.

Официальное подчинение русских земель татаро-монголам началось с Владимиро-Суздальского княжества. В 1243 г. Батый созвал в Сарае съезд всех оставшихся в живых русских князей. И первым в ставку Батыя на Волгу приехал именно отец Александра Невского — Ярослав Всеволодович, ставший с 1239 г. Великим князем Владимирским. Одновременно Ярослав отправил старшего из своих сыновей — Константина — заложником в Монголию, в имперскую столицу Великого хана, на поклон, «показывая этим жестом свое подчинение и доверие к монголам. В 1245 г. Константин вернулся, получив полное признание Чингизидов»³⁴⁷.

Подчеркнем: это было сделано Ярославом как раз в тот момент, когда на всю Европу уже гремела слава блестящих воинских побед другого его сына. Склонить в это время голову в вассальной присяге перед степным кочевником? Да, иному современному человеку подобный шаг может показаться недопустимым унижением, проявлением «рабской психологии» (как не преминул бы выразиться «историк» Ю.Н. Афанасьев). Но внимательный читатель, конечно, поймет, что дело было вовсе не в «рабской покорности русского князя». Всю жизнь воюя с врагами родной земли, Ярослав Всеволодович, без сомнения, и тогда счел бы счастьем лучше погибнуть в открытом бою с Батыем, нежели покориться ему. Однако мы видели, что те немногочисленные «низовские полки», которые удалось собрать после разгрома татарами Владимиро-Суздальской Руси, были тотчас отправлены в Новгород, на подмогу князю Александру, шедшему биться с тевтонами. Других же воинских сил у Ярослава Всеволодовича просто не было, и собирать их тоже было уже негде. Для решительного отпора степным завоевателям требовалось

время, и отец Александра Невского это понимал. Точно так же, как понимал этот православный русский государь, что главное для Руси в сложившейся ситуации — не продолжение войны с татарами, а отступление, собиранье сил. Что необходимо дать покой, сберечь хотя бы остатки народа для будущего возрождения. И именно ради этого необходимо поступиться собственным «державным суверенитетом», нужно пожертвовать «за люди своя» — «земным тщеславием власти». И это был, наверное, последний, главный урок, преподанный князем Ярославом Всеволодовичем своему великому сыну...

...Батый, как мудрый восточный властелин, не мог не оценить поступок князя. Он не только утвердил Ярослава Великим князем Владимирским, но вдобавок передал под его руку управление и Южной Русью, то есть разоренной Киевщиной, куда Ярослав немедля отправил своего посадника — Дмитра Ейковича. Теперь, отмечает историк, Ярослав Всеволодович в качестве одного из самых крупных вассалов Батыя приобрел большой вес при золотоордынском дворе. Другие претенденты на Киев — например, черниговские князья Михаил Всеволодович и Андрей Мстиславич, были просто вызваны в Сарай и убиты татарами³⁴⁸.

Иначе сложилась судьба Даниила Романовича Галицкого. По возвращении из Польши он пытался организовать сопротивление татарским агрессорам, но не слишком успешно. Потеряв власть над Киевом, Даниил затем через одного из воевод Батыя — Мауци получил требование татар сдать Галич и был вызван в Орду. Надо сказать, князь долго, сколько было возможно, оттягивал этот «визит», но в 1245 г. все-таки принужден оказался явиться на зов золотоордынского хана. О содержании переговоров, состоявшихся во время той встречи, летописцы сообщают крайне скупо. Известно лишь, что Батый признал Даниила Галицкого своим «мирником» за «большую

дань». Князь подчинился хану, и «поручена бысть земля его ему, иже бяху с ним»³⁴⁹ — т.е. Волынское княжество. Хотя, отмечает историк, по всему видно, что Даниил Романович заявлял свои права явно на большее — на всю Русь. Не случайно князь назначил своего печатника Кирилла *общерусским* митрополитом, отправив его в 1246 г. на утверждение к византийскому патриарху в Никею. Однако, вернувшись на Русь, новоутвержденный митрополит Кирилл поехал не в Холм (на Волыни) к своему патрону, а *ко двору Александра Невского*³⁵⁰.

Причины данного шага? Причины были веские...

Начинать разговор об этом нужно с того исторического факта, что, подчеркивает исследователь, когда над русскими землями установилось татаро-монгольское иго, когда татарский хан объявил себя верховным правителем этих земель, и русские князья стали обязаны являться к нему за ярлыком на Великое княжение, для Святейшего римского престола «открывалась возможность, как считали в папской курии, через голову Руси непосредственно с помощью татарского хана осуществить старую цель папства — распространение католицизма на Руси»³⁵¹. Причем не исключалась и такая возможность, как обращение самих татар в католичество. В этом случае, пишет историк, «все бы решилось само собой: признание папского верховенства и насильственное обращение непокорной Руси по приказу папы и хана. Но и в том случае, если татары отвергли бы «соблазнительную» возможность стать слугами «наместника Христа на земле», папские дипломаты считали возможным договориться с татарами о признании за папой церковного главенства над русскими землями. Папские дипломаты надеялись убедить татар в том, что им самим будет выгодно, если над Русью утвердится власть папы»³⁵². Именно с такой целью и был отправлен весной 1245 г. из Ватикана сначала в Золотую Орду, а затем и далее, в Каракорум, специальный

папский посол Иоанн де Плано Карпини (и именно его впечатления о разгромленном войсками Батыя Киеве мы цитировали немного выше).

Но Рим не был бы Римом, используя лишь этот ход. Дело в том, что той же весной 1245 г. в папской курии был выработан еще один план, «в соответствии с которым было решено *одновременно вести переговоры в двух диаметрально противоположных направлениях: и с татарами, и с русскими*» (выделено нами. — Авт.). Только если татарам предлагался союз и помощь в их борьбе за окончательное покорение Руси, то русским предлагался несколько иной вариант. Русским князьям, и в частности самым крупным из них — Ярославу Всеволодовичу Владимиро-Суздальскому и Даниилу Романовичу Галицкому, — Плано Карпини должен был предложить союз и помощь в борьбе уже с самими татарами³⁵³. Помощь в обмен на отказ от Православия. Таков был замысел папских стратегов.

В путь Плано Карпини отправился 16 апреля 1245 г. через Чехию и Краков, где в декабре того же года встретился при дворе князя Конрада Мазовецкого с прибывшим туда родным братом Даниила Романовича Галицкого — Васильком. На большом съезде польской, венгерской и южнорусской знати, состоявшемся тогда в Кракове по случаю прибытия папского посла, Плано Карпини была предпринята первая попытка навязать галицко-волынским князьям церковную унию с Римом. Затем переговоры продолжились, когда посол двинулся дальше и провел несколько дней уже непосредственно на землях Южной Руси, в Галиче, при дворе князя Василька, с которым у Карпини, по собственному свидетельству, установились весьма дружеские отношения. Там он выступил перед местным духовенством, собранным по его просьбе, и зачитал послание папы Иннокентия IV. В послании содержался настоятельный призыв «вернуться к единству

святой матери-церкви»³⁵⁴. Однако, ввиду того что сам Даниил Романович Галицкий в тот момент отсутствовал (он находился в Орде, у Батыя), Карпини не смог получить тогда никакого определенного ответа.

Но желаемый ответ был все-таки получен католическим эмиссаром — уже почти год спустя, когда он вновь проезжал по Южной Руси, возвращаясь из Монголии. В тот момент, отмечает историк, положение Галицко-Волынского княжества еще более ухудшилось. Попытки Даниила Романовича организовать сопротивление татарам не принесли результатов. Юго-Западная Русь оказалась «зажатая в клещах вражеских сил — татарской Ордой с одной стороны, венгерско-польских католических агрессоров — с другой, что и заставило Даниила Галицкого сделать попытку воспользоваться предложением папской курии, переданным через Плано Карпини. В конце февраля 1246 г., «далеко за Киевом», Карпини встретился с Даниилом, возвращавшимся из ханской ставки. Там и состоялись переговоры³⁵⁵.

Исследователь свидетельствует: «Никаких подробностей об этих переговорах в источниках не сохранилось. Однако результаты их, сказавшиеся в непродолжительном времени, позволяют догадаться об их содержании...»³⁵⁶ Очевидно, после той тяжелой встречи Даниила с Батыем, о которой мы уже упоминали выше, Галицкому князю было важно упрочить мир хотя бы на своих западных границах, со стороны Польши и Венгрии. Кроме того, в случае согласия на церковную унию с Римом, Ватикан обещал помощь против татар. И, возможно, лишь на время, лишь по военно-политической целесообразности, Даниил решился принять ее. Увы, сознание глубинного предательства, заключавшегося в этом шаге, князя не остановило. Главными условиями своего согласия на подчинение Святейшему престолу Даниил Галицкий выдвинул лишь требования, во-первых, возвращение тех южнорус-

ских земель, которые были уже захвачены Польшей и Венгрией, а во-вторых, право сохранить обрядность греко-православной церкви...

Разумеется «отеческое благословение» Иннокентия IV не заставило себя ждать. В августе — сентябре 1247 г. курия официально оформила присоединение Галицкого князя к Римско-католической церкви. Буллой от 12 сентября 1247 г. «Etsi proponamus» Иннокентий IV провозгласил принятие «Галицких князей и их семейств, а также всякого их владения и имущества, как движимого, так и недвижимого», «под покровительство св. Петра и папы»³⁵⁷. Но примечательно, что уже в специальной булле «Cum a nobis» на имя Даниила и Василька от 27 августа 1247 г., папа, вроде бы идя навстречу «справедливым просьбам о возвращении владений, земель и другого имущества, перешедшего к ним по наследству... которое другие государи несправедливо удерживают», предоставил Галицким князьям всего лишь *свободу действий в возвращении этих земель*³⁵⁸. Всего лишь свободу. Более -- ничего. Однако и это тоже не насторожило Даниила...

Между тем уже тогда можно было понять, что, добившись подчинения Галицко-Волынской Руси, сделав ей даже некоторые уступки в религиозно-обрядовой сфере, а также без конца восхваляя «новообращенного короля Даниила», более ни на какие реальные действия в поддержку князя Галицкого Рим никогда не пойдет. Например, заседавший еще в начале 1245 г. в Лионе собор католической церкви, рассматривая «татарский вопрос», так и не принял никакого решения об организации помощи русским князьям в борьбе с нашествием. Очень показательно в этом смысле и письмо к венгерскому королю Беле IV, написанное самим Иннокентием IV в 1246 г. Письмо, в котором папа прямо осуждал венгерского монарха за намечавшуюся свадьбу между его дочерью Констанцией и сыном Даниила Галицкого Львом Данииловичем. «Браком с

восточными государями, — писал папа, — король оскверняет чистоту христианской веры...»³⁵⁹ Двумиличие? Двойной стандарт? Что же, значит, надо признать: подобные приемы в отношении Запада к России зарождались уже в те далекие времена.

Но если, подчеркнем, Даниил Романович Галицкий этого не понял или понял слишком поздно, то Александр Ярославич Невский знал это хорошо, на полях сражений не раз имевший возможность убедиться в подлинных намерениях западных «благодетелей», прикрывающихся знаменем креста. И, хотя положение у него складывалось отнюдь не более легким, действовал он совсем иначе.

Зимой 1245/46 г. старый князь Ярослав Всеволодович последний раз приехал в золотоордынскую столицу Сарай, вызванный туда под предлогом утверждения его на великокняжеском престоле. Однако, как уже отмечалось выше, он был прямым ставленником хана Батыя, и это вызвало большое недовольство в общеимперской столице Каракоруме: там хотели иметь своего собственного ставленника на Руси. Историки свидетельствуют: в Каракоруме, при дворе Великого хана Гуюка скрытно действовала придворная партия Великой ханши Огуль-Гамиш и ханши Туракин, которые, отражая взгляды определенной части монгольской знати, не доверяли золотоордынскому хану Батыю. И вот, в 1246 г., когда Ярослав Всеволодович находился в ставке Батыя, Великая ханша добилась, чтобы из Сарая русский князь был немедленно отправлен в Каракорум якобы уже на великоханское утверждение. Требование было жестким, и Ярослав действительно сразу двинулся в путь.

Как пишет историк, «чтобы представить себе хотя бы приблизительно то подавляющее впечатление, которое производили монголо-татары, Чингизиды, их преемники, их военная система и их империя на современников, особенно на политиков и монархов, обладающих знаниями,

надо иметь в виду, что Чингисхан начал свои войны всего лишь с 13 тыс. воинов. К концу же его жизни ему подчинялись 720 народов (наций и племен). При его внуках империя Чингизидов включала Китай, Корею, Внешнюю и Внутреннюю Монголию, Синьцзян, Среднюю Азию и Средний Восток (Афганистан, Иран), северную часть Индии, Переднюю Азию до Евфрата, всю нынешнюю центральную и южную часть Европейской России. И все эти «приобретения» были сделаны в течение каких-нибудь 70 лет...»³⁶⁰ Таким образом, дорога Ярославу предстояла, особенно по тем временам, неблизкая — через Сибирь и всю Среднюю Азию — 4500 км, если считать только по прямой, не учитывая трудности караванных переходов. Поэтому вполне понятно, что отбывающих в Каракорум близкие и друзья провожали почти без надежды увидеть снова. Действительно, большая часть княжеской свиты погибла в знойной пустыне. До Каракорума добрались лишь немногие. Самого же Ярослава Всеволодовича смерть ждала в столице монгольской империи. «На фоче других русских князей он произвел столь сильное впечатление на монголов, что в нем усмотрели сильного и «опасного» государственного деятеля»³⁶¹. Находящийся в тот же момент при дворе Великого хана Гуюка уже известный читателю посол Святейшего престола Иоанн де Плано Карпини сообщает: русский князь не встретил «никакого должного почета», ибо там уже было принято решение убить князя, «чтобы свободно и окончательно завладеть его землей»³⁶². Известие о готовящемся убийстве достигло Руси, в связи с чем жена князя Феодосия Игоревна и хан Батый отрядили в Каракорум своего гонца Угнея, но он опоздал. Отец Александра Невского был «зельем умориша» — т.е. отравлен и умер 20 сентября 1246 г. «Характерно, — отмечает историк, — что русские летописи, крайне неодобрительно отзывавшиеся о Ярославе как Киевском и даже как Владимирском князе и порицавшие

его беспощадность и жестокость, высоко оценивают восточную политику Ярослава, прямо подчеркивая, что в этом вопросе он «положил душу за други своя и за землю Руськую»³⁶³.

Лишь после этого трагического события и настал черед ехать в Орду Александру Невскому. Именно с того момента началась его, как считает Ю.Н. Афанасьев, «коллорабационистская деятельность»... Да, похоронив отца, Александр Ярославич вместе с младшим братом Андреем действительно поехал к Батыю на Волгу. Но вот касательно «коллорабационизма», то История, своими реальными фактами уточняет следующее.

Во-первых, отравив Ярослава Всеволодовича, ханша Туракина, по свидетельству Плано Карпини, сама «поспешно отправила послов» к Александру Невскому, «зовя его под тем предлогом, что хочет подарить ему землю отца его»³⁶⁴. Однако ехать в Каракорум Невский в тот момент отказался, предпочтя поддерживать отношения лишь с ханом Батыем. Тем более что «того же лета», сообщает русский летописец, сам Батый тоже направил к Александру Ярославичу «послы своя, глаголя: «мне покорил Бог многи языки, ты ли един не хощеши покоритися державе моей? Но, аще хощеши ныне соблюсти землю свою, то приди ко мне»³⁶⁵. Возможно, Александр понял, что это не просто приказ явиться «на поклон». Великий восточный завоеватель, разгромивший Русь, желал именно личной встречи с тем, кого он, вероятно, считал своим единственным реальным противником. И, следовательно, от того, как пройдет эта встреча, будет зависеть вся дальнейшая судьба его страны. Жизнь потребовала решительного выбора, и Александр этот выбор сделал.

Как отмечает историк, «здесь сказался его реализм. Если бы у него были силы, он пошел бы на хана, как шел на шведов. Но твердым и свободным взглядом он видел и

знал, что нет силы и нет возможности победить. И он смирился.

Для средневекового рыцаря это было бы концом славы. Трубадур не стал бы слагать песен в честь рыцаря, пошедшего на унижительный шаг. Но св. Александр не был рыцарем. Он был православным князем. И в этом унижении себя, склонении перед силой жизни — Божией волею — был большой подвиг, чем славная смерть. Народ особым чутьем, быть может, не сразу и не вдруг, понял св. Александра. Он прославил его еще задолго до канонизации, и трудно сказать, что больше привлекло к нему любовь народа: победы ли на Неве или эта поездка на унижение. Отныне на св. Александра ложится печать мученичества. И именно это мученичество, страдание за землю, почувствовал и оценил в нем народ, сквозь весь ропот и возмущение, которыми был богат путь св. Александра после его подчинения злой татарской неволе...»³⁶⁶

Но вместе с тем именно из-за этого сложнейшего исторического выбора Александр Невский всегда был трагически одинок. Как опять же подчеркивает цитированный выше исследователь Н.А. Клепинин, в источниках не содержится «ни одного указания на человека, близко стоявшего к нему и всецело понимавшего его поступки. Наоборот, все сведения говорят о непонимании и прямом противодействии. Против него восставали даже родные братья и сын (о чем еще будет идти речь ниже. — *Авт.*). Св. Александр пользовался любовью народа и дружины... Но эта любовь еще не означает понимания. Это была любовь интуитивная, высокая оценка его дела по плодам. Но в минуты решения он всегда был одиноким. И проводил свои решения против воли большинства... Единственным человеком, о котором достоверно известно, что он действительно в полной мере понимал и духов-

но поддерживал Александра в его непростом государственном служении, был митрополит Кирилл»³⁶⁷.

Да, читатель, тот самый Кирилл, «печатник» (канцлер) князя Даниила Романовича Галицкого, коего Даниил еще в 1246 г. сделал митрополитом Киевским и отправил на утверждение к византийскому патриарху в Никею. По дороге Кирилл остановился в Венгрии и, выполняя поручение короля Белы, вернулся назад, чтобы передать князю предложение короля выдать дочь замуж за Льва — сына Даниила Галицкого. Предложение было принято, так что Кирилл смог вновь отправиться в путь, лишь после совершения обряда венчания³⁶⁸. Однако, как уже отмечалось в начале главы, получив утверждение от патриарха Мануила II, Кирилл в Холм, на Волынь, к Даниилу Галицкому более не вернулся, главной причиной чему стал, видимо, внешнеполитический курс князя Даниила на союз с папской курией, курс, с которым митрополит был не согласен. Проведя «от трех до пяти лет в Никее (Константинополь был все еще занят римлянами), — признает западный историк Дж. Феннел, — Кирилл в конце концов вернулся не на юго-запад, а на север Руси, где и оставался в течение последних тридцати лет своей жизни. Твердым сторонником Александра во всех его начинаниях». А уже после кончины Александра стал и автором «Жития» князя-воина, прославляя его как выдающегося деятеля православной веры и великого борца против католической агрессии³⁶⁹.

Это глубокое духовное понимание и поддержку со стороны митрополита Александр ощущал всегда и во всем, и особенно, конечно, перед той самой первой, самой ответственной и решающей встречей с ханом Батыем.... Неслучайно, например, пишет историк, «всех ехавших в Орду особенно смущало требование татар (исполнить языческие обряды) — поклониться идолам и пройти через огонь. Эта тревога была и у св. Александра, и с ней

он пошел к митрополиту Киевскому Кириллу, жившему в то время во Владимире. «Святой же Александр, слышав сие от посланных, печален быша, вельми боля душою и недоумевашеся, что о сем сотворити. И шед святой поведа епископу мысль свою». По свидетельству древней летописи, митрополит Кирилл ответил князю: «Брашно и питие да не внидут в уста твои, и не остави Бога сотворившего тя, яко инии сотвориша, но постражи за Христа, яко добрый воин Христов. Господь да укрепит тебя!»³⁷⁰ Так оно и случилось.

«Как и других князей, св. Александра по приезде в Орду привели к двум кострам, между которыми он должен был пройти, чтобы подвергнуться очищению и затем поклониться идолам. Св. Александр отказался исполнить обряд, сказав: «Не подобает мни, христианину сущу, кланяться твари, кроме Бога; но поклонитесь Святой Троице, Отцу, Сыну и Святому Духу, иже сотвори небо и землю, и море, и вся, яже в них суть».

Татарские чиновники послали сказать Батыю о неповиновении князя. Ожидая решения хана, св. Александр стоял у костров, как год перед этим св. Михаил Черниговский... И, наконец, посол Батыя привез приказ привести к нему св. Александра, не заставляя проходить между огней. Ханские чиновники привели его к шатру и обыскали, ища спрятанного в одежде оружия. Секретарь хана провозгласил его имя и велел войти, не наступая на порог, через восточные двери шатра, потому что через западные входил лишь сам хан.

Войдя в шатер, св. Александр подошел к Батыю, который сидел на столе из слоновой кости, украшенном золотыми листьями, поклонился ему по татарскому обычаю, т.е. четырехкратно пал на колени, простираясь затем по земле, и сказал: «Царь, тебе поклоняюся, понеже Бог почтил тебя царством, а твари не поклоняюся; ты бо человека ради сотворена бысть, но поклоняюся единому Богу, Ему

же служу и чту Его». Батый выслушал эти слова и помиловал св. Александра. Трудно установить причину этой милости. Жизнь отдельного человека мало значила для татарских ханов. В их стихийном движении, разрушившем многие царства и сровнявшем с землею города, смерть была обычным, естественным явлением, законом, никого не удивлявшим, никого не занимавшим. Азиатской жестокостью веет от слов Чингисхана, записанных арабом Рашид-уд-Эддином: «Наслаждение и блаженство человека состоит в том, чтобы подавить восставшего, победить врага, вырвать его из корня, заставить вопить служителей их, заставить течь слезы по лицу их...» В жестокости этих слов сквозит уже нечто бесстрастное, глубоко равнодушное перед страданием и смертью отдельного человека. Но наряду с жестокостью в татарских ханах уживалось уважение к храбрости противника. Иногда следствием этого являлось и помилование врага, приходившее частью как прихоть, под влиянием непосредственного ощущения. Так, Батый, казнивший св. Михаила Черниговского, неожиданно помиловал киевского посадника Дмитрия, захваченного в плен раненым после разрушения Киева, «мужества его ради». Так же он помиловал и св. Александра — быть может, за его храбрость, быть может, под влиянием его внешнего облика и внутренней силы. «Рукописное сказание» повествует, что, отпуская от себя св. Александра, он произнес: «Истину мне скажете, яко несть подобна сему князю»³⁷¹.

Тем не менее ярлык на Великое княжение Владимирское хан Батый отдал тогда вовсе не Александру Невскому. В строгом соответствии с русской традицией старшинства, Батый назначил Великим князем брата умершего Ярослава Всеволодовича (а следовательно, родного дядю Александра Ярославича) — Святослава Всеволодовича. Этот новый Великий князь был уже довольно пожилым человеком. Став главой государства, он не внес ника-

ких перемен в распределении княжеских столов: к примеру, за Александром Ярославичем по-прежнему остался Новгород. Но Каракорум не признал этого назначения, сделанного Батыем. И осенью 1247 г. князья Александр и Андрей Ярославичи, повинувшись еще одному вызову из столицы империи, все-таки должны были отправиться из Сарая в Каракорум — по тому самому пути, которым совсем недавно последний раз ехал их отец...

...За четыре месяца, которые братья провели в дороге, в татаро-монгольском правительстве произошли значительные перемены. Скончался Великий хан Гуюк. Императорским престолом всецело завладела умная и властная женщина — Великая ханша Огуль-Гамиш (1248 — 1251), настроенная резко враждебно по отношению к золотоордынскому хану Батыю³⁷². Ей и представили русских братьев-князей через неделю по их прибытии в Каракорум зимой 1247/48 г.

Будучи осведомленной о связях Александра с Батыем, Огуль-Гамиш сочла опасным оставлять в одних руках Киевское и Владимиро-Суздальское княжества. Она разделила их, отдав главный Владимирский «стол» Андрею, не имевшему никакого авторитета и воинских заслуг, а Александру «приказала» Новгород, разоренный Киев, Чернигов и «всю Русскую землю»³⁷³. Иными словами, Александр Невский, хотя и получил тогда ярлык на управление древним и формально более значимым по старшинству Киевом, но фактически, как князь Новгородский, попал в прямую зависимость от своего брата, утвержденного Великим князем Владимирским, ибо Новгород полностью зависел от Владимиро-Суздальской земли. «Безусловно, — пишет историк, — это коварное решение ханши было продиктовано стремлением поссорить братьев и восстановить против них обоих Батыя». И хотя Батый уже вскоре сам сверг Огуль-Гамиш, но ее решение все-таки успело сыграть свою роковую роль —

роль «мины замедленного действия»³⁷⁴: вернувшись на Русь, князя Александр³⁷⁵ и Андрей пошли противоположными путями³⁷⁶.

Получив от ханши ярлык на Великое княжение Владимирское, Андрей прежде всего выгнал из Владимира родного дядю Святослава³⁷⁷, даже не устыдившись его старости (Святослав, брат Ярослава Переяславского, наследовал Владимирский престол по праву старшего в роду). А затем с геройской дерзостью, но политически недальновидно решил продолжить сопротивление власти татаро-монгольских завоевателей³⁷⁸. Он заключил антиордынский союз с Даниилом Романовичем Галицким, женившись на его дочери³⁷⁹, а также с другим своим братом — тверским князем Ярославом. Участники новообразованной коалиции начали готовить совместное выступление против татар. Кроме того, Андрей прямо объявил, что заключает «союз со шведами, ливонцами и поляками, с целью избавиться от монголов»³⁸⁰.

Но Батый, а точнее, его сын Сартак, уже управлявший делами в Орде по причине дряхлости отца, немедленно предупредил эту попытку мятежных князей. В 1252 г. Сарай направил одно карательное войско под предводительством татарского воеводы Неврюя во Владимир, другое же под предводительством Куремсы послал на Галицко-Волынское княжество, подвергнув их новому жестокому разгрому. Летописец констатировал: «И бысть сеча великая, гневом же Божиим, за умножение грехов наших, погаными христиане побеждены быша»³⁸¹. Полностью разбитый у Переяславля, потерявший власть, Андрей вместе с женой бежал сначала в Новгород (однако новгородцы его не пустили), потом в Тверь, а затем через Псков и Ревель (Таллин) — за границу, в Швецию. Бежал в то самое время, когда, подчеркивает историк, «Неврюева рать» всей тяжестью обрушилась на простой народ, ибо татарское войско, шедшее против Андрея и Яросла-

ва, «рассунушася по земле ... и людей безчисла (в плен) поведоша, да конь и скота, и много зла створше отъидоша»³⁸². Так дорого пришлось платить русским людям за «рыцарскую честь» князя Андрея Ярославича Владимирского, которому, по словам Н.И. Костомарова, «тяжело было сделаться рабом»³⁸³ татар.

Кстати, повествуя об этих событиях, летописец передает гневный возглас Андрея: «Господи! Доколе нам между собой ссориться и наводить друг на друга татар; лучше мне бежать в чужую землю, чем дружиться с татарами и служить им!..»³⁸⁴ Возглас, по которому также можно понять: факт, что в результате его неудачной попытки восстания против татар оказалась вновь опустошенной Русь, для самого князя Андрея никакого особого значения не имеет... Правда, судьба все-таки заставит смириться гордого князя. В 1257 г., вернувшись из-за границы, он покаянно признает свою вину, и Александр Невский простит брата, приняв его «под свою руку» и отдав Андрею в удел город Суздаль³⁸⁵. Да, князь Александр действовал иначе...

Хотя некоторые историки склонны упрекать Александра в том, что он якобы принимал участие в подавлении антиордынского выступления князей Андрея и Ярослава, но, ПРЯМЫХ сообщений об этом источники не содержат³⁸⁶. В летописях имеется лишь косвенное указание на то, что в момент рассматриваемых событий Александр отправился в Орду, был в ставке Батыя, близко сошелся с его сыном Сартаком, а затем и побратался с ним, вследствие чего стал приемным сыном хана³⁸⁷. Однако дружба с Сартаком, который к тому же симпатизировал христианству³⁸⁸, свидетельствует скорее не о «предательстве» Александра Ярославича, а о его стремлении переломить отношение татар к Руси и, может быть, даже найти в кругах высшей татарской знати союзников для нее. Кроме того, нельзя упускать из виду, что и чисто по-человечески

это был очень непростой выбор для самого князя — ведь еще совсем недавно татарами был отравлен его отец. Но Александр счел необходимым перешагнуть и через эту личную боль. Ибо союзники в Орде, опора на них, были как воздух нужны ему отнюдь не для защиты своего «рыцарского достоинства», а для защиты своей земли, своего Отечества.

В 1252 г., после бегства Андрея, Батый отдал Александру Невскому Великое княжение Владимирское, сделав его, таким образом, теперь уже действительно главой Руси. И первым же крупным внешнеполитическим шагом, который предпринял Александр в качестве Великого князя, явилась его новая война со шведскими крестоносцами. Обстоятельства складывались так, что медлить было ему опять нельзя.

Пользуясь общим ослаблением Руси после азиатского нашествия, а также отъездом из Новгорода самого Александра Невского, вследствие чего новгородцы уже не могли, как это было раньше, оказывать поддержку финским племенам в их борьбе с агрессией Швеции, шведы решили предпринять новое наступление на Финляндию. Главной стратегической задачей похода являлось превращение финских земель в надежный плацдарм для дальнейшего наступления на Северо-Западную Русь. И неслучайно, подчеркивает исследователь, реализации этого плана предшествовало весьма продолжительное пребывание в Швеции известного читателю «папского легата в Прибалтийских странах Вильгельма Моденского (к тому моменту получившего сан кардинала Сабинского), игравшего в предшествующее время (как уже было отмечено выше) в е д у щ у ю роль в подготовке крестоносной агрессии против Руси в 1240—1242 гг.»³⁸⁹. Кардинал приехал в октябре 1247 г. и за десять месяцев своего пребывания в Швеции неоднократно встречался не только с королем Эриком Картавым, ярлом Биргером, но и успел

провести Церковный собор, посвященный организации Второго крестового похода шведов в финские земли.

К середине 1249 г. эти военные приготовления в Швеции были закончены; осенью того же года большое шведское войско под предводительством знакомого Александру ярла Биргера высадилось на побережье Финляндии и стало успешно продвигаться в глубь страны, к центральным финским озерам, захватило область Хяме³⁹⁰. Начался завершающий период колонизации и окатоличивания финских племен. Так как плохо вооруженные, не имевшие строгой военной организации финны оказались не в состоянии долго сопротивляться сплоченному натиску закованных в железо шведских рыцарей. А одновременно с подавлением сопротивления финнов происходило, конечно, и массовое принудительное крещение их по католическому обряду: побежденным тавастам³⁹¹ шведы-католики предоставляли только один выбор — или крещение, или смерть³⁹².

Историк подчеркивает: крупный успех шведских войск стал не только трагической вехой в истории Финляндии, но был также и тяжелым ударом по государственным интересам Руси, и особенно самого Новгорода Великого, как отмечалось выше, издавна поддерживавшего с финскими племенами тесные взаимовыгодные связи. «Это значение похода Биргера прямо имел в виду автор Хроники Эрика, который включает рассказ о походе Биргера словами: «Ту страну, которая была вся крещена, русский князь, как я думаю, потерял». Иными словами, сами шведы считали, что в результате завоевания Тавастланда они захватили в свои руки страну, которая до этого принадлежала Новгороду»³⁹³. Теперь, к 1252 году, шведы подступили уже к Карельскому перешейку, к непосредственным границам Руси, и вернувшийся из Монголии Александр Невский это знал...

Фактическими инициаторами нового похода на Севе-

ро-Западную Русь стали два крупных немецких феодала из датской Эстонии: Дитрих фон Кивель и Отто фон Люнебург, отправившие в 1254 г. послание папе римскому Александру IV, в коем говорилось, что «язычники», живущие поблизости от их владений, желают принять католичество³⁹⁴ (речь шла о населении Водской и Ижорской земель). Понятно, что это «желание креститься» было лишь вымыслом, лишь формальным предлогом для захвата земель води, ижоры и карел, утрата которых отрезала бы Новгород от важнейших торговых путей в Западную Европу по Балтийскому морю. Разумеется, Александр IV тотчас поддержал начинание «верных сынов церкви» и даже поспешил назначить гамбургского каноника Фридриха Газельдорфа «епископом Карельским»³⁹⁵. 11 марта 1256 г. специальной папской буллой было предписано развернуть по всей Северной и Средней Европе — в Швеции, Норвегии, Дании, на Готландии, в Пруссии, Восточной Германии и Польше — проповедь с призывом к новому Крестовому походу во имя «торжества веры Христовой»³⁹⁶.

Но собрать общеевропейское крестоносное войско на сей раз не удалось: на призыв святейшего отца откликнулась только Швеция. По вполне понятным причинам не присоединился к походу даже Ливонский орден — разгром на льду Чудского озера псы-рыцари запомнили очень хорошо. И все же опасность новгородскому пограничью грозила серьезная. В 1256 г. шведское войско высадилось в районе реки Наровы (Нарвы), к которой примыкали владения Дитриха фон Кивеля. Захватчики принялись срочно строить крепость на восточном, русском берегу реки, опираясь на которую они рассчитывали покорить земли води, ижоры и карел, а также поставить под постоянную угрозу нападения главную жизненную артерию новгородской торговли — путь по Неве и Финскому заливу³⁹⁷.

Война началась и, подчеркивает историк, момент для своей агрессии шведы выбрали как нельзя удобный: как раз накануне, в 1255 г., произошел острый конфликт между новгородским боярством и Александром Невским. Дело было в том, что, если после неудачной попытки антиордынского мятежа в 1252 г. один брат Александра — Андрей — бежал за границу, то другой брат, Ярослав Ярославич Тверской, тоже участвовавший в мятеже, не ушел «за море», а бежал в Ладогу и продолжил борьбу — уже с самим Александром. В частности, свидетельствуют исследователи, Ярослав Ярославич «без особых усилий восстановил против Александра Невского ту самую знатную верхушку боярства Новгорода и Пскова, которая и раньше с трудом ладила с требовательным и властным князем»³⁹⁸. В 1255 г., сообщает летописец, новгородцы «указали путь», то есть выгнали Василия Александровича³⁹⁹, юного сына Александра Невского, которого отец, уезжая во Владимир, оставил князем-посадником в Новгороде Великом. На место Василия строптивые новгородские бояре сразу пригласили княжить самого Ярослава Ярославича.

Очень возможно, полагает английский историк Дж. Феннел, главной потаенной причиной этого изгнания Василия было не что иное, как существование в Новгороде оппозиции антизападной политике, проводимой князем Александром уже с самых первых лет правления⁴⁰⁰ и которая была явно невыгодна некоторым боярам-олигархам. А потому вполне резонно, что, получив тревожные вести об изгнании сына, Невский решил двинуться на изменников с оружием в руках. Он занял новгородский пригород Торжок, а затем пошел и на сам Новгород. Между тем в самом городе вспыхнуло восстание. «Меньшие люди» (чернь) и рядовые горожане поднялись против засилья бояр и богатого купечества. В этой сложнейшей обстановке, не желая проливать кровь ближних, Алек-

сандр Невский вступил с новгородцами в переговоры. В результате заключенного тогда соглашения негодный князь новгородский посадник Онания был смещен, его заменил Михалко Степанович⁴⁰¹, а на княжеский «стол» Новгорода возвратился Василий Александрович. Но главное, подчеркивает историк, что тогда же князь Александр добился от новгородцев и признания государственного суверенитета владимирского князя. Отныне тот, кто садился на Владимирский великокняжеский престол и утверждался на нем ханом Золотой Орды, становился одновременно и князем Новгорода⁴⁰². Фактически это был прямой шаг к упрочнению власти владими́ро-суздальских князей во всей Северной Руси, а значит, к возрождению древнего русского единогодержавия. Да, дело «собрания русских земель», которое так настойчиво продолжил впоследствии Иван Калита и другие московские государи XIV — XV вв., в муках и борении зачиналось уже тогда, при Великом князе Александре...

Но вернемся в XIII век. Собственно, только уладив тяжелый феодальный спор с братом Ярославом и новгородским боярством, Александр Невский и смог сосредоточить силы на решении вопроса об отпоре агрессии со стороны Швеции. Вместе с «низовскими» владими́ро-суздальскими полками он немедленно рванулся к Новгороду, ибо, пишет исследователь, «постройка войском шведов крепости на русском берегу Наровы сама по себе уже была агрессивным актом против Новгорода»⁴⁰³.

Узнав об этом, захватчики не стали вновь, как в 1240—1241 гг., испытывать судьбу. Только лишь проведя о приближении знаменитого русского князя-воителя, отмечает летописец, шведы «окаянные, побегоша за море»⁴⁰⁴, бросив недостроенную крепость. Сыграло здесь, видимо, свою роль, по мнению исследователя, и приближение зимы: «рисковать после Невской битвы шведы не хотели. Вместе с ними бежал и Дитрих фон Кивель — ос-

таваться в своих владениях, примыкавших к новгородским землям, он побоялся. Когда Великий кнѣзь Александр Невский с «низовскими полками» прибыл в Новгород, захватчиков на русской земле уже не было. Казалось бы, дальнейший поход не нужен. Но князь думал иначе. В глубокой тайне он готовил поход в Центральную Финляндию, недавно захваченную шведами...»⁴⁰⁵.

Да, хотя столь широко задуманная крестоносная агрессия шведов против Руси провалилась и не имела никаких практических результатов, Александр Невский все же не стал распускать войска, намереваясь, очевидно, сразу нанести шведам ответный контрудар, чтобы еще более надежно пресечь их захватнические планы по отношению к Руси. Вместе с приведенными из Владимира «низовскими полками», а также с новгородским ополчением он двинулся к Копорью и лишь там объявил о цели похода. Часть новгородцев вернулась назад⁴⁰⁶, а остальные же войска вместе с князем пошли по уже замерзшему Финскому заливу к землям племени емь. Как подчеркивают историки, «Александр Невский выбрал самое удобное в стратегическом и политическом отношении направление похода: не на давние шведские владения в юго-западной Финляндии, где шведы успели прочно закрепиться, а именно на земли еми, завоеванные семь лет назад, — там можно было надеяться на поддержку местного населения. И расчет полностью оправдался. Народ емь поддержал русское войско, а карелы даже совместно выступили в поход»⁴⁰⁷. Папа римский позднее сетовал в своей булле 1257 г., что русское войско в Финляндии «многих, возрожденных благодатью священного источника, прискорбным образом привлекло на свою сторону, восстановило, к несчастью, в языческих обычаях»⁴⁰⁸. Но, несмотря на поддержку местного населения, поход все же проходил в очень трудных условиях. Сильные морозы, метели и

снежные заносы, отсутствие дорог, короткий приполярный день, дремучие леса мешали движению. Летописец повествовал: «И бысть зол путь, якоже не видаша ни дни, ни ночи, но всегда тьма, и многим шестьником бысть пагуба»⁴⁰⁹. Невзирая на это, русское войско, разрушая на пути крепости и опорные пункты шведов, ПРОШЛО ЧЕРЕЗ ВСЮ ФИНЛЯндию «и воеваша Поморие все». Сам по себе этот поход был подвигом...»⁴¹⁰

Известный советский археолог Б.А. Рыбаков по скудным сведениям источников сумел восстановить маршрут Полярного похода Александра Невского 1256 г. по финским лесам и замерзшим озерам к побережью Ботнического залива в районе Улеборга. Возможно, русские передвигались на лыжах⁴¹¹. Ученый считал, что, пройдя через земли еми, русские ратники перешли во время этого похода Полярный круг и достигли Баренцева моря. Домой же, в Новгород, войска Невского возвратились только в конце зимы.

Современный историк подчеркивает: значение Полярного похода русских войск 1256 г. было огромно. Он веско свидетельствовал, что «от **оборонительной тактики** в войнах со шведскими крестоносцами Александр Невский перешел к **активной, наступательной** (выделено нами. — Авт.), нанеся неожиданный удар по землям, которые шведы уже считали своими. Шведское правительство отказалось от своих планов завоевания Карелии. Призыв римского папы подняться на Крестовый поход против карел не был реализован. Шведские нападения на русские рубежи прекратились более чем на четверть века»⁴¹².

Таков был суровый ответ князя Александра Ярославича шведским крестоносцам на их новую попытку агрессии против Руси. Но, думается, не только им одним. Думается, что, упорно продвигаясь вместе со своей верной дружиной сквозь жестокие бураны, разрушая шведские

крепости, выстроенные на костях финских «язычников», Александр Невский не раз вспоминал коварно-благостные строки из послания Иннокентия IV. Еще 23 января 1248 г. папа, обращаясь к нему, Русскому князю, писал, что «убеждает, просит и настаивает на том, чтобы Александр... признал Римскую церковь матерью и выразил бы повиновение (ему) римскому первосвященнику и апостольскому престолу». Далее перечислялись «выгоды», которые он, Александр, мог бы извлечь из данного шага. Святейший отец, во-первых, сулил ему «блаженство в вечной жизни». Что касается жизни земной, то папа обещал «среди других католических государей оказать ему особое почтение и всегда проявлять особое старание об умножении его славы»⁴¹³. Наконец, в заключительной части послания Иннокентий IV прямо обещал Александру помощь против татар, оказать которую русским должны будут... *тевтонские рыцари*, называемые папой «надежным щитом» для Руси. Во исполнение этого обещания, Александру предлагалось, в случае появления татар, лишь как можно скорее известить Орден об опасности вражеского нападения, «чтобы с Божьей помощью ее отразить»⁴¹⁴. Историк свидетельствует: ответ Александра Невского на сие полное заведомой лжи послание не сохранился или вовсе не был написан. Точно так же, как осталось без положительного ответа и другое послание Иннокентия IV Александру — уже от 15 сентября 1248 г.⁴¹⁵. Очевидно, великий русский князь все-таки слишком хорошо понимал, что кроется за всеми этими «пастырскими обещаниями» и как реально могут «помочь» Руси и тевтоны, и шведские рыцари-крестоносцы. Он знал, что Святейший престол хочет лишь одного — стравить его в войне с Золотой Ордой, чтобы облегчить крестоносцам их кровавое дело⁴¹⁶. А потому — предпочел ответить им всем одним сильным ударом, свидетельствующим о том,

что православная Русь жива, способна защищаться и никакая лживая «помощь» Запада ей не нужна...

Этот жесткий, принципиальный ответ Невского был тем более важен еще и потому, что в 1252 г., когда на императорский престол в Каракоруме взошел новый Великий хан Менгке, римская курия поспешила предпринять очередной тщательно продуманный маневр. Папа Иннокентий IV и его преданный союзник французский король Людовик IX отправили в Золотую Орду, а затем и далее в Монголию новое специальное посольство во главе с Вильгельмом де Рубруквис. «Они предлагали Батыю и Менгке военный союз против турок-сельджуков и Никейской империи, которая усилила борьбу за освобождение Константинополя от крестоносцев, предлагали принять католичество и оставить Рубруквиса в качестве постоянного дипломатического агента курии в Сарае. Иными словами, это было предложение о военном союзе татаро-монгольских ханов с правителями западноевропейских стран, союзе, который таил в себе глубокую угрозу Руси. Однако, — подчеркивает историк, — и на этот раз происки западных правителей были разгаданы русской дипломатией, которая в лице Александра Невского сумела оказать должное воздействие на «кибитных политиков». По свидетельству Плано Карпини, русские дипломаты играли немалую роль в Сарае, так как, например, иноземные документы, поступавшие сюда, переводились прежде всего на русский язык. Королевский посол Рубруквис не достиг ни одной из поставленных перед ним целей. *Татаро-монголы сочли нецелесообразным посягать на сложившуюся в русском обществе идеологию и затрагивать экономические и политические позиции Русской церкви* (выделено нами. — Авт.); они сохранили прежний порядок в русско-византийских церковно-политических отношениях и поставили их лишь под свой

контроль посредством организации в 1261 г. в Сарае специальной русской епископии»⁴¹⁷.

Более того, вся Русская православная церковь была полностью освобождена ордынскими ханами от всех повинностей и платежей. Т.е. освобождалось и все «черное» монастырское духовенство, и «белое» приходское. Каждый новоутвержденный русский митрополит получал теперь специальный ярлык — ханскую грамоту, в котором и декларировалось это освобождение «от даней». Имущество и земли Церкви объявлялись неприкосновенными. А за оскорбление Веры устанавливалась смертная казнь. Например, как гласил один из ханских ярлыков, *«А что закон их (русских), и в законе их церкви, и монастыри, и часовни их, ни чем да не вредят их, не хулят, а кто учнет веру хулити или осуждати, и тот человек не извинится ни чим же и умрет злою смертию»*⁴¹⁸. Так реально действовало то, что историк Н.И. Костомаров определял как «философскую терпимость (татаро-монгол) к вере и приемам жизни побежденных народов». «Поклоняясь единому Богу, с примесью грубейших суеверий, естественно свойственных (их тогдашнему) варварскому состоянию умственного развития, они не только дозволяли свободное богослужение иноверцам, но и отзывались с известным уважением о всех верах вообще...»⁴¹⁹ Что ж, если вспомнить, с каким «уважением» относилась В ЭТО ЖЕ САМОЕ ВРЕМЯ к побежденным народам западная «гуманная» и «просвещенная» Римско-католическая церковь, то неминуемо придется признать, что «восточным варварам-кочевникам» до подобной «гуманности» действительно было очень далеко.

Таким образом, исторические факты ясно показывают: да, Александр Невский решительно отказался от союза с папством. И был этот шаг вовсе не «трагической ошибкой», как по сей день пытаются доказывать боль-

шинство католических исследователей⁴²⁰, а вслед за ними и российские либеральные авторы. Отказаться от подобного союза и упорно воевать с европейскими крестоносцами русского князя толкало не просто «полное отвращение к Западу», из-за чего он якобы, по мнению историка-иезуита А.М. Амmani, «предпочел лучше в рабах татарских быть русским, чем в неверной свободе (?!) быть связанным с западным жизненным пространством». Эти слова являются прямой фальсификацией. Точно так же, как является прямой фальсификацией исторических фактов и утверждение католических авторов о том, что князь Александр, как и все русские, не понял благодетельного значения «западного культурного влияния», которое так успешно распространялось в Прибалтике⁴²¹. Нет. Именно страшный зримый пример многолетней истребительной войны и духовного порабощения балтийских народностей, которые осуществляло западное рыцарство по благословению Римской церкви, как раз и помог Александру Невскому глубоко понять истинные цели этих «благодетелей». Понять, что Святейший римский престол, стремясь к вселенскому владычеству, никогда, никому не нес мира. Понять и найти силы ответить на этот хищный вызов...

Автор «Жития Александра Невского» и многие другие летописи зафиксировали под 1252 годом: к князю Александру прибыли два посланца папы, два кардинала, названные «Галд и Гемонт», и хотя, отмечает историк, «в списках католической иерархии таких имен ни кардинальских, ни епископских нет, тем не менее рассказ об этом посольстве заслуживает доверия»⁴²². Александр прославился как «князь честный и дивный», а земля его «велика есть», сказали вначале послы папы. А затем предложили ознакомиться с учением католической церкви, явно надеясь убедить князя в истинности этого учения. Но тщетно. Со вниманием выслушав их долгую речь, Великий рус-

ский князь, передает древний рассказчик, отвечал «латинянам» по всем канонам богословского спора, как на поле боя, с беспощадной четкостью цитируя Библию и в строжайшем хронологическом порядке перечисляя все важнейшие события мировой истории «от Адама и до... Седьмого собора»⁴²³. «Все сие добре ведаем, — сказал в заключение Александр Ярославич, — от вас учения не принимаем»⁴²⁴. Да, он действительно мог и имел право так ответить врагам Руси. И «тот, кто полагает, — писал историк В.В. Похлебкин, — что Александр ответил просто грубо, как солдат, а не дипломат, тот, конечно, мыслит механически и не знает истории Руси. Резкий презрительный ответ на папское обращение, источавшее миролюбие, — это не следствие неумения вести переговоры, а мастерский дипломатический ход, продуманный стратегический маневр, осуществленный при помощи точно рассчитанной тактики: за военным разгромом — звонкая дипломатическая пощечина. Она означает: нас не проведешь ни на поле боя, ни за столом переговоров. Мы вас видим насквозь: вам не терпится воспользоваться временно сложившейся слабостью Руси и купить ее дешевыми подачками и обещаниями. Нет, нам они не нужны. Мы своими силами решим свои трудности. И нечего надеяться, что мы станем «мягче», т.е. утеряем бдительность. Отстаньте от нас. Держитесь лучше дальше от границ Руси. Мы не уступим ни нашу землю, ни наши убеждения»⁴²⁵.

Иными словами, эта твердая принципиальная позиция Александра Невского по отношению к Западу была именно защитой, а не стремлением к изоляционизму, в чем теперь тоже принято обвинять русских государей. Нет, воюя с западными державами, как воевали с ними и его великие потомки — Иван Грозный⁴²⁶ и Петр Первый, — Александр Ярославич вместе с тем точно так же, как и они, хорошо сознавал настоятельную необходимость для Руси развивать паритетное, взаимовыгодное торго-

экономическое и политическое сотрудничество с Западом. Но именно паритетное, не ущемляющее интересы Русской земли. Такое, например, какое стремился он выстраивать с Норвегией. Если вспомнить об этом историческом факте, то все злобные попытки обвинить Александра в политически неразумном и недальновидном желании полностью отгородить Русь от Запада распадаются сами собой. А ведь такой факт действительно существует, и предыстория его следующая.

Ввиду того, что между Новгородской Русью и Норвегией уже начиная с 20 — 30-х годов XIII века постоянно случались конфликты на Кольском полуострове, из-за сбора дани с жителей окраинных финских земель — племен саамов и карел, а также несмотря на активное участие норвежских рыцарей в битве на Неве 15 июля 1240 года в составе общескандинавского норвежско-шведско-финского крестоносного войска под руководством епископа Хенриха против новгородского войска, князь Александр Ярославич после своей блистательной победы уже в начале 1250-х годов предпринял попытку урегулировать отношения с Норвегией и в подтверждение этого шага заключить династический брак с правящей норвежской династией Фолькунгов⁴²⁷. Александр искал невесту-принцессу и для себя, и для своего сына Василия. Намечалась принцесса Кристина, дочь норвежского короля Хакона IV Старого. Существует древняя исландская сага, упоминающая об этих событиях⁴²⁸, отрывок из которой приводит в своем исследовании И.П. Шаскольский⁴²⁹. «В тот год, когда Хакон конунг сидел в Тройндгейме, — повествует сага, — прибыли с востока из Гардарики (Гардарика — страна городов, — так называли скандинавы Древнюю Русь) послы Александра, конунга Хольмгарда — Новгорода. Звался Микьял и был рыцарь тот, кто стоял во главе их. Жаловались они на то, что делали между собой сборщики дани Хакона конунга в Фин-

маркене, на окраине земли саамов и кирьялы — карелы, те, что платили дань конунгу Хольмгарда, потому что между ними постоянно было немирье — грабежи и убийства. Были тогда совещания, и было решено, как этому положить конец». Русским послам «было также поручено повидать госпожу Кристину, дочь Хакона конунга, потому что конунг Хольмгардов велел им узнать», не отдаст ли Хакон конунг «госпожу ту замуж за сына Александра конунга». «Хакон конунг, — продолжает далее сага, — решил послать мужей», и «поехали они на восток вместе с послами Александра конунга. Стояли во главе их Виглейк, сын священника, и Боргар. Поехали они в Бьоргюн, а оттуда восточным путем; прибыли они летом в Хольмгард. И конунг принял их хорошо, и установили они тут же мир между собой и своими данническими землями так, чтобы не нападали друг на друга ни кирьялы, ни финны-саамы... В то время было немирье великое в Хольмгарде; напали татары на землю конунга Хольмгардов. И по этой причине не поминали больше о сватовстве том». После того как норвежские послы исполнили порученное им дело, «поехали они с востока обратно с почетными дарами, которые конунг Хольмгарда послал Хакону конунгу. Прибыли они с востока зимой и встретились с Хаконем конунгом в Вике»⁴³⁰.

Итак, хотя свадьба Василия и Кристины действительно не состоялась по причине нашествия на Владимиро-Суздальскую Русь карательной орды Неврюя, о которой уже упоминалось выше, но урегулирование отношений между Русью и Норвегией на основе дружбы и доверия все-таки было достигнуто, что зафиксировал первый русско-норвежский Договор о границе, или так называемая Разграничительная грамота 1251 года⁴³¹.

Исследователь отмечает: «Этим Договором устанавливалась общая (двоеданная) земля между Норвегией и Новгородом, которая простиралась от Тана-фьорда и Та-

на-эльв, где кончались норвежские земли, до Кольской губы, где начинались собственно новгородские земли. Эта территория Лапландии, или Лопской земли, с ее двумя крайними — норвежской и новгородской границами — западной и восточной, сохраняла статус фактически общего владения (кондоминиума) вплоть до Ливонской войны, т.е. до середины XVI века, когда с норвежской (датской) стороны начались попытки пересмотра традиционного положения Лапландии и стремление перенести русско-норвежскую границу на восток вплоть до Кольской губы. Только в 1602 — 1603 году было достигнуто принципиальное соглашение о разделе этой территории поровну, но оно не было зафиксировано соответствующим договором. Когда Россия ослабла в период Смутного времени (XVII столетие), Норвегия выдвинула претензии на весь Кольский полуостров, от которых затем к концу века отказалась. Наконец, в 1684 году был заключен договор между Россией и Данией о прекращении споров по вопросу о границе в Лапландии до «выяснения» всех данных о границе на месте, и в течение всего следующего столетия лапландский вопрос не возбуждался»⁴³².

Следовательно, Александр Ярославич Невский и как дипломат все же добился своего: «Отношения с Норвегией были поставлены им на прочную основу государственных соглашений. Были определены и нормы сбора саамских даней: «брать в тех крайних границах не более пяти серых беличьих шкурок с каждого лука (охотника), или по старине, если они (жители) хотят, чтобы по старине было». Заключенное соглашение явилось несомненным успехом внешней политики князя. Оно легло в основу многих последующих русско-норвежских договоров»⁴³³.

Глава VII

ПОДВИГ СМирЕНИЯ

Как уже было упомянуто выше, в 1252 г. на императорский престол в Каракоруме взошел новый, четвертый Великий хан Менгке. А 1256 год стал последним для старого Батыя. Из-за дряхлости отца делами в Золотой Орде уже давно управлял сын Батыя Сартак, друг и побратим Александра Невского. После смерти отца власть в Сарае перешла именно к нему. Более удачного развития событий для Руси, казалось, и придумать было нельзя. Но, к сожалению, Сартаку довелось править всего менее года. Молодой хан открыто благоволил христианству, что и стало причиной его убийства. В 1257 г. Сартака убил родной дядя, брат Батыя Берке, исповедовавший ислам⁴³⁴. Тогда же по приказу из Каракорума на золотоордынский трон был назначен еще несовершеннолетний «царевич» Улагчи, а его соправителем Великий хан Менгке сделал своего родственника Китата. В 1257 г. Китата впервые и прибыл на Русь с полномочиями провести перепись и организовать четкий сбор-доставку дани из «русского улуса» уже непосредственно к имперскому двору.

Да, читатель, как свидетельствуют не только русские летописи, но и средневековая китайская хроника Юаньши, первое «исчисление народу в России»⁴³⁵ провели именно татарские чиновники-«численники». Древний рассказчик передает: «Тоя же зимы приехали численники

и сочли всю землю Суздальскую и Мюромьскую и ставили всюду десятников, сотников, тысячников, темников... толико не чтоша игуменов, черньцов, попов, крилошанъ... и ушли назад в Орду»⁴³⁶. «Число» (так называли перепись населения русские летописцы) требовалось татарам для возможно более точной раскладки дани со всех покоренных земель⁴³⁷. Судя по приведенной выше летописной цитате, «в перепись вносимы были все жители (страны), кроме изъятых от платежа подати особенными ханскими ярлыками» лиц духовного звания⁴³⁸. Ходя по домам, переписывая людей и устанавливая размеры дани, татарские чиновники использовали старые, традиционные русские единицы обложения — «соха», «плуг», «радо»⁴³⁹. В основном дань брали мехами. Но к этому добавлялась еще ямская подводная повинность, а также обязанность русских князей, как вассалов, служить своими войсками хану — то есть участвовать во всех войнах, которые вели татары. Например, указывает исследователь, ордынцы рассчитывали «сорвать русское население с места и бросить его на завоевание Закавказья, где монголам пришлось вести долгую и кровопролитную войну»⁴⁴⁰.

Сбором дани обычно руководили ордынские чиновники — баскаки, которые «представляли собой постоянный институт ханской — по сути, верховной — власти»⁴⁴¹. Сборщики приезжали в сопровождении обязательной вооруженной охраны. А потому уже одновременно с переписью началось создание на Руси баскаческой военной организации. Из местного населения принудительно набирались особые военные отряды, во главе которых татары ставили своих десятников, сотников, тысячников и темников⁴⁴². Эти отряды не подчинялись Александру Невскому и полностью поступали в распоряжение баскаков, которые строго следили за выполнением установленных повинностей и вообще за всей жизнью Руси. Отряды баскаков располагались в Суздальской, Муромской, Ря-

занской, Тверской, Курской и Смоленской земле. Великий баскак, которому подчинялись все местные баскаки, всегда находился при дворе Александра во Владимире и уже одним своим присутствием контролировал, связывал действия князя. Фактически отряды баскаков заменяли собой оккупационные войска кочевников и содействовали главной цели — держать Русь в полном повиновении⁴⁴³. Однако Александр шел на это, молча соглашаясь с их присутствием, дабы избежать, уберечь русские земли от еще более худшего, как он считал, варианта — нашествия самих татаро-монгольских войск. И внимательный читатель наверняка без лишних комментариев поймет, что это значило для Великого князя-ратоборца. Но он думал о Руси...

В том же злополучном 1257 г., переписав Нижние, Владимиро-Суздальские земли, татары потребовали переписи и обложения данью Верхней, Северной Руси, т.е. Новгорода и Пскова. Известие об этом повергло гордые боярские республики в панический страх. Неизменно подчеркивавший собственную независимость Новгород, до которого татары в 1238 г. не дошли всего 100 верст, теперь должен был смирить свою спесь. Новгородская первая летопись зафиксировала: «приде весть из Руси зла: хотять татарове тамги и десятины на Новгороде»⁴⁴⁴. «Тамга» означала торговую пошлину (отсюда нынешняя «таможня»), «десятина» — десятую часть со всех прочих доходов города. Такого унижения новгородцы не знали никогда. Началось стихийное волнение народа. «Новгород не был до сих пор покорен татарским оружием, — писал Н.И. Костомаров, — и не помышлял, чтобы ему добровольно пришлось платить позорную дань наравне с покоренными. Вятские люди (знать) и в том числе посадник Михалка, *готовые угождать силе для своих выгод и сохранения своих богатств* (выделено нами. — Авт.), уговаривали новгородцев покориться, но

меньшие слышать об этом не хотели. Михалко был убит»⁴⁴⁵. Бунт продолжался почти год и, подчеркивает исследователь, «видимо, движение и на этот раз (подобно тому, как было в 1255 году) возглавлялось частью оппозиционной Великому князю боярской знати, к которой примкнул даже сын князя Василий Александрович»⁴⁴⁶. Он тоже выступил против отца, уже направлявшегося к Новгороду вместе с ордынскими послами. Да, «с тяжелым сердцем ехал тогда Александр в Новгород: едва сладив с братьями, он уже шел войной на сына»⁴⁴⁷. Но он снова думал прежде всего о спасении Руси.

В самый последний момент Василий Александрович⁴⁴⁸ все-таки не выдержал и бежал во Псков. Князь Александр въехал в город при гробовой тишине на улицах, ошестившихся лишь человеческими глазами. Однако, когда татарский посол, медленно поднявшись по ступеням на вечевой помост, зачитал требования Великого хана, толпа взорвалась вновь. Как свидетельствует летописец, новгородцы сразу отказались подчиниться и платить дань татарам. Преподнеся послам богатые дары для хана, они затем прямо предложили им «с миром»⁴⁴⁹ убраться во свояси...

Что и говорить, выходка была дерзкой и грозила обернуться для Вольного города поистине великим разорением, гибелью многих тысяч людей, как это происходило со всеми не покорившимися Орде городами. Но в тот раз... татары действительно уехали. Уехали, по всей вероятности, лишь потому, что рядом с ними находился Русский князь. Государь, действительно готовый положить душу за свою землю. И только Бог был вправе судить его в тот горький миг.

Мы не знаем и не беремся представить, опустил ли Александр Ярославич Невский на колени перед татарским послом, чтобы просить пощады для Господина Великого Новгорода? Или лишь несколько хриплых, сдав-

ленных слов обронил он тогда, сурово глянув на неистово орущую толпу: «Поезжайте, я справлюсь сам...» Наконец, попытался ли он еще раз убедить новгородцев, что другого выхода нет и лучше платить дань гривнами, чем жизнью? Повторим, ничего этого мы не знаем. Летописец на сей счет никаких подробностей не сохранил. Остается на века неоспоримым лишь один факт: Новгород был спасен от карательного нашествия ордынцев. Для Руси был сохранен ее крупнейший центр торговли и ремесла, ее главный и единственный в то время форпост на Севере Европы, заполучить который, как знает читатель, рвались очень многие!

Удалив из города татарских послов, Александр подтянул к нему свои собственные войска. Одновременно по приказу Великого князя во Пскове был схвачен и арестован его сын Василий (сын, первенец, преемник!..). Лишь после этого в Новгороде началось следствие и суд. Летописец прямо указывает: в первую очередь Александр Невский жестоко покарал именно тех, «кто князя Василья на зло повел» — был казнен наиболее активный зачинщик и руководитель бунта, некий «Александр-новгородец», а его сторонникам-«дружине» «овому носа урезаша, а иному очи выимаша»⁴⁵⁰. Новгород охватил ужас. Но иного пути у князя не оставалось. Чтобы уберечь город от всеобщего опустошения, он должен был, как пишет историк, «подготовить подчинение Новгородской республики татаро-монгольской власти»⁴⁵¹.

Все же и эти беспощадные меры не сразу возымели свое действие. Волнения продолжались. Ночами убивали княжеских людей. Погиб даже прославленный герой Невской битвы — «новгородец Миша». И происходило это в то время, как во Владимире уже ждали татарские численники. Тогда, зимой 1259 г., был предпринят маневр «со лживым посольством». В город, сообщает летопись, возвратился из Владимира новгородский посол Михаил Пинеши-

ниц и сообщил горожанам на вече ложную весть: «Аще не имеется по число (не подчинитесь переписи), то уже татарские полки из Низовской (Суздальской) земли» идут на вас⁴⁵². Лишь эта прямая угроза нашествия и принудила новгородцев к покорности.

Вскоре в город прибыли «окаянные татарове» — переписчики, Беркай и Касачик «с женами своими и инех много». Однако, как только численники приступили к делу, по селам и волостям вновь вспыхнуло восстание черни. Люди отказывались «даваться в число». «И бысть мятеж велик в Новгороде и по волости», констатирует летописец. Ордынских чиновников начали истреблять так, что они потребовали защиты у князя Александра: «Дай нам сторожи, ать не изобьют нас». И князь действительно организовал эту защиту, приказав «стеречи их сыну посадничю (Семену Михайловичу) и всем детям боярским (дворянам) по ночам»⁴⁵³. Ясно, что подобное положение не могло устроить татар. Очень быстро их терпение кончилось. Они стали угрожать отъездом, что неминуемо повлекло бы за собой приход ордынских карательных войск. Да к тому времени, отмечают историки, и сама «новгородская знать вполне столковалась с численниками». Имеются в виду показания летописца о том, что бояре «себе делали добро, а меньшим людям зло», ибо размеры дани распределялись одинаково как на богатых, так и на бедных!»⁴⁵⁴. Городская чернь и смерды, конечно, противились этой несправедливой раскладке, из-за чего, по словам летописи, новгородцы «издвоишася» на две враждебные стороны. Одни — «меньшии» (беднота) — собирались на Торговой стороне и готовили удар через Волхов на Софийскую сторону, другие — «вятшие», знать, дворы которой располагались именно на Софийской стороне, собирали ладьи, подготавливая нападение на Торговую сторону.

Но знать, конечно, сумела задавить выступление «меньших». Новгородцы «яшася по число» (согласились на

перепись), и тогда «почаша ездити окаяньнии по улицам, пишючи дома»⁴⁵⁵. Завершив перепись и собрав положенную дань, численники «отъехаша» из города. Следом за ними покинул боярскую республику и князь Александр. Вместо арестованного и отправленного во Владимир Василия наместником в Новгороде князь теперь оставлял другого своего сына, Дмитрия, еще подростка...

Итак, Господин Великий Новгород признал власть татаро-монгольских завоевателей. Причем, подчеркивает исследователь, в это же самое время — 1257—1259 гг. — пришел конец даже чисто номинальной независимости от Орды и Юго-Западной Руси, т.е. Галицко-Волынского княжества⁴⁵⁶. Не соглашаясь на перепись населения и осуществив несколько удачных боевых операций против небольших татарских отрядов во главе с Куремсой (1254 г.), Даниил Галицкий столкнулся затем «с опытным тысячником Бурундаем, который легко разбил его»⁴⁵⁷. И, в отличие от Александра Невского, все же уберегшего твердыню Новгорода, князь Даниил Романович Галицкий должен был подчиниться требованиям татар. Так же, как обязан был он скрыть укрепления⁴⁵⁸ главных городов своей земли, населению которой еще не раз пришлось перенести всю страшную тяжесть вторжений кочевников. Увы, папа римский своему «возлюбленному сыну» — «славному королю Даниилу»⁴⁵⁹ так и не помог ...

Отныне, пишет историк, Александр Невский, уже невзирая на непонимание многих современников, стал яростно пресекать «любое выступление на Руси против татар, любое осуждение татарского ига, расценивая подобные проявления «патриотизма» как самое опасное нанесение удара по своей внешней политике». Еще более последовательно, чем его отец, Александр Невский стал подчеркивать «вассалитет Руси по отношению к ханам внешними личными знаками внимания». Он ежегодно лично отвозил в Орду русскую дань. Так же как отец, «Алек-

сандр совершает многомесячные путешествия в Монголию... лично наблюдая организацию войска, хозяйства, административного управления империи Чингизидов. Эти наблюдения только укрепят Александра Невского в правильности взятой его отцом и им политической линии в отношении Орды. Ее, эту линию, он и завещает фактически новой московской династии, родоначальником которой становится. Это линия на беспрекословное, полное подчинение требованиям Орды и выполнение всех ее условий. Мотивировалась она тем, что татаро-монголы как противник сильны, бесчисленны, необозримы. Бороться с ними как регулярным военным путем, так и путем «наскоков» — т.е. народных восстаний, саботажа их требований и т.д. — совершенно бесперспективное дело. Необходимо не подвергать Русь опасности уничтожения, а сохранять силы всечасно и всемерно. Надо, чтобы на Русь и ее народ работало только время...»⁴⁶⁰.

Да, реально это выглядело как союз Александра с Ордой. И, опираясь на этот союз, а точнее, на то, что у него создан относительно спокойный тыл на Востоке, Александр решил не только остановить движение немцев-католиков на Русь, но и подорвать самую его возможность. Тем более что и общая военно-политическая обстановка в Прибалтике складывалась для этого очень благоприятная, упускать подобный момент было жаль.

13 июля 1260 г. в битве при озере Дурбе, близ Мемеля, войска Великого князя Литовского Миндовга нанесли соединенным силам Немецкого ордена тяжелейшее поражение. Достаточно сказать, что в ходе боя были убиты магистр Ливонского ордена Борхардт фон Горнхаузен, орденский маршал фон Боталь и шведский герцог Карл, приведший на помощь ордену датско-шведское войско. В битве также пали еще 150 титулованных рыцарей ордена, а 14 взяты в плен, и 8 из них принесены в жертву литовским языческим богам путем сожжения живыми⁴⁶¹.

«Последствиями Дурбенского сражения были отложение курляндцев от католичества, восстание пруссов в Пруссии, отречение Миндовга от католичества⁴⁶² и королевского титула и вторичное вторжение литовских войск в Пруссию с полнейшим и беспрепятственным опустошением орденовских владений»⁴⁶³. Конкретно, восстание пруссов и литовцев охватило все завоеванные орденом земли между Неманом и Вислой. Восставшие уничтожили целый ряд рыцарских гарнизонов, заняли почти все построенные орденом города и большинство замков, таких, как Бартенштейн, Крейцбург, Кенигсберг. Тевтонский орден и папа римский были вынуждены предпринять целый ряд новых мер для поддержания своей агрессии на востоке⁴⁶⁴.

Таким образом, Дурбенское сражение в корне изменило ситуацию в Литве. Если раньше многие литовские князья неоднократно вступали в союз с Орденом для совместных набегов на соседние земли (в том числе и на Русь. — *Авт.*), то теперь основой внешней политики Литвы стала «борьба с Орденом не на жизнь, а на смерть»⁴⁶⁵.

Исходя из этих перемен Великий князь Литовский Миндовг сразу после победы при озере Дурбе отправил своих послов к Великому князю Владимирскому с предложением общей борьбы с орденом, и русский князь, конечно, ответил согласием. Ранней весной 1262 г. в Переяславле-Залесском Александр Невский заключил с князем Миндовгом договор, направленный против Тевтонского ордена в Ливонии. Практически, это был первый в истории русско-литовский договор о совместном вооруженном выступлении. Боевые действия Договор предусматривал начать уже летом того же 1262 г. И они действительно начались. Миндовг вместе со своим войском подошел к главной крепости (столице) Ливонского ордена — Вендену — и, опустошая окрестности, начал ее осаду. В соответствии с достигнутыми соглашениями, ту-

да же должны были подойти и русские рати. Однако по причине заминки, вызванной необходимостью неожиданного и срочного отъезда Александра Невского в Орду, этим планам не суждено было осуществиться полностью. Русские войска выступили, но выступили на месяц позже, и вел их не сам Невский, а его сын Дмитрий Александрович и младший брат Ярослав Ярославич.

Как передает летописец, осенью 1262 г. русские подступили «к граду Юрьеву», т.е. Дерпту. «И бяше град Юрьев тверд, в 3 стены, и множество люди в нем всяких, и... помощью Божьею единым приступлением (штурмом) взят бысть, и люди многы града того овых побиша, а другыя изимаша живы, а иныи огнем пожжены и жены и дети их; и взяша товара бещисла и полона»⁴⁶⁶. Уцелел только замок на Тоомяги. Но далее в глубь орденской территории русские не пошли, так как, не дождавшись их подхода, союзный литовский князь Миндовг уже отступил от Вендена. Дмитрий Александрович «со всеми полками» вернулся в Новгород.

Наконец, еще один участник русско-литовской договоренности о совместных действиях против ордена, князь Жемайтии Тройнат, уже зимой, на исходе 1262 г., также предпринял кратковременный рейд в Ливонию, проникнув в Леальское епископство, и, опустошив и разграбив окрестности, взял даже г. Пернау (Пярну) в феврале 1263 г. Однако на обратном пути его отряды были атакованы немецкими рыцарскими войсками у Дюнамюнде и полностью разбиты⁴⁶⁷.

Таким образом, жестко заключает исследователь, «из совместного литовско-русского нападения на орден с целью не дать ему окрепнуть после битвы у Дурбе и в условиях восстания пруссов в Пруссии практически ничего не вышло. План большого, серьезного похода на орденские земли был полностью сорван и дискредитирован из-за плохой организации и недисциплинированности участни-

ков соглашения (в основном русских, опоздавших). Надежды на реализацию этого плана объединенной борьбы Литвы и Руси с орденом были оставлены навсегда после смерти Александра Невского в ноябре 1263 г. и убийства Миндовга той же осенью его соперниками — удельными литовскими князьями — нальшенайским Довмонтом и жемайтским Тройнатом»⁴⁶⁸.

Однако почему случилось именно так? Почему потерпел крах столь удачный замысел двух Великих князей, двух незауряднейших современников, ровесников? Замысел, имевший все шансы на победное осуществление... Что действительно не просто задержало русских, но и самому Александру Ярославичу единственный раз в жизни не позволило выступить во главе войска, дабы совершить свой обычный, стремительный марш-бросок? Наконец, что стояло за теми полными тревоги и грусти словами, коими напутствовал он отправлявшихся в поход юного сына Дмитрия с боярами? Той пронзительной тревоги и грусти, которые почувствовал и счел необходимым передать потомкам даже строгий, бесстрастный монах-летописец: «Служите сынови моему, акы самому мне, всемъ животом своим». Слова сорокадвухлетнего князя звучали завещанием. Но Александр Невский ехал в Орду и знал, что говорит....

Дело заключалось вот в чем. Несмотря на усилия власти удержать народ от восстаний против татар, волнения, подобные тому, которое началось в Новгороде при появлении там ордынских чиновников-переписчиков, вспыхивали и в других русских городах. Это положение еще более обострилось, когда по распоряжению из столицы империи — Каракорума — ордынцы передали сбор русской дани восточным купцам-мусульманам — «бесерманам», как стали называть их на Руси⁴⁶⁹. Ибо, отмечает историк, если «раньше (при сборе дани) татарские баскаки проявляли алчность, то теперь эта алчность и жажда личной

наживы вошли в систему. Чувствуя за собой власть хана и зная, что отказ им будет сопротвлением ханской воле, бесермены не знали сожаления. Их поборы разоряли страну, с трудом оправлявшуюся от разрушения. Все скудные доходы уходили на выплату дани. Задолжавшие бесерменам крестьяне и горожане, выплачивавшие им непомерные «резы» (проценты), запутывались в долгах. Разоряя их окончательно, бесермены продавали их с семьями в рабство, уводя из Руси в Орду. На базарах восточных городов увеличивалось количество русских рабов. В народе постоянно нарастало чувство отчаяния, невозможности оправиться и встать на ноги, а это чувство заставляло забывать и ханский гнев, и возможность полного разорения страны»⁴⁷⁰.

Кроме того, бесермены подвергали оскорблению и религиозные чувства русских людей. Так, под 1261 г. летописи фиксируют: на Русь прибыл бесермен Котлубей — «злой сый, ...творяще людям великую досаду и святым церквам поругася»⁴⁷¹. Не обошлось, впрочем, и без предателей из самих русских. Например, опираясь на летописные сведения, Н.И. Костомаров пишет о некоем монахе-расстриге Изосиме, «пьянице и студо-словце», который «съездил в Орду, принял там мугамеданство и, воротившись в отечество, сделался откупщиком дани, безжалостно утеснял своих соотечественников и нагло ругался над святынею христианской церкви»⁴⁷².

Все это, вместе взятое, и вызвало массовый взрыв. В 1262 г., передает летопись, «избави Бог от лютаго томления бесерьменскаго люди Ростовския земли, вложи ярость в сердца крестьяном, не терпяще насилия поганых изволиша вече, выгнаша (бесермен) из городов: из Ростова, из Володимера, из Суздаля, из Ярославля. Окупахуть бо ти окаянии бесурмене дани и от того велику пагубу людем творяхуть»⁴⁷³. Т.е. началось «стихийное восстание. Под звоны вечевых колоколов толпы народа бросились

на дома бесерменов и татар. Ярость народа прежде всего обрушилась на отступников. В Ярославле восставшие толпы убили Зосиму, влачили его тело по городу и бросили на съедение псам. Многие из бесерменов и татар спасались от смерти, только переходя в христианство...»⁴⁷⁴ «И побиша татар везде, нетерпя насилия от них, занеже умножишась татарове во всех градах русских, а ясащики живуще, не выходя»⁴⁷⁵. Причем, как считает, опираясь на свидетельства летописцев, современный исследователь, характерной чертой этого восстания было все же не убийство, а именно изгнание сборщиков дани⁴⁷⁶.

Понятно, что такое развитие событий в «русском улусе» никак не могло устроить Орду. Равно как очень понятны становятся и действия Александра Невского. Да, при создавшемся сложном положении в стране, он не смог вовремя выступить с войсками в Прибалтику на помощь осадившему Венден князю Миндовгу. Увы, он снова должен был ехать на Волгу, в Сарай. Ехать, чтобы уже в какой раз, по словам летописца, *«отмолить перед ханом людей от беды...»*⁴⁷⁷.

...Он успел. Карательный поход ордынцев на Русь не состоялся, хотя их войско было уже собрано ханом Берке и готовилось к выступлению. Более того. *По просьбе Александра Невского сбор русской дани для Орды был тогда передан из ведения баскаков в руки русских князей* (а сам институт баскачества на Руси впоследствии ликвидирован). Наконец, тогда же Невскому немислимо каким образом, но удалось добиться от татар освобождения Руси от участия русских ратников в войне Орды с Персией (Ираном), на чем ранее упорно настаивал Сарай. Таков был блестящий дипломатический успех последней поездки Александра Невского в столицу Золотой Орды.

Но именно те последние переговоры в Сарае и стоили ему жизни. Как вновь свидетельствует древний хронист,

в Орде князю пришлось пробыть почти целый год: «И удержал его царь (хан) Берке, и не пускал его в Русь, и зимовал (Александр) в орде, там и разболелся...»⁴⁷⁸ Исходя из данных источников многие исследователи считают, что, как ранее его отец, князь Ярослав Всеволодович, Великий князь Александр Ярославич Невский был отравлен⁴⁷⁹. Тяжело больным он скончался на пути из Орды, в маленьком приволжском Городце под Нижним Новгородом 14 ноября 1263 года, приняв перед смертью монашеский постриг.

Когда гонец принес скорбную весть о кончине князя в стольный Владимир, митрополит Кирилл служил обедню в Успенском соборе. Выйдя из алтаря, он с горечью произнес: «Чада мои! Разумеите, яко уже зайде солнце Суздальской земли». И весь собор — бояре, духовенство, народ — ответил ему рыданием и стоном: «Уже погибаем!»⁴⁸⁰ Погребение Александра Невского состоялось 23 ноября 1263 г., в храме Св. Богородицы во Владимире. «Житие» повествует, что в момент, когда митрополичий служитель Севастьян подошел к гробу, чтобы вложить в руку умершего разрешительную грамоту, то внезапно рука князя разжалась, сама взяла грамоту и снова сжалась. «И тако объят ужас, — говорит летописец, — видевших то, и проповедовано бысть всем се от Кирилла митрополита и от иконома Севастьяна. Се же слышавше, братье, кто не подивится, яко телу бездушну сущу, привезенну от дальних мест во время зимы? Тако бо Бог прославил угодника своего, иже много тружеся и за Новгород, и за Псков, и за всю землю Русскую, живот свой полагая за православное христианство»⁴⁸¹.

Вместо заключения

Итак, сорока трех лет от роду Александр Ярославич Невский завершил свой земной путь, приняв при предсмертном пострижении в монахи имя Алексея. Но началась его иная, небесная оборона Отечества — в сердцах и памяти русских людей, для которых он, как и при жизни, продолжал оставаться неизменным «ходатаем и заступником», примером самого высокого мужества, самого преданного служения Вере и долгу. Иначе и быть не могло. «Аще забудем дела Александра, — предупреждал летописец, — жидам уподобимся, забывшим Господа, выведшего их из рабства египетского...»⁴⁸² Да, вдумываясь в жесткие слова древнего автора, трудно не согласиться с его суровой мудростью. Александр Невский действительно спас Русь от губительного духовного рабства, которое нес ей католический Запад. Он действительно оказался прав, склоняя свою голову перед монгольскими завоевателями, ибо понял (вспомним еще раз высказывание историка): *«Монголы несли рабство телу, а не душе. Латинство грозило исказить самое душу»*. Эту правоту и оценил в нем народ.

Уже тот краткий, но живой, эмоциональный рассказ летописи о погребении князя, который был приведен выше, ясно говорит, считает исследователь, что «почитание Александра как святого началось... сейчас же после его кончины, вследствие чуда с разрешительной грамотой. В духовном завещании 1356 г. Великий князь Москов-

ский Иоанн Иоаннович оставил сыну своему Дмитрию Донскому икону «Св. Александр»⁴⁸³. Над гробницей князя служили молебны и происходили чудеса.

Например, в одном из древних списков «Жития» князя рассказывается: 117 лет спустя после смерти Невского, в ночь на 8 сентября 1380 г. — в ту самую ночь, когда праправнук Александра, еще один великий защитник земли Русской, князь Дмитрий Иванович Донской, привел свою рать на Куликово поле, готовясь к решительной битве с Мамаевой ордой, пономарю церкви Рождества Богородицы во Владимире было видение: внезапно возгорелись сами собой свечи в храме, и два старца, выйдя из алтаря, медленно подошли к гробнице князя. «О, господине Александре, — сказали они, — встань и поспеши на помощь правнуку своему, князю Дмитрию, одолеваему сушу от иноплеменников». И св. Александр поднялся, «стал невидим», «поспешая на помощь» русским ратникам...⁴⁸⁴ Примечательно, что и сам Дмитрий Иванович тоже думал той ночью о своем славном пращуре. «Сказание о Мамаевом побоище» сохранило слова его молитвы: «Владыко Господи человеколюбче! ...помози ми, яко же прадеду моему... великому князю Александру!» Хотя, как отмечает в связи с этим В.В. Кожинов, «Дмитрий Донской не мог не знать, что его прапрадед никогда не воевал (и даже не имел намерения воевать) с монголами, а он, Дмитрий, идет на смертный бой с ними...»⁴⁸⁵.

Так помнили и чтили русские люди своего великого князя-ратоборца, действительно еще задолго до его официальной канонизации Церковью. Век за веком, все сложнейшее время становления Москвы, Русского государства, а затем и молодого Российского царства, в моменты самых тяжелых испытаний русский народ всегда будет обращаться мыслью и молитвой о помощи прежде всего к Александру Невскому, ибо твердо знал, что именно этот князь в полном смысле слова з а щ и щ а л Русь и

от агрессии Запада, и от степных кочевников. Именно он, не только ратной силой, но и силой Духа, силой разума, собственным самоотвержением и жертвенностью остановил их огненный натиск. Он же первым проложил пути к мирным отношениям между двумя могучими этносами Евразии — русским и монгольским, закладывая тем самым мощный фундамент для будущей многонациональной Российской империи.

Глубоко закономерно посему, что 284 года спустя один из выдающихся созидателей этой Империи — тогда еще совсем юный русский государь Иван IV Васильевич — выступит 27 февраля 1547 г. на церковном (Стоглавом) соборе в Москве с предложением канонизировать Александра Невского⁴⁸⁶. Пройдет после того собора чуть более десяти лет, и он же — теперь царь Иван Грозный, недавний покоритель Казанского ханства, — поведет свои войска уже на Запад. Поведет, чтобы окончательно сокрушить исконного врага Руси — Ливонский (Немецкий) орден, с которым почти три столетия назад сражался, обороняя Русскую землю, его Святой прапрадед князь Александр. А в войсках Грозного, вместе с русскими ратниками будет идти, победоносно громя рыцарские замки, отборная татарская конница, пришедшая из Казани. Так и здесь скажется, напомнит о себе наследие мудрой политики Невского.

Да, в XIII веке Русь выжила, невзирая на жестокий удар внешних завоевателей. Ибо, как доказывает современный английский историк Арнольд Тойнби, чем сильнее вызов (удар, испытание), получаемый государством, тем сильнее бывает и стимул к преодолению этого удара, *«тем оригинальней и созидательней ответ» на него*⁴⁸⁷. В неимоверно трудных условиях сохранив национально-религиозную самобытность, государственность, Русь, собравшись с силами, действительно ответила на разрушение — СОЗИДАНИЕМ. Созиданием еще

более мощной, великой державы, нежели погибшая Киевская держава, и это было главным чудом, главным итогом деятельности великого русского князя Александра Ярославича Невского. И произошло это, как опять же признает в своем объемистом трактате «Постижение истории» Арнольд Тойнби, почти в то самое время, когда, руководимая своим «идеологическим центром» — папским Римом, — Западная цивилизация, «с тамерлановской жестокостью продвигаясь на Восток», сначала «прибрала к рукам все европейские земли вплоть до Эльбы, а затем, в XIII в., остановилась на границе Православного мира, на «линии», берущей начало у Северного Ледовитого океана и завершающейся на берегах Адриатики»⁴⁸⁸. Но если на Юге Европы «в самом начале XIII века Запад крайне агрессивно «переступил» через нее, эту заветную «линию», направив мощный и разрушительный Крестовый поход 1204 года в Константинополь»⁴⁸⁹, то на Севере Европы, чуть менее сорока лет спустя, у холодных берегов Невы эту «линию-фронт» удалось сдержать русскому народу. Сдержать, не допустить захватнического продвижения католических войск западных крестоносцев на северо-восточные русские земли. Не допустить, не позволить им сделать с русскими городами то, что до этого учинили они уже на землях полабских славян. Католическим рыцарям-крестоносцам не позволено было учинить то же самое с Новгородом, что до этого сделали они с Антиохией и Иерусалимом. Наконец, им не дали, не позволили захватить северо-западные территории Руси, так же, как захватили они земли народов Прибалтики. Все это, подчеркнем, было остановлено русскими ратниками во главе с Александром Невским.

Остановлено, невзирая даже на то, что упорно стремившаяся к мировому владычеству западно-римская церковь организовывала и направляла в Прибалтику самые значительные силы. Невзирая на то, что (вновь признает

А. Тойнби) соседние с Русью прибалтийские народы и «литовцы (Великое княжество Литовское. — *Авт.*) последними из европейских язычников испытали в XIII — XIV вв. порыв Крестовых походов (с Запада)... и внимание Тевтонского ордена почти целое столетие было приковано к Литве. Это смертельное давление (воистину так! — *Авт.*) Запада... стало причиной того, что и литовцы получили стимул к завоеванию и, в свою очередь, двинулись в земли русского православного христианства»⁴⁹⁰. Причем результаты этого «смертельного давления» зримо скажутся уже в конце XIII — начале XIV ст., когда, по благословению того же Рима, Литовское княжество и Польское королевство захватят самые богатые и плодородные земли погибшей Киевской Руси — Смоленское, Черниговское и Переяславское княжества⁴⁹¹. Однако это тема уже следующего большого разговора. Но Северо-Восточная Русь в XIII ст., повторим, выстояла. Выстояла благодаря глубоко выверенным действиям Александра Невского. Именно этим и стал страшен, стал ненавистен он всем последующим врагам нашего Отечества.

Ненавистен он и теперь всем тем скрытым и явным пособникам «нового мирового порядка», которые ныне рвутся уничтожить, затянуть Россию в удушающую воронку «всемирной глобализации» под главенством Запада, точно так же, как стремились еще 1000-летие назад святейшие отцы из Рима ради создания «всемирного папского государства» подчинить православную Русь власти западной, Римско-католической церкви, западным «общехристианским», «общечеловеческим ценностям». За десять веков лишь очень немного изменились средства. Цель же осталась полностью прежней: «Восток должен быть обращен!» Именно для достижения этой главной цели и предпринимаются в настоящее время попытки оболгать, опорочить один из самых светлых ликов нашей Истории — лик русского князя-воителя Александра Невского, пред-

ставить его изменником-коллорационистом. Однако на протяжении всего предыдущего изложения внимательный читатель мог убедиться: сама вечно живая, непрерывная цепь исторических событий дает логически четкую и ясную отповедь этим злобным потугам. Ибо «Не в силе Бог, а в правде!»⁴⁹², как сказал святой русский князь Александр перед Невской битвой 15 июля 1240 г. И именно эта священная правда нашей Истории спасет нас!

Когда книга была уже написана...

(Необходимое послесловие)

Действительно, жарким летом 2007 года, когда работа над данным текстом была, в целом, завершена, к автору пришла еще одна, только что опубликованная книга, вплотную примыкающая к рассматривавшимся выше проблемам. Как поймет читатель, уже само заглавие почти шестисотстраничного безупречно изданного фолианта немецкого историка Фритьофа Беньямина Шенка «Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263—2000)»⁴⁹³ сразу привлекло пристальное внимание. Настораживали также и откровенно зазывные слова редакционной аннотации, прямо гласившие, что в предлагаемом «уникальном по охвату источников» труде немецкий автор «исследует семивековую толщу памяти об одной из самых легендарных фигур русской истории. Перед читателем разворачивается панорама образов Александра Невского, запечатленных в летописях, агиографии и иконах, идеологии и официальной пропаганде, исторических трудах и политической публицистике, живописи, скульптуре, кинематографе... Анализируя, как предание об Александре Невском конструировалось и использовалось различными историческими авторами — государственной властью, православной церковью, интеллигенцией, русским национализмом, исследователь приходит к заключению о вкладе этого длящегося

мифотворчества (?!) в выработку альтернативных версий коллективной идентичности». Наконец, очень важно то, что, по сообщению самого г. Шенка, в основе изданной работы «лежит диссертация, защищенная (автором) в 2002 г. в Свободном университете Берлина»⁴⁹⁴. И значит, это не просто книга, но именно научное исследование, выполненное с учетом всех наиболее существенных достижений современной европейской историографии в ее славистском направлении. Работа, обращенная не только к европейским, но теперь, после выхода перевода, к широким массам русских читателей и предоставляющая возможность познакомиться именно с новейшим взглядом на прошлое России ученых-историков Объединенной Европы. Возможность увидеть и понять то, как они сегодня смотрят на нас, сквозь призму исследования материалов об одном из выдающихся деятелей нашего прошлого. Возможность оценить, насколько стал (если стал вообще) объективен этот «взгляд со стороны» в связи с теми широко декларируемыми ныне «глобальными изменениями» в современном мире (и, конкретно, в отношениях между Европой и Россией) на стыке XX и XXI веков?..

К сожалению, оптимизма не вселила уже постановка проблемы, даваемая исследователем в начале книги. Говоря о том, что толкнуло его взяться за труд изучения избранной темы, немецкий историк вспомнил, как 9 мая 2002 года, в День Победы над гитлеровской Германией, на одной из центральных площадей Санкт-Петербурга был торжественно открыт новый памятник русскому князю Александру Ярославичу Невскому, и далее почти с изумлением вопрошает: почему?! «Прежде всего, почему князь, живший в XIII веке, считается святым покровителем города, который только в 2003 году отпраздновал 300-летие своего основания?.. Какая связь между средневековым князем и победой над немецко-фашистскими захватчиками, отмечавшейся (тогда) в России в пятьдесят

восьмой раз? И, наконец, почему памятник князю, совершившему свои славные подвиги более 750 лет назад, воздвигнут именно в наше время?»⁴⁹⁵ В самом деле, почему? Как можно?! Зачем?!

Невзирая на всю невероятную «сложность» этих вопросов, особенно для профессионального историка, попробуем объяснить позицию автора. Ввиду того что основной задачей своего исследования г. Шенк поставил изучение не собственно личности, биографии, державных и военных свершений Александра Невского, а только «культурной памяти» об этом человеке, или «истории «воспоминаний»⁴⁹⁶ о нем — т.е. его «образах», запечатленных в различных редакциях «Жития князя», на иконописных изображениях, в свидетельствах летописей, а позднее — в исторических трудах, произведениях искусства, повторим, ввиду всего этого, об общей исторической значимости князя Александра, его вкладе и в русскую, и во всемирную историю в книге г. Шенка даже не упоминается. Русский святой и великий полководец Александр Невский согласно терминологии немецкого историка — всего лишь одно из «мест» (или «фигур») памяти определенной «мы-группы» («Wir-Gruppe»), т.е. народа или отдельного социального слоя. Причем, как старательно доказывается на протяжении всего многостраничного тома, эта «фигура» или «образ» с течением времени постоянно видоизменялся, претерпевал значительные трансформации, ибо тот или иной социальный слой русского общества постоянно стремился «присвоить» «образ» прославленного князя себе, «подверстать» его под собственные политико-идеологические нужды.

Так, например, хотя г. Шенк и признает, что Александр Невский стал читаться святым уже вскоре после своей кончины, но произошло это не в силу того огромного нравственного авторитета, который заслужил князь в глазах народа Руси всей своей жизнью и деятельностью

(равно как и благодаря чудесам, зафиксированным церковью над его мощами). Первоначально в конце XIII столетия, доказывает немецкий историк, память об Александре Невском имела значение «лишь для монастырской общины, ухаживавшей за его могилой, самое большее — для жителей Владимиро-Суздальского княжества», для которых князь «играл роль фигуры, формирующей коллективную идентичность. В определенном отношении самая ранняя редакция его «Жития» оказывается выражением локального патриотизма». Почитание князя за рамки Владимиро-Суздальской земли не выходило⁴⁹⁷.

Однако в XV веке, считает автор, к тому, чтобы включить «образ» князя как «положительного персонажа собственной истории», — т.е. соответственно оформить упоминание о нем в собственных летописных сводах, переработках его «Жития» — стали стремиться также Новгород и крепнущее Московское княжество. Причем, подчеркивает г. Шенк, в силу того что Новгород Великий вел тогда упорную борьбу за независимость от Москвы, то и новгородские книжники, редактируя и летописи, и «Житие князя», выполняя определенный «социальный заказ», старались как можно ярче высветить в своих текстах именно подвиги Александра, совершенные во имя защиты Новгорода, а также то, что он был именно новгородским князем; все остальное либо отодвигалось на второй план, либо вовсе опускалось. В то же время московские книжники, создавая свой собственный «образ» Невского, подчеркивали роль князя прежде всего как основателя новой московской династии Даниловичей, благодаря чему династия обретала ореол святости и небесного покровительства. Но когда в этом долгом противостоянии Москвы и Новгорода московские князья все же сумели одержать верх, подчинив своей власти торговую республику, Москва получила возможность, пишет г. Шенк, «опреде-

лять память о новгородском князе» и сделать свой взгляд доминирующим⁴⁹⁸.

Но и в Москве, полагает немецкий историк, «образ» Александра Невского постепенно начал «дробиться», ибо его вновь использовали в своих целях различные политические силы. Например, автор пишет: «Память об Александре Невском в так называемый «московский период» — с конца XV по начало XVIII века — характеризуется наличием двух различных трактовок его личности. На одном полюсе находилось сакральное прочтение», на другом «существовала и дополнительная династическая интерпретация его личности». Главным автором первой интерпретации, или, согласно терминологии г. Шенка, «сакрального дискурса» о Невском — т.е. агиографических произведений и икон, — была Русская православная церковь. В этом церковном дискурсе, который получил особенно широкое распространение после 1547 года, когда Александр Невский был уже официально канонизирован, прославлялся «образ» Александра-Алексия — исключительно как защитника православия, монаха и святого чудотворца. Причем святого именно из «Русской земли». «Не от Рима бо, ни от Синая произсиял еси, но в Русстей земли явился», — цитирует немецкий исследователь слова русского летописца. Да и сама канонизация князя, полагает г. Шенк, была осуществлена московским высшим клиром в первую очередь для укрепления собственного престижа. Ибо наличие как раз собственных, русских святых, «усиливало представление о достоинствах как земной, так и небесной русской церкви, стремившейся стать наследницей Византии»⁴⁹⁹.

Основным же «заказчиком» второй из вышеупомянутых интерпретаций личности Невского, или так называемого «династического» дискурса о князе, была светская власть, Великие князья Московские. По мнению немецкого исследователя, этот дискурс отразился прежде всего

«в произведениях официального московского историописания XVI века («Степенная книга», Никоновская летопись, Лицевой свод). Здесь на первый план в образе Александра выходит аспект правителя и его земные деяния. В династическом дискурсе Александр является святым князем, чье выдающееся значение состоит прежде всего в основании правящей династии». Но вместе с тем «как в сакральном, так и в династическом дискурсе обнаруживается четкое размежевание «мы-группы» (русские, православные. — *Авт.*) с «безбожными латинянами» — шведами и Тевтонским орденом»⁵⁰⁰. А следовательно, вынужденно признает г. Шенк, различия этих двух трактовок личности Невского — различия только кажущиеся, ибо создавались они «зачастую... в одной и той же «мастерской», при дворе Московского митрополита.... Скорее две трактовки следует рассматривать как взаимодополняющие полюсы одного дискурса коллективной идентичности. «Государственная доктрина» Великого княжества Московского имела религиозный и политический компоненты. Идея «Русской земли» принадлежала наследию Киевской Руси. Она предполагала причисление к «земле Руси» всех князей и их подданных, во-первых, исповедующих православие и, во-вторых, платящих дань династии Рюриковичей. Оба аспекта обнаруживаются в повествовании об Александре Невском московского периода. Если изображение Александра монахом-чудотворцем Алексием репрезентировало религиозную часть коллективного образа, то представление его князем, предком царя, подчеркивало политический аспект»⁵⁰¹.

Тем не менее по прошествии нескольких веков, созданный московскими летописцами «раздвоенно-единый» (в представлении г. Шенка) образ князя Александра Ярославича Невского опять постигла очередная «переработка». Это случилось, пишет немецкий автор, в начале XVIII столетия, «в ходе широкомасштабных изменений в

обществе, культуре и политической системе при Петре Великом... В отличие от предшествующего времени, когда смещения в образе Александра происходили медленно и зачастую без четко определенной идеологической цели (?!), Петр сознательно обратился к истории памяти о святом и инструментализировал ее в своих политических целях. После победы над Швецией в Северной войне Петр I избрал Александра Невского небесным покровителем города Санкт-Петербурга и святым защитником всей империи. Причиной присвоения царем-реформатором образа святого была, прежде всего, победа Александра над шведами в 1240 г. Первый российский император основал в честь городского небесного покровителя монастырь, в 1723 — 1724 гг. перевез его мощи из Владимира в новую резиденцию на Неве и перенес день памяти святого на 30 августа⁵⁰² — день, напоминающий о его собственной победе над Швецией». Специальным указом государя было запрещено даже живописное изображение святого Александра в образе монаха — отныне его изображали только князем-воином, выдающимся полководцем. «Такая символическая трансформация была направлена на то, чтобы встроить сакральную фигуру в новую имперскую знаковую систему, центром которой был институт императорской власти»⁵⁰³. Завершилась же эта секуляризация образа Невского, доказывает г. Шенк, уже в конце XVIII — XIX вв., когда молодая светская российская историография постепенно эмансипировалась от церковно-религиозной сферы. «Образ Александра мутировал в новом, «национальном» дискурсе из русского православного святого и российского правителя — в национального русского героя»⁵⁰⁴.

Такова вкратце точка зрения историка Фритьофа Беньямина Шенка. Изложение его доводов можно было бы продолжать и продолжать, вплоть до слов автора о том, что в 40-е годы XX века, когда (после периода

1917—1937 годов — периода полного осуждения и вытеснения Александра Невского из официальной истории страны) началась так называемая «реабилитация», «советизация»⁵⁰⁵ образа князя. Началась подача его, прежде всего, как прославленного воина и мудрого «отца народа», что с особой яркостью проявилось (считает г. Шенк) в известном фильме Сергея Эйзенштейна, где образ «мудрого вождя и защитника Александра Невского» прямо проецировался на другого «отца народа» — Иосифа Сталина⁵⁰⁶. Однако все это вряд ли что-либо добавит к сути. Суть же состоит в том, что, изучая, по собственному выражению, «культурную память» об Александре Невском, немецкий историк действительно показал недюжинное знание и источников, и историографии избранной проблемы, в чем, собственно, и может заключаться основная ценность проделанной работы. Главная же беда книги в ином: в том, что, исследуя историческую память об Александре Невском, автор сам сознательно лишил своего героя именно *исторических корней памяти* о нем. Лишил конкретных исторических фактов и событий, **БЛАГОДАРЯ КОТОРЫМ** эта память сформировалась и жила в сознании русских людей более семисот лет и **БЕЗ КОТОРЫХ** ее невозможно действительно объективно изучить и объяснять, не сводя лишь к «идеологическим потребностям» тех или иных политических сил.

К сожалению, этот недостаток работы явствует уже из коротенькой вводной главы, посвященной обзору жизни и деятельности князя Александра Ярославича Невского, в которой автор книги, по его собственным словам, как бы задает «систему координат», призванную послужить «ориентиром для исследования», и предпринимает попытку «перечислить и упорядочить события биографии Александра Ярославича», многие из которых, считает он, «до сих пор... остаются в научной литературе спорными... что дает значительный простор для различных интерпре-

таций и спекуляций»⁵⁰⁷. Итак, что же конкретно показалось немецкому историку «спорным» в биографии выдающегося русского князя?

Спорными для Ф.Б. Шенка, во-первых, видятся «политические цели, побудившие шведов разбить лагерь на месте слияния Ижоры и Невы», — так завуалированно намекает автор на агрессию Швеции против новгородской Руси, осуществленную весной 1240 года. Неясно для него и само историческое значение произошедшей тогда Невской битвы. Одни исследователи считают, — пишет, излагая мнения своих европейских коллег, г. Шенк, — что наступление шведов было связано «с Крестовыми походами против отпавшего от Римско-католической церкви финского племени емь. Другое объяснение интерпретирует шведское наступление как попытку захватить устье Невы и тем самым получить политический и экономический контроль над привлекательной балтийской торговлей Руси. Джон Феннел рассматривает (Невскую) битву в череде конфликтов за влияние на Карелию и Финляндию. По вопросу о значении (Невской) битвы мнения также расходятся. Джон Линд полагает, что события 1240 года лишь много позже обрели символическое значение и важную роль в русском историческом сознании. Сам он оценивал сражение как следствие мелких приграничных споров и указывает, что в шведских источниках отсутствует какое-либо упоминание о нем. До сих пор Невская битва не играет никакой роли в шведском историческом сознании...»⁵⁰⁸

Еще один «темный» для г. Шенка вопрос — о Ледовом побоище в апреле 1242 года. Хотя немецкий историк не может не признать того факта, что Тевтонский орден, как и Швеция, «тоже пытался расширить свои территории в Прибалтике за счет Новгорода», важным шагом к чему стал захват рыцарями русского Пскова, однако сведений «о периоде господства ордена в городе известно мало», а

уж сообщений о победе Александра на льду Чудского озера — и того меньше. Так, невзирая на подробное сообщение о битве, передаваемое Новгородской первой летописью, г. Шенк все же убежден, что «в источниках сохранилось очень мало информации» о состоявшемся тогда сражении. «Загадочным» для него представляется и масштаб битвы, и количество потерь с обеих противоборствующих сторон, и военная тактика Александра. Наконец, как и в случае с битвой на Неве 1240 года, для г. Шенка «полная неясность царит и в вопросе об историческом значении битвы 1242 года», которое опять же «сильно преувеличено и летописцами, и историками»⁵⁰⁹.

Иными словами, поймет наш читатель, ставя под сомнение и явно снижая общую историческую значимость главных воинских побед князя Александра Ярославича Невского, равно как лишая эти победы подлинного исторического фона времени, когда они были одержаны, Ф.Б. Шенк тем самым задает именно неверную, неточную «систему координат» для понимания того, как отозвались эти события в душах современников, почему и какая память действительно сохранилась о них в русском историческом сознании.

Столь же неточен взгляд немецкого исследователя и на внутреннюю политику русского князя, при оценке которой г. Шенк вновь лишь присоединяется к мнению своих европейских коллег. Так, упоминая о размолвке Александра Ярославича с Новгородом после победы на Неве, историк объясняет ее исключительно тем, что «Александр пытался извлечь выгоду из своего военного триумфа для расширения собственных властных полномочий, что вызвало протест представителей города-республики...»⁵¹⁰. Мог пойти Александр, считает далее Ф.Б. Шенк, и на прямой сговор с Батыем, дабы извлечь выгоду из этого союза. Неслучайно ведь он, пишет историк, «избегал открытого столкновения с монголами, проводил «полити-

ку безусловной покорности» и поэтому смог упрочить свои внутривосточные великокняжеские позиции. По меткому замечанию Феннела, — цитирует Ф.Б. Шенк, — «так называемое татарское иго началось не столько во времена нашествия Батыя на Русь, сколько с того момента, когда Александр предал своих братьев». Он был готов ввести данническую систему монголов и в Новгороде, что привело в 1257 г. к конфликту и столкновению с городом, за который выступал сын и наместник Александра, Василий. Окончательное включение Новгорода в монгольскую данническую систему произошло в 1259 г., после массового военного давления со стороны Александра»⁵¹¹. В целом, заключает г. Шенк, сомнительно, чтобы в своей деятельности Александр действительно был способен «выбирать между прозападной и провосточной политикой»... «Позицию князя определял скорее здравый прагматизм, чем политическая программа»⁵¹².

Таким образом, всё оказывается знакомым. Знакомый взгляд на русского князя только как на изолированного сатрапа. И очень знакомое же стремление максимально смягчить тона и краски, когда речь заходит о политике европейских государств по отношению к Руси. Например, постоянная угроза и военное давление с Запада на русские земли в XIII (и не только XIII) столетии рассматриваются Ф.Б. Шенком исключительно в качестве «гипотетических». И даже, как он сам пишет, «бесспорные попытки пап»⁵¹³ координировать католические силы в духе римских интересов не могут стать несомненным основанием для заключения о том, что существовала реальная связь между военными действиями Тевтонского ордена и Швеции». Вслед за исследователем Линдом Ф.Б. Шенк полагает: «Тот факт, что Запад напал на ослабленную Русь с тыла, едва ли может быть доказан, однако не исключен... (Далеко не все) западные державы готовы были стать по-

собниками папы, *даже если у курии вообще был такой план*»⁵¹⁴.

Но о том, какие РЕАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ действительно имелись тогда у римской курии, а главное, КАК целеустремленно и успешно она сии планы ПРЕТВОРЯЛА В ЖИЗНЬ, — идейно вдохновляя, организовывая и руководя кровавыми завоеваниями европейского рыцарства в Палестине, на землях поверженной Православной Византии, наконец, в Прибалтике, читатель хорошо мог видеть в первых главах нашей книги. Прояви Ф.Б. Шенк подлинное научное мужество, подобно тому, как сделал это его английский коллега Арнольд Тойнби, признавший, что Западная цивилизация «с тамерлановской жестокостью продвигалась на Восток», взгляни он на действия Александра Невского именно в таком историческом контексте, и тогда кажущиеся ему «спорными» вопросы биографии великого русского князя-воина отпали бы точно так же, как гораздо яснее была бы понята немецким исследователем и сущность памяти об этом князе, хранимая русским народом семьсот с лишним лет.

Тогда Ф.Б. Шенку, например, не пришлось бы объяснять решение о канонизации князя на Стоглавом соборе 1547 года одними только «идеологическими потребностями» Русской православной церкви, стремившейся, как он считает, после краха Византии занять лидирующее место в православном мире. Ибо уже само варварское разорение европейцами Константинополя в 1204 году и последовавшее за этим жестоким разгромом резкое ослабление позиций Константинопольской патриархии поставило перед молодой Русской церковью вопрос о принятии и, главное, сохранении в нерушимости древнего духовного наследия Византии — Православия. Пройдет еще почти два века — два наиболее тяжких века в русской истории! — прежде чем эта священная задача сохранения и защиты Православной веры сможет обрести реальную

политическую силу. Прежде чем, воскреснув из исторического небытия, Русь в 1480 г. свергнет иноземное иго, тем самым превращаясь в единственное на тот момент независимое православное государство в мире. А ее новая, возмужавшая столица Москва действительно станет Третьим Римом, центром надежды и притяжения для всех поработанных тогда православных христиан. Именно поэтому канонизация князя Александра Невского, в свое время сдержавшего агрессора, сдержавшего ту самую «линию фронта», что пролегла тогда (как писал Арнольд Тойнби) через все огромное пространство от Северного Ледовитого океана и до Адриатики, была естественна и необходима для Русской православной церкви середины XVI века без всяких идеологических натяжек.

Точно так же, как был близок и понятен в первую очередь своей борьбой, своим горением за «отчину» (Отечество) светлый лик прапрадеда Александра и для выдающегося русского царя Ивана Васильевича Грозного, во все не потому лишь, что «твердые, решительные меры (Александра) против оппозиции в «своей» стране гармонировали с идеалом самодержавного правителя и могли послужить Ивану IV для легитимации его борьбы с боярской высшей аристократией»⁵¹⁵ и, значит, «способствовать решению его (Ивана) политической задачи укрепления нового централизованного государства и автократии»⁵¹⁶ (как это явствует из текста Ф.Б. Шенка). На странице 110 у автора книги есть одно короткое упоминание о Ливонской войне Ивана Грозного, а также о том, что русский государь имел в Ливонии некие «политические интересы», почему память о князе несла в себе еще и «функцию легитимирующего образца. Иван IV возводил свои притязания на вотчину в Ливонии к временам «от великого государя Александра Невского»⁵¹⁷. Но вряд ли немецкий историк не знает, что Иван Грозный вполне справедливо был уверен: русские государи имели законные

права на владения в Ливонии не только «со времен Невского», а как минимум на два века раньше — уже при Великом князе Киевском Ярославе Владимировиче Мудром, который еще в 1030 г. впервые построил на чудской и леттской земле крепости Юрьев (Тарту) и Герсик (Ерсикку). Так же как вряд ли запямятовал г. Шенк, в чьи обгащенные кровью сотен и сотен невинных жертв руки перешли эти древние прибалтийские крепости потом. **Почему** была начата Иваном Грозным Ливонская война. **Кто**, путем и экономической (торговой), и политической, и военной блокады не желал пускать к Балтике, пускать в Европу молодое, стремительно набиравшее силы Русское централизованное государство в XVI веке, точно подобно тому, как в веке XIII организовывал блокаду Новгородской Руси...

Все дело, вероятно, в том, что, разбирать и учитывать хотя бы эти обстоятельства при изучении «истории воспоминаний» об Александре Невском автор явно не пожелал, они оказались невыгодны для него. Ибо в противном случае у Ф.Б. Шенка сложилась бы совсем иная, гораздо более целостная и объективная картина развития памяти о святом князе-воителе. Картина, где образ Александра Ярославича Невского представал бы не просто полумифическим «переходящим символом», который лишь использовали все те, кому это было необходимо. Исследователь увидел бы глубоко неординарную личность, и великого воина, и смиренного пред Богом страстотерпца за Русь, предостерегающего, зовущего к Борьбе и Жертве, каким князь Александр был всю свою недолгую жизнь и каким навеки остался в памяти русского народа, невзирая на все попытки эту память у него отнять.

Но именно такой образ Александра Невского меньше всего был нужен Ф.Б. Шенку. Увы, приходится с сожалением признать, что главный замысел книги современного немецкого историка практически ничем не отличается от

подобных же «штудий» его предшественников и коллег на Западе, за редкими исключениями всегда стремившихся унизить и очернить прошлое России. Полностью служит этой цели и «исследование» «Александр Невский в русской культурной памяти», показывающее эту «память» лишь долгой чередой легенд, не имеющих почти никакой реальной исторической основы. Более того, пытаюсь внушить читателям в качестве «окончательного слова науки», что Александр Невский — всего только полумиф, создаваемый многими поколениями сначала монахов-летописцев, а затем историков, Ф.Б. Шенк, следовательно, подспудно внушает и мысль о том, что не было и борьбы Александра, как не было и быть не могло никакой агрессии против Руси с Запада. Кому и зачем это нужно сейчас, читатель, думается, еще раз перелистав нашу книгу, поймет сам.

Борьба продолжается. Будем же стойкими в этой борьбе...

Примечания

- 1 Афанасьев Ю.Н. Радиостанция «Эхо Москвы». Интервью 09.11.2003 г.; Афанасьев Ю.Н. Время невыносимой сверхполитизации заканчивается. / Беседу вела Е. Каштанова. // Родина. 1991. № 4. Стр. 8 — 10.
- 2 Феннел Дж. Кризис средневековой Руси 1200 — 1304. М., 1989. Стр. 163.
- 3 Ключевский В.О. Курс русской истории. Том. 1. М., 1937.
- 4 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга 2. М., 1960. Стр. 165.
- 5 Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн.1. Выпуск 1, 2, 3. М., 1990. Стр. 153.
- 6 Обвинений, которые были высказаны известным клеветником на Россию, маркизом де Кюстином.
- 7 Вернадский Г. Два подвига св. Александра Невского. — Евразийский сборник. Том 4. Берлин, 1925. Стр. 227, 335.
- 8 Там же.
- 9 Необходимо добавить, что эта точка зрения почти полностью совпадала с мнением еще одного русского историка-эмигранта, Н.А. Клепинина, в 1927 г. в Париже также опубликовавшего достаточно глубокий очерк об Александре Невском, который мы цитируем ниже по современному изданию: Клепинин Н.А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб., 2004.
- 10 См. Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; его же: Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII веке. М., 1951; Рамм Б.Я. Папство и Русь. М., 1959. Шаскольский И.П. Борьба Ру-

си против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII — XIII веках. Ленинград, 1978. Каргалов В.В. Полководцы X — XVI вв. М., 1988.

- 11 Отдавая власть над Западом папе, Константин будто бы указывал, — цитирует текст «грамоты» исследователь С.Г. Лозинский, — что «несправедливо, чтобы земной император имел власть там, где небесный император учредил господство главы христианской религии». См. Лозинский С.Г. История папства. М., 1986. Стр. 56 — 57.
- 12 Рамм Б.Я. Папство и Русь. М., 1959. Стр. 10.
- 13 Там же.
- 14 Лозинский С.Г. Указ. соч. Стр. 47.
- 15 Там же. Стр. 49
- 16 Там же. Стр. 53 — 54.⁵²
- 17 Еще в 751 году майордом Пиппин, будучи командующим королевскими войсками, сверг (лишив власти и отправив в монастырь) Хильдериха, последнего короля из династии Меровингов. Сам Пиппин Короткий благодаря этой узурпации стал основателем новой династии — Каролингов.
- 18 Лозинский С.Г. Указ. соч. Стр. 55 — 56.
- 19 См. Гетте В. Папство как причина разделения церквей, или Рим в своих сношениях с Восточной церковью. Перевод с франц. К. Истомина. Харьков, 1895. См. также: Сюжумов М.Я. «Разделение церквей» в 1054 г. // Вопросы истории, 1956, № 8, Стр. 44.
- 20 С 1054 г. каждая из этих ветвей считала себя единственно правильной католической (т.е. вселенской) и ортодоксальной (правоверной, православной), а другую — еретической и отщепенческой. В просторечии за ними утвердились два названия: для первой — католическая, для второй — православная. Но подлинная апостольская преемственность, чистота христианского вероучения сохранена и сохраняется только в православии.
- 21 Рамм Б.Я. Указ. соч. Стр. 14.
- 22 Там же.
- 23 Виппер Р.Ю. История Средних веков. М., 1947. Стр. 188. Кстати, даже известнейший английский историк Арнольд Тойнби не может не признать в связи с этим: произошедшее в последующие века падение авторитета Римского престола объясняется именно «принесением в жертву духа во имя меча земного». Гильдебранд (впоследствии папа Григорий VII),

«выбрав силу для борьбы с силой... он направил церковь против Мира, Плоти и дьявола во имя Града Божия, который он хотел создать на Земле... (Но) когда папство поддалось (таким образом) соблазну физического насилия, тогда и остальные папские добродетели быстро превратились в пороки, ибо замена духовного меча на материальный есть главная и роковая перемена, все другие — лишь следствие...» См. Тойнби А. Указ соч. Стр. 341 — 342.

24 Показательны в этом отношении следующие факты деятельности папы Григория VII: упорно добиваясь полной покорности апостольскому престолу английского короля Вильгельма Завоевателя, папа писал ему: «Ты должен повиноваться мне без всяких колебаний, дабы ты мог унаследовать царство небесное». Он требовал от французского короля Филиппа I невмешательства в церковные дела. Папа, считал Григорий, своей властью волен ставить епископов во Франции. Если же король не подчинится, предостерегал он, «то французы, пораженные мечом анафемы, откажутся впредь повиноваться ему самому». Венгерскому королю Гейзе I папа заявлял, что «королевство венгерское принадлежит святому престолу». В Польше он отлучил от церкви Болеслава II. Испанию Григорий VII рассматривал как «вотчину св. Петра» (см. Лозинский С.Г. Указ. соч. Стр. 104 — 105.), что еще и еще раз доказывает: Григорий (Гильдебранд) «самым серьезным образом намеревался принудить всех «христианских королей» к ленной присяге, а следовательно, и к обязательным ежегодным взносам в папскую казну». (См. Заборов М.А. Крестовые походы. М., 1956. Стр. 32 — 33.) И Европа в целом подчинилась этому давлению. Длительным и напряженным, — подчеркивает тот же исследователь, — оказалось столкновение папства лишь с императорами «Священной Римской империи», вылившееся в многолетний конфликт различных феодальных группировок Германии и Италии (он известен в истории под не совсем точным названием «борьбы за инвеституру»). Борьба эта продолжалась и при преемниках Григория VII. (См. там же.)

25 Виппер Р. Ю. Указ. соч. Стр. 191 — 192.

26 Цитата по кн: Лозинский С.Г. История папства. Стр. 105.

27 Виппер Р.Ю. Указ. соч. Стр. 192. Правда, именно Григорий VII (Гильдебранд) первым же и поплатился за свое мирское могущество, поддерживаемое военной силой норманнов. Когда-то, будучи еще только советником папы Нико-

лая II, Гильдебранд подал ему идею привлечь на службу Римской церкви эти разбойничьи отряды. Но сорок лет спустя, уже сам давно став папой, Гильдебранд умер в Салерно, в позорной ссылке, куда он вынужден был отправиться по одной простой причине: требуя повышения вознаграждения за свои «ратные подвиги», норманны захватили и зверски сожгли непосредственно сам Рим...

- 28 Norden W. Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903. S. 56.
- 29 Заборов М. А. Крестовые походы. Стр. 34.
- 30 Там же.
- 31 Васильевский В.Г. Труды. Том I. СПб., 1908. Стр. 1 — 174.
- 32 Успенский Ф.И. История Византийской империи. Том III. М., 1946. Стр. 88.
- 33 Там же. Стр. 90, 94, 97.
- 34 Там же. Стр. 96.
- 35 Успенский Ф. И. История Крестовых походов. СПб., 2000. Стр. 18.
- 36 Заборов М.А. Указ. соч. Стр. 36.
- 37 Там же. Стр. 36 — 37.
- 38 Там же.
- 39 Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 38.
- 40 Там же.
- 41 Успенский Ф.И. История Византийской империи. Том. III. Стр. 101 — 103.
- 42 Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 44 — 45. См. также: Соколов И. Восточная политика Венецианской плутократии в XII веке. // Ученые записки Горьковского госуниверситета. Серия История. Выпуск XVIII. Горький, 1950. Стр. 128.
- 43 Успенский Ф.И. История Крестовых походов. Стр. 87 .
- 44 Лозинский С.Г. Указ. соч. Стр. 108.
- 45 Там же.
- 46 Лозинский С. Г. Указ. соч. Стр. 107 — 108.
- 47 Заборов М. А. Указ. соч. Стр. 41.
- 48 Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 42 — 43.
- 49 Там же. Стр. 44.
- 50 Успенский Ф.И. История Византийской империи. Том III. М., 1946. Стр. 111, 113.
- 51 Комнина Анна Алексиада. СПб., 1996. Стр. 232.

- 52 Успенский Ф. И. История Крестовых походов. Стр. 20 —22. Сохранился, например, текст послания византийского императора к Роберту Фландрскому, полного весьма привлекательных для рыцарства посулов. «Послание это, — пишет историк, — звучит как прямое приглашение рыцарям прийти пограбить Константинополь. «Мы отдаемся в ваши руки... лучше, чтобы Константинополь достался вам, чем туркам и печенегам; в нем находятся драгоценные святыни Господни; сокровища одних церквей в Константинополе достаточны для украшения всех церквей мира. Нечего говорить о той неисчислимой казне, которая скрывается в кладовых прежних императоров и знатных вельмож греческих...». Едва ли Алексей Комнин мог писать таким образом, — подчеркивает исследователь, — по-видимому, уцелевшая редакция этого письма (на латинском языке), является подделкой, позднее составленной крестоносцами для оправдания своих грабежей в византийской столице. Однако многие историки считают, что в основе латинской редакции лежит какой-то утраченный оригинал подлинного письма Алексея Комнина...» См. Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 49.
- 53 Успенский Ф.И. История Византийской империи. Том III. Стр. 140.
- 54 Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 47.
- 55 Там же. Стр. 49.
- 56 Эта знаменитая речь Урбана II, хотя и с некоторыми различиями в изложении, передается тремя средневековыми хронистами: Фульхерием Шартрским, Робертом Рейнским и Бальдериком Дольским (Анжуйским). Наиболее интересную текстологическую реконструкцию см.: Munro D. C. The speech of pope Urban II at Clermont / 1095.// «American Historical Review», 1906, vol.XI, № 2.
- 57 Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 52.
- 58 Успенский Ф.И. История Крестовых походов. СПб., 2000. Стр. 33 —34. В этой связи исследователь отмечает: погромы происходили, в частности, потому, что «немало рыцарей задолжали евреям-ростовщикам, и погромы представлялись графам и виконтам удобным средством «сполна рассчитаться» с займодавцами, да еще и обогатиться за их счет, даже не достигнув святого града. Весьма неблагоприятную роль во время этих массовых погромов сыграли и некоторые высшие сановники католической церкви. Майнцского архиепископа впоследствии прямо уличили в том, что он присваивал иму-

щество евреев, заставляя их креститься: в этом случае-де они будут спасены. Таким путем архиепископ попросту вымогал деньги у своих жертв. Еврейские погромы в Европе только предвосхищали кровавые «деяния франков и прочих иерусалимцев на Востоке». (Так называется составленная италонорманнским рыцарем Хроника крестового похода.) См.: Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980. Стр. 50.

59 «Крестьяне бросали свои лачуги, за бесценок распродавали имущество, чтобы, как пишет один хронист, «пойти в добровольное изгнание», а правильное — в вынужденное изгнание. «Отвага бедняков возгоралась столь великим рвением, что никто из них не обращал внимания на скудость дохода, не заботился о надлежащей распродаже домов, виноградников, полей», — говорит французский аббат Гвиберт Ножинский, очевидец происходившего. «Каждый, стараясь всеми средствами собрать сколько-нибудь денег, отдавал все, что имел, не по стоимости, а по цене, назначенной покупателем, чтобы не позже других вступить на «стезю Господню». У Гвиберта Ножинского, который, конечно, не мог до конца понять настоящие побуждения крестьянства, создавалось впечатление, что бедняки словно умышленно разоряли себя. Так, по его наблюдениям, 12 овец продавалось за 7 динаров — это было меньше того, что стоила одна овца до начала крестоносного движения. Своеобразные изменения в ценах перед отправлением бедноты в поход — чрезвычайно любопытное явление, отмечаемое современниками: оно свидетельствует о массовом характере движения. Гвиберт Ножинский считает, что совершилось какое-то чудо: «все дорого покупали и дешево продавали... За дорогую цену покупали все, что нужно было в дорогу, продавали дешево, чтобы получить средства для похода». «Они спешили», — указывает хронист, и это выражение четко характеризует настроение крестьянской массы...» См. Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 58 —59.

60 Виппер Р.Ю. Указ. соч. Стр. 196 —197.

61 См. цитату по кн: Лозинский С.Г. Указ. соч. Стр. 109.

62 Заборов М.А. Указ. соч. Стр. 60.

63 Там же. Стр. 61.

64 Успенский Ф.И. История Крестовых походов. Стр. 32 — 34.

65 Успенский Ф.И. История Византийской империи. Том III. Стр. 143.

- 66 См. Заборов М.А. Указ. соч. Стр. 65.
- 67 Вот как описывает это «вступление» старый историк: «Император отнесся к крестоносной толпе со всей гуманностью и состраданием. Он уговорил Петра переждать на европейском берегу пролива, пока подойдут рыцарские отряды, ибо плохо вооруженная толпа, каково было почти 200-тысячное войско Петра, не в состоянии сражаться с турками. Призвав к себе Петра и расспросив его, император понял, что имеет дело с мечтателем, совершенно незнакомым с принятыми им на себя обязанностями военного предводителя. Алексей, однако, выразил полное расположение к Петру, сделал ему подарок, приказал раздать деньги и припасы его отряду и просил лишь соблюдать порядок и не допускать насильственных действий. Крестоносцы бродили по городу, удивлялись роскоши и богатствам; беднякам нельзя было брать за деньги все, что им нравилось, и они стали брать силой. Последовали неизбежные столкновения с полицией, пожары и опустошения. Благочестивые крестоносцы стали жаловаться, что их против воли удерживают на европейском берегу и не позволяют вступить в борьбу с врагами креста Христова. Что оставалось делать византийскому правительству? Не без удовольствия оно вняло ропоту толпы и дало ей возможность переправиться на азиатский берег...» См. Успенский Ф.И. История Крестовых походов. Стр. 36.
- 68 Успенский Ф.И. История Византийской империи. Том III. Стр.144; Заборов М.А. Указ. соч. Стр. 66 — 67.
- 69 Комнина Анна Алексиада. Стр.278.
- 70 Успенский Ф.И. История Византийской империи. Том III. Стр.145.
- 71 Как пишет историк, Боэмунд Тарентский еще в 80-х годах воевал с Византией, участвуя в походах своего отца Роберта Гвискара. «Боэмунд стремился добыть себе земли на Балканском полуострове. Греки нанесли ему тогда поражение. Теперь этому князю вновь представлялся удобный случай реализовать свои давнишние захватнические намерения — если не за счет Византии, то на Востоке. Владения Боэмунда в Италии были сравнительно невелики: он унаследовал лишь небольшое княжество Тарент. Поход на Восток, к которому призвал папа, открывал перед князем Тарентским широкие возможности. О богатствах восточных стран, о раздорах тамошних правителей он был хорошо осведомлен: вести об этом приносили купцы из Бари и Амальфи. *Основать об-*

- ширное независимое княжество на Востоке стало заветной целью Боэмунда...*» См. Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 69 — 70
- 72 Заборов М.А. Указ. соч. Стр. 70. См. также: Успенский Ф.И. История Крестовых походов. Стр. 38 — 40.
- 73 Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 71.
- 74 Успенский Ф.И. История Крестовых походов. Стр. 41.
- 75 Комнина Анна Алексиада. Стр. 279.
- 76 Успенский Ф.И. Указ. соч. Стр. 40 — 41.
- 77 См. Комнина Анна. Указ. соч. Стр. 279.
- 78 Заборов М.А. Указ. соч. Стр. 71.
- 79 Там же. Стр. 75.
- 80 Там же. Стр. 76.
- 81 Вот как писала позднее дочь императора, историк Анна Комнина: «До него дошел слух о приближении бесчисленного войска франков. Он (Алексей) боялся их прихода, зная неудержимость натиска, неустойчивость и непостоянство нрава и все прочее, что свойственно природе кельтов и неизбежно из нее вытекает: алчные до денег, они под любым предлогом легко нарушают свои же договоры... Но самодержец не пал духом, а все делал для того, чтобы в нужный момент быть готовым к бою...» См.: Анна Комнина Алексиада. СПб., 1996. Стр. 275.
- 82 Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. III. Стр. 148; Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 76.
- 83 Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. III. Стр. 153.
- 84 См. Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. Стр. 67.
- 85 Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 81.
- 86 Успенский Ф.И. История Крестовых походов. Стр. 56.
- 87 Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. Стр. 76 — 77.
- 88 Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 87.
- 89 Успенский Ф.И. Указ. соч. Стр. 60.
- 90 Вот как описывает этот момент историк: «Боэмунд давно уже вознамерился завладеть Антиохией, и отнюдь не для «блага христианства», а исключительно к своей собственной выгоде. Ему удалось подкупить одного из сельджукских военачальников, отряд которого охранял башню на западной стороне Антиохии; командир башни согласился впустить в город рыцарей Боэмунда... В момент, когда «освободители Гроба

Господня», терзаемые голодом и страхом перед будущим, совсем, было, повесили головы, Боэмунд заявил предводителям, что сможет быстро покончить с Антиохией, если ему обещают, что она будет предоставлена в его, Боэмунда, полное распоряжение. Столь дерзкое и откровенное предложение нормандского авантюриста натолкнулось вначале на отказ многих главарей крестоносцев. Не желая отдавать нормандскому сеньору такую заманчивую добычу, крестоносные хищники, например Раймунд Тулузский, сами не прочь были стать князьями в Антиохии, напомнили ему о вассальной присяге Алексею Комнину. Князь Тарентский не думал, однако, отказываться от своих намерений. Встретив оппозицию со стороны других предводителей крестоносцев, он сделал вид, что оставляет задуманное. Бесталанным главарям разбойничьего войска, встревоженным приближением Кербози, в конце концов пришлось пойти на уступки. Получив от вождей требуемые обещания, Боэмунд немедленно взялся за дело. В ночь на 3 июня 1098 года он ввел свой отряд через башню, преданную ее начальником, в Антиохию. Одновременно крестоносцы произвели штурм города в других местах. Сельджуки были застигнуты врасплох, и город, таким образом, перешел к крестоносцам». См. Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 87 — 88.

- 91 См. цитата по: Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. Стр. 77.
- 92 Виппер Р.Ю. Указ. соч. Стр. 199 — 200.
- 93 Хотя реально подлинное Святое копье в антиохийском храме найти не могли, так как оно хранилось в Константинополе, это было известно, почему и в «подлинность» находки уже изначально поверили далеко не все крестоносцы, о чем еще будет говориться ниже. Здесь же хочется привести слова исследователя М.А. Заборова, который указывает: «По сообщению французского хрониста Робера Клари, рыцари, участники Четвертого крестового похода, в апреле 1204 года захватившие византийскую столицу, нашли там среди других святынь и копье, «которым был прободен наш Господь». «Быть может, — пишет далее тот же историк, — реликвию видели в Константинополе и священнослужители, находившиеся в рядах крестоносцев Первого похода, такие, как епископ Адемар де Пюи, или знали о ее местонахождении. Так или иначе, они опасались, что заведомо лживые религиозные вымыслы и трюки, будучи легко разоблачены, могут подорвать

авторитет церкви в народе, а не упрочить его...». Не случайно «уже в XVIII веке кардинал Просперо Ламбертини, ставший затем папой Бенедиктом XIV (1740 — 1758), **официально отверг подлинность антиохийского святого копья**». (См.: Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. Стр. 91 — 92, 95).

- 94 См. Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. Стр. 84 — 96.
- 95 Успенский Ф.И. История Крестовых походов. Стр. 62 — 63.
- 96 Вилпер Р.Ю. Указ. соч. Стр. 200. Интересно здесь отметить то, что сам князь Боэмунд Тарентский ничуть не верил в «помощь» «святого копья», которое якобы нашли люди его соперника, графа Сен-Жилля. Об этом, например, сообщает хронист Рауль Каэнский, тоже сомневавшийся в подлинности «святого копья». В своей Хронике Рауль рассказывает, что князь Боэмунд откровенно высмеял проделку противника. На одном из советов «он произнес целую речь, в которой скрупулезно разобрал обстоятельства обнаружения копья и не оставил камня на камне от провансальской версии. Боэмунд шаг за шагом восстановил все детали благочестивого спектакля, поставленного Сен-Жиллем, и вскрыл абсурдность пущенной им в ход священной легенды о чуде. Боэмунд назвал ее «прекрасной выдумкой». Такой же выдумкой в его глазах было и явление апостола Андрея Пьеру Бартелеми, и все, что затем потрясло бедняка-провансальца. «О, деревенская глупость! О, мужицкое легковерие!» — будто бы воскликнул в совете князь Тарентский. Причем Рауль Каэнский, рассказывая этот эпизод, не довольствуется выяснением подноготной чуда. Он идет дальше и показывает, для чего именно графу Тулузскому понадобилось прибегнуть к благочестивому обману. Граф хотел извлечь определенные материальные и морально-политические выгоды из своей выдумки. После победы над Кербогой Раймунд и его окружение, и до этого упорно твердившее о заслугах провансальцев в обнаружении «святого копья», а следовательно, в упрочнении Антиохии за крестоносцами, еще настойчивее стали уверять, что именно графу Сен-Жиллю «должна быть приписана слава этого триумфа — во время битвы под клич провансальцев копье несли впереди войска». Иначе говоря, выдумка со «святым копьем» родилась, с точки зрения Рауля Каэнского, ради того, чтобы обосновать притязания провансальского вождя на Антиохию. И «графа поддерживали некоторые из князей, которых он улестил или связал вассальными узами». Боэмунд, со сво-

ей стороны, будучи также убежден, что победа над Кербогой дарована крестоносцам всевышним, выразил, однако, возмущение тем, что провансальцы, прибегая к оскорбительной для воинства лжи, «приписывают своему куску железа нашу победу». «Пусть жадный граф приписывает ее своему копыю, пусть поступает так и глупый народ. Мы же победили и будем побеждать впредь, — горделиво заявил князь Тарентский, — именем Господа Бога Иисуса Христа». См. Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. Стр. 94 — 95.

- 97 Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 93.
- 98 Там же.
- 99 Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. III. Стр. 159.
- 100 Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 95.
- 101 Успенский Ф.И. Указ. соч. Стр. 160.
- 102 Цит. по кн: Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 95.
- 103 Там же. Стр. 96.
- 104 Там же. Стр. 103.
- 105 Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. Стр. 107.
- 106 Там же. Стр. 108.
- 107 Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. III. Стр. 161 — 162.
- 108 В мечети Омара, по сообщениям латинских очевидцев, погибло не менее 10 тысяч человек. Арабские писатели приводят данные в семьдесят раз более высокие. См. Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. Стр. 109.
- 109 Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 104.
- 110 Виппер Р.Ю. Указ. соч. Стр. 200.
- 111 Как подчеркивает историк, это «взятие святого града 15 июля 1099 года отмечено во всех исторических сочинениях начала XII века, в том числе и в русской «Повести временных лет». Западные хронисты и анналисты описывают эти события более или менее пространно, с натуралистическими деталями повествуя о кажущихся им достославными деяниях «войска Божьего». Восточные летописцы и историки (Ибн аль-Каланиси, Ибн аль-Асир и др.) упоминают о захвате Иерусалима «врагами Аллаха» кратко и в сдержанных тонах, подчеркивая лишь разгул и дикие зверства завоевателей, которые, по словам Ибн аль-Каланиси, убили множество иерусалимцев. Мусульманский мир никогда не смог забыть ужасов, которые

творили в городе западные захватчики...» См. Заборов М.А. Указ. соч. Стр. 110.

- 112 Любопытны и красноречивы в связи с этим следующие исторические факты. Папа Урбан II (он скончался 29 июля 1099 года, не дождавшись известий об «освобождении» Иерусалима) не оставил никаких распоряжений относительно будущего устройства Святой земли, пишет исследователь. Тем не менее духовенство стремилось обеспечить собственные интересы и занять первенствующее место в новых владениях Запада. Высшие иерархи католической церкви настаивали на том, чтобы превратить Иерусалим в церковное государство. С этой целью надо, считали они, прежде всего избрать нового патриарха из латинян, передав ему всю полноту власти. Однако со времени смерти папского легата Адемара де Пюи у крестоносцев отсутствовал достаточно авторитетный церковный руководитель, который мог бы взять на себя подобную миссию. Преемником епископа Адемара в должности легата назначили властного архиепископа Даимберта из Пизы; опираясь на поддержку пизанского флота, он прибыл в Иерусалим и начал рьяно добиваться того, чтобы именно патриарх, а не светский князь встал здесь у кормила правления. Новый папа Пасхалий II (1099 — 1118), со своей стороны, намекнул крестоносным сеньорам, что, поскольку именно католическая церковь выступала инициатором Крестового похода, постольку ее нужно и вознаградить соответствующим образом.
- 113 В некоторых источниках, впрочем, называется и другая, более ранняя дата возникновения Ордена тамплиеров — 1112 год.
- 114 Успенский Ф.И. История Крестовых походов. Стр. 83.
- 115 Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 127.
- 116 Там же.
- 117 Успенский Ф.И. Указ. соч. Стр.83.
- 118 Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. Стр. 142 —151.
- 119 Чтобы представить, сколь велик и всеобъемлющ был этот страх, достаточно вспомнить: французский король Филипп IV, невзирая даже на угрозу отлучения от церкви и вечного проклятия, попытался уничтожить орден. В 1307 г. по приказу короля в один день были арестованы и преданы суду все тамплиеры, проживавшие во Франции, а великий магистр Яков Моле — сожжен на костре. Казнь действительно на время обезглавила рыцарей Храма, однако вовсе не пресекла их

потаянных действий. Но это — тема уже отдельного, большого разговора...

- 120 Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 130.
- 121 Там же. Стр. 128 — 129.
- 122 Там же. Стр. 134 — 135.
- 123 Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. Стр. 148, 155.
- 124 Рамм Б.Я. Папство и Русь. Стр. 17.
- 125 Тойнби А. Постигание истории. М., 2002. Стр. 151.
- 126 Павинский А. Полабские славяне в борьбе с немцами в VIII—XIII вв. СПб., 1871. Стр. 153. Кстати, страницей ниже этот историк пишет: «Адольф, утвердившись в Вагрии, нуждался в средствах для поддержания и упрочения своих завоеваний. Соотечественники немцы могли служить ему верною опорой. Войны превратили Вагрию в пустыню. Адольф стал приглашать из ближайших стран Северной Германии поселенцев. «Придите, — говорили им его гонцы, — переселяйтесь с вашими семействами, вам достанется земля отличная, обширная, плодородная, изобилующая и рыбою, и скотом, и пастбищами». К соседним же Голзатам и Стормарам обращался сам граф, приглашая их занять славянскую землю. «Вы купили ее кровью ваших братьев и отцов, вам она принадлежит более по праву, чем другим немцам. Владейте ею, пользуйтесь ее удовольствиями, вы ее вырвали из рук неприятеля!» «И бесчисленные толпы... стали переселяться в Вагрию. Голзаты поселились в западной полосе, в пограничной жупе, самой опасной на всем протяжении от реки Травны до Кильского залива. Вестфалы в Даргунской жупе, Голландцы в Утинской, Фризы в Сузельской. Немецкая колонизация продвигалась сплошною и густою массою, она нахлынула главным образом на смежные пограничные области, вытеснив славян в прибрежные страны. По вагорскому берегу Балтийского моря сохранилось еще на некоторое время чисто славянское население без политической самостоятельности, ибо граф Адольф подчинил его немецкому феодальному игу». См. там же. Стр. 154.
- 127 Цитата по кн. Рамм Б. Я. Указ. соч. Стр. 77.
- 128 Павинский А. Полабские славяне в борьбе с немцами VIII — XIII вв. СПб., 1871. Стр. 157.
- 129 Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 136. Подробнее о проповеди Бернарда Клервоского см. также: Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. Стр. 255.

- 130 Павинский А. Указ. соч. Стр. 159.
- 131 Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 137.
- 132 Там же. Стр. 149 — 150.
- 133 Другое название этого племени — «ободриты».
- 134 Павинский А. Указ. соч. Стр. 159.
- 135 Там же.
- 136 Заборов М.А. Крестовые походы. Стр. 151. См. также: Павинский А. Указ. соч. Стр. 160.
- 137 См. Заборов М.А. Указ. соч. Стр. 152.
- 138 Там же.
- 139 Названия отдельных племен полабских славян.
- 140 Павинский А. Указ. соч. Стр. 162—163.
- 141 Следует уточнить, что Римская церковь изначально признавала законным богослужение лишь на трех языках — еврейском, греческом, латыни, ЗАПРЕЩАЯ переводить Священное писание на какие-либо другие народные языки. Как признает английский историк Арнольд Тойнби, «на Западе безоговорочно считали, что латынь является единственным и всеобщим языком литургии. В этом вопросе западные священники были неколебимы, даже несмотря на риск утраты доверия со стороны неопитов. Разительным контрастом этой латинской тирании (подчеркнуто нами. — Авт.) выглядит удивительный либерализм православных. Они не предприняли ни одной попытки придать греческому языку статус монопольного. И, конечно, нет сомнений в том, что политика, допускающая перевод литургии на местные языки, давала православным заметное преимущество перед Западом в миссионерской деятельности. См.: Тойнби А. Указ. соч. Стр. 334.
- 142 Франко І. Публіцистика. Київ, 1953. Стр. 62.
- 143 См. Полное собрание русских летописей. Том IX. Стр. 42 — 57.
- 144 Павинский А. Полабские славяне в борьбе с немцами в VIII — XII вв. СПб., 1871; Первольф И. Германизация балтийских славян. СПб., 1876.
- 145 Рамм Б.Я. Указ. соч. Стр. 33.
- 146 См. ПСРЛ. Том. IX. Стр. 64, 65, 67, 68.
- 147 Рамм Б.Я. Указ. соч. Стр. 46.
- 148 См. Греков Б.Д. Киевская Русь. М. — Л., 1944. Стр. 283.
- 149 Рамм Б.Я. Указ. соч. Стр. 47 — 48.

- 150 См. История Польши. В трех томах. Под ред. В.Д. Королюка. М., 1954. Т. 1. Стр. 56.
- 151 Вместе с войском Болеслава на Русь шли 300 немецких рыцарей и 500 венгерских.
- 152 Историки считают, что в тот момент Изяслав вместе с ближайшим своим окружением, опасаясь за собственное положение, просто побоялся вооружать киевлян, согласно летописному рассказу требовавших дать им именно оружие и лошадей для похода на половцев. См.: ПСРЛ. Т. 2. Стр. 160: «И люди киевски прибегоша к Киеву, и створивше вече на торжищи, и реша пославшееся ко князю: «се половци росулися по земле: да вдай княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними...». См. также: Толочко П.П. Древняя Русь. Киев, 1987. Стр. 87.
- 153 Болеслав был сыном Казимира II, женатого на Марии, сестре Ярослава — отца Изяслава. Изяслав же был женат на католичке, сестре Казимира II. См. Рамм Б. Я. Указ. соч. Стр. 61.
- 154 См. Рамм Б.Я. Указ. соч. Стр. 61.
- 155 См. Греков Б.Д. Киевская Русь. Стр. 290.
- 156 История Польши. Стр. 53.
- 157 См.: *Historica Russiae monumenta*. Ed. A. I. Turgeniew. St.-Petersb., 1841. Том 1. № 1.
- 158 К слову сказать, именно «Иннокентий III, — пишет А. Тойнби, — первым из пап перестал называть себя «наместником Петра», предпочтя титул «наместника Христа». Это был примечательный отход от самоуничиженности Григория Великого, называвшего себя «рабом рабов Божиих»...». См. Тойнби А. Указ. соч. Стр. 243.
- 159 См. Заборов М.А. Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII века. // *Византийский временник*. № V. М., 1952. Стр. 152 — 177.
- 160 Успенский Ф.И. История Крестовых походов. Стр. 175.
- 161 Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. Стр. 244.
- 162 Так называлась в Средние века Венеция.
- 163 Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. Стр. 244.
- 164 Успенский Ф.И. История Византийской империи. Стр. 395 — 396.
- 165 Грек Никита Хониат, знаменитый византийский историк, лично переживший осаду и падение Константинополя, свидетельствует: «В день взятия города хищники расположились

повсюду и грабили все, что было внутри домов, не стесняясь с хозяевами, надевая иных ударами, (иных) прогоняли с оскорблениями.... Собираясь партиями, жители уходили, одетые в рубище, изнуренные и осунувшиеся, видом мертвецы, с налитыми кровью глазами, будто плачущие кровью, а не слезами. Одни горевали о потере имущества, другие уже не удручались этим, но оплакивали похищенную и поруганную девицу-невесту или супругу, каждый шел со своим горем». Цитата по: Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. III. Стр. 396 — 397.

166 Тот же маршал Шампани Жоффруа Виллардуэн, кстати, с явным удовлетворением добавляет такие детали: крестоносцы «рассеялись по городу и захватили столь замечательную добычу, что нельзя сказать, сколько они набрали золота, серебра, сосудов, драгоценных камней, бархата и других шелковых тканей, отборных мехов куницы, пеструшки, песка и горностая (эти меха шли на нарядные рыцарские мантии) и иных столь же драгоценных вещей... И, по совести, как правду: с тех пор как стоит свет, никогда не было взято столько добычи ни в одном завоеванном городе». — Среди крестоносцев господствовала великая радость из-за этой дарованной (по их мнению) богом победы, благодаря которой «находившиеся в крайней бедности и нищете сразу оказались среди изобилия всех благ и наслаждений». В таком «чрезвычайном веселии» прошло три дня, но случилось лунное затмение, испугавшее вождей (крестоносцев), и они прекратили грабеж. Маркиз Монферратский, бароны и дож приказали через глашатаев, чтобы все немедленно под страхом отлучения и согласно прежнему договору отнесли всю добычу в три церкви, отведенные для этого и поставленные под охрану 10 французов и 10 венецианцев. Но не все вели себя честно, за что, по словам Виллардуэна, господь возлюбил их менее. Граф Сен-Поль должен был повесить одного рыцаря с утаенным золотом на шее...». Цит. по: Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. III. Стр. 404 — 405.

167 См. Заборов М.А. Крестоносцы на Востоке. Стр. 247 — 248.

168 Там же. Стр. 248.

169 Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. III. Стр. 405 — 406.

170 Вот как писал об этом русский ученый, крупнейший исследователь истории Византии: сохранилось «составленное грека-

ми перечисление преступлений, совершенных латинянами в святом Константинополе при его взятии, помещенное в рукописи вслед за перечнем вероисповедных грехов латинян. Они сожгли более 10 000 (!) церквей и остальные обратили в конюшни. В самый алтарь Св. Софии они ввели мулов для нагрузки церковных богатств, загрязнив святое место; туда же впустили бесстыжую бабу, которая уселась на патриаршем месте и кощунственно благословляла; разбили престол, бесценный по художеству и материалу, божественный по святости, и расхитили его куски; их вожди въезжали в храм на конях; из священных сосудов ели вместе со своими псами; святые дары выбросили, как нечистоту; из другой церковной утвари сделали пояса, шпоры и прочее, а своим блудницам — кольца, ожерелья вплоть до украшений на ногах; ризы стали одеждой мужской и женской, подстилкой на ложах и конскими чепраками; мраморные плиты из алтарей и колонны кивориев поставлены на перекрестках; мощи они выбросили из святых раков (саркофагов) как мерзость. В госпитале Св. Самсона они взяли иконостас, расписанный священными изображениями, пробili в нем дыры и положили на так называемом «цементе», чтобы их больные отправляли на нем естественные потребности. Иконы они жгли, топтали, рубили топорами, клали вместо досок в конюшнях; даже во время службы в храмах их священники ходили по положенным на пол иконам. В самих храмах они зарезали много греков, священнослужителей и мирян, искавших спасения, и их епископ с крестом ехал во главе латинской рати. Некий кардинал приехал в храм Михаила Архангела на Босфоре и замазал иконы известью, а мощи выбросил в пучину. Сколько они обесчестили женщин, монахинь, скольких мужчин, притом благородных, они продали в рабство, притом ради больших цен, даже сарацинам. И таковые преступления совершены против ни в чем не виноватых христиан христианами же, нападшими на чужую землю, убивавшими и сжигавшими, сдиравшими с умирающих последнюю рубашку!» См. Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. III. Стр. 413.

- 171 Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. Стр. 248. Следует отметить, что такие «повальные грабежи, учиненные в охваченном огнем Константинополе, засвидетельствованы не только Никитой Хониатом, который сам пострадал от латинского разгрома (он еле-еле спасся вместе с семьей — благо-

даря дружеской помощи знакомого венецианца). Если даже согласиться с мнением тех историков, которые считают, что византийский писатель неизбежно сгущал краски, рассказывая о буйстве и непотребствах рыцарей, то ведь сохранилось множество известий негреческих авторов, рисующих в самом неприглядном свете дела, которые творили европейские «воины христовы» в византийской столице». О беспощадных грабежах, например, свидетельствует уже цитированный выше французский мемуарист Жоффруа Виллардуэн. Он писал, не без гордости утверждая, что грабежи эти не знали ничего равного с сотворения мира. «В сходных выражениях высказывался и простой рыцарь Роббер де Клари, испытывавший восторг от того, что там были собраны «две трети земных богатств». Наконец, указывает исследователь, сохранилось и такое «авторитетное свидетельство безобразий, содеянных воинами христовыми, как письмо папы Иннокентия III. Он не без основания опасался, что насилия крестоносцев в Константинополе создадут препятствия для церковной унии, ибо греки будут «вправе относиться к ним с отвращением, как к собакам». Поэтому папа разразился негодующим посланием. Он выразил свое возмущение разбоями воинов креста, которые, по его словам, предпочли земные блага небесным и поэтому устремились не на завоевание Иерусалима, а на завоевание Константинополя, где обобрали «малых и великих»; мало того, они «протянули руки к имуществу церквей и, что еще хуже, к святыне их, снося с алтарей серебряные доски, разбивая ризницы, присваивая себе иконы, кресты и реликвии». Добыча, которую предводители заставили рыцарей снести в отведенные для этого помещения, была поистине сказочна. Венецианцы, если верить Виллардуэну, предложили ратникам божьим только за их долю в добыче 400 тысяч марок, но предложение это было сочтено невыгодным и отклонено». См.: Заборов М.А. Указ. соч. Стр. 249—250.

- 172 Там же. Стр. 249. См. также Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. III. Стр. 411.
- 173 Новгородская первая летопись М., 1950. Стр. 46 — 49. Исследователь отмечает: «Новгородец Добрыня Ядрейкович был очевидцем варварского разорения «второго Рима». Вернувшись на Русь с куском Гроба Господня (этот прихваченный в суматохе кусок едва ли не единственная добыча Руси от Крестовых походов), боярин Добрыня написал отчет о произошедшем. Он примечателен широтой взгляда на собы-

тие и расчетом на то, что и читателю хорошо известна политическая карта мира. Добрыня упоминает Германию, Фландрию, земли Италии. Он пишет, что Византия погибла «в сваре цесарей», причем крестоносцы, захватив Константинополь, действовали вопреки международному праву, которое формально признавали и король Филипп, и папа Иннокентий III. Автор — на стороне Византии, ибо, сказав, что крестоносцы разграбили все церковные святыни, добавляет: Св. Богородицу Бог соблюл «добрыми людьми, а ныне есть на ню же надеемся». Историки установили след непосредственного общения автора с крестоносцами, немецкими и фландрскими, а также его возможное знакомство с «Песнью о Нибелунгах», кстати, Добрыня Ядрейкович хорошо знаком с техникой военного дела и морского боя». См. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. Стр. 264.

- 174 Например, историк М.А. Заборов пишет: «В разрушительных оргиях погибли... замечательные произведения античных художников и скульпторов, сотни лет хранившиеся в Константинополе. Варвары-крестоносцы ничего не смыслили в искусстве. Они умели ценить только металл. Мрамор, дерево, кость, из которых были некогда сооружены архитектурные и скульптурные памятники, подверглись полному уничтожению. Впрочем, и металл получил у них своеобразную оценку. Чтобы удобнее было определить стоимость добычи, крестоносцы превратили в слитки массу расхищенных ими художественных изделий из металла. Такая участь постигла, например, великолепную бронзовую статую богини Геры Самосской... Был сброшен с пьедестала и разбит гигантский бронзовый Геркулес, творение гениального Лисиппа (придворного художника Александра Македонского). Западных вандалов не остановили ни статуи волчицы, вскармливавшей Ромула и Рома... ни даже изваяние Девы Марии, находившееся в центре города... В 1204 г. западные варвары уничтожили не только памятники искусства. В пепел были обращены богатейшие константинопольские книгохранилища... произведения древних философов и писателей, религиозные тексты, иллюминированные евангелия... Они жгли их запросто, как и все прочее... Византийская столица никогда уже не смогла оправиться от последствий нашествия западных крестоносцев...». См.: Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980. Стр. 250 — 252.

- 175 В это же время велось либо уничтожение, либо порабощение

огромных масс простого населения. Однако этот факт, как и факт варварского разрушения и разграбления Константинополя крестоносцами, западноевропейская историография упорно замалчивала и замалчивает, пытаясь рисовать лишь в сугубо идиллических тонах положение греков в Латинской империи и приписывая именно «латинскому» завоеванию благодетельное влияние на развитие греческих земель...

- 176 Рамм Б.Я. Указ. соч. Стр. 86.
- 177 Там же. Стр. 87 — 88.
- 178 Все первые русские митрополиты «поставлялись» (утверждались) именно константинопольским патриархом.
- 179 Послание это до сих пор хранится в знаменитом Ватиканском архиве. А опубликовал его русский историк и издатель А.И. Тургенев. См.: *Historica Russiae monumenta*. Ed. A.I. Turgeniew. — St.-Petersb., 1841. Том 1. № 3.
- 180 Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII — XIII вв. Ленинград, 1978. Стр. 28.
- 181 *Historica Russiae monumenta*. Ed. A.I. Turgeniew. — St. Petersburg. 1841. Том 1. Стр. XIII
- 182 Рамм Б.Я. Указ. соч. Стр. 77.
- 183 О том, насколько велика была ненависть поработанного народа к завоевателям, говорит уже тот факт, что финны убили в 1158 г. епископа Генриха Упсальского, возглавившего Крестовый поход шведов и ставшего основателем католической церкви в Финляндии. В дальнейшем были убиты также и два его преемника. См. Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии... Стр. 56 — 57.
- 184 Шаскольский И.П. Указ. соч. Стр. 62 — 64. См. также: Орлов С.Н. Старая Ладога. Л., 1960. Стр. 47.
- 185 Рамм Б.Я. Указ. соч. Стр. 83.
- 186 Там же.
- 187 Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России, СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Выпуск II. Книга I. М., 1995. Стр. 90 — 91.
- 188 Там же. См. также: Зутис Я. Русско-эстонские отношения в IX — XIV вв. // Историк-марксист. 1940. Кн. 3. Стр. 4 — 48; Эндзели Я. Древнейшие славяно-балтийские языковые связи. // Известия АН Латвийской ССР. 1953. Выпуск 3. Стр. 33 — 46. Плодотворно развивались также торговые связи между Русью и народностями Прибалтики, особенно эста-

ми. Ведь торговля древнерусских земель с Западом шла в значительной мере как раз через территорию эстов. Русским купцам были хорошо знакомы торговые пути, ведущие через эстонские земли к морю, а также расположенные на эстонском побережье гавани. Начиная с X века и эстонская знать все активнее включалась в шедшую через ее земли торговлю. С одной стороны, эсты стали все чаще совершать торговые поездки в страны, лежащие на побережье Балтийского моря, а с другой стороны, по суше посещать крупнейшие русские торговые города — Новгород, Псков, Полоцк и др. Об этих оживленных сношениях свидетельствуют, в частности, найденные в Эстонии многочисленные клады, содержащие серебряные монеты и предметы роскоши. Большинство этих кладов найдено в окрестностях гаваней на территории Эстонии и вдоль дорог, ведущих к русским городам. О торговых связях эстов с русскими свидетельствует также ряд слов, заимствованных эстонским языком из русского. Например, слова *rasmer* — безмен, *pund* — пуд, *maat* — мера, которые указывают на то, что более развитая русская торговля способствовала развитию торговли и у эстов. Наряду с этим они многое заимствовали от русских и в области ремесла, начатков техники и транспорта, на что также указывают слова эстонского языка: *aken* — окно, связанное с усовершенствованием жилища, *tapper* — топор и др. Важно отметить и слово *look* — лука (дуга), указывающее на то, что вошедшая в обиход у эстонцев упряжка с дугой перенята у русских. Наконец, особенно важно отметить то, что благодаря общению с русскими обогатилась духовная культура эстов, о чем говорят русские элементы в раннем эстонском фольклоре. Через русских эсты, по-видимому, впервые познакомились и с письменностью. Об этом говорит заимствованное из русского языка слово *gaamat* — книга (русское — грамота). См. История Эстонской ССР с древнейших времен до наших дней. Второе издание. Под редакцией Г.И. Наана. Таллин, 1958. Стр. 34 — 35.

189 Похлебкин В.В. Указ. соч. Стр. 93.

190 Там же. В связи с этим исследователь приводит такие примеры. Все вооружение ливов состояло из пращи и камней, которые они могли метать только вручную. О наивности же жителей края свидетельствует то, что они, будучи совершенно незнакомыми с каменными строениями и привыкнув лишь к легким деревянным срубам, стоящим на пеньках, уже после

постройки немцами укрепленного замка, попытались одной ночью, собрав несколько племен, опутать замок самодельными веревками и стащить его в Двину, благо он стоял в нескольких метрах от берега. Проснувшиеся от возни вокруг замка рыцари без труда перестреляли из бойниц замка, пользуясь арбалетами, массу ливов, а остальных, выйдя из замка в доспехах, легко пленили и, связав их же веревками, утопили в реке. Как говорится, без комментариев...

- 191 Икскуль — крепость, построенная немцами на месте ливского поселения Юкси-кюла («одинокая деревня»), расположенного выше Риги по течению Даугавы при впадении в Даугаву р. Огра.
- 192 Шаскольский И.П. Папская курия — организатор агрессии 1240 — 1242 гг. // Исторические записки. Том 37. М., 1951. Стр. 172.
- 193 Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. Стр. 227 — 228.
- 194 К слову, историк в связи с этим подчеркивает: «XIII век — время упрочнения финансовой мощи папства, а «история папских финансов — это экономический корректив в истории папской политики, и в периодизации истории папских финансов и папской политики наблюдаются параллели». Уже в XII веке началось слияние папства с итальянским банкирским миром, развитие папского кредита и централизация финансов. Подсчитано, что в среднем в XIII веке курия собирала с народов Европы на Крестовые походы до 1 миллиона фунтов стерлингов в год. Сборы средств на Крестовые походы еще более упрочили положение папы, который, оставаясь духовным главой церкви, стал и ее финансовым руководителем. К середине XIII века складывается автономный финансовый аппарат курии — *camera apostolica*. Благодаря своей экономической силе (в первой четверти XIII века ее доход был в три с лишним раза больше, чем, например, Франции) курия могла оказывать огромное политическое влияние не только на свою церковную администрацию, но и на связанные церковными обязательствами союзные папе правительства католических держав. Наступление на Прибалтику сопровождалось организацией системы папских доходов. Курия уже грезилась о притоке золота из русских диоцезов...» См. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. Стр. 278 — 279.
- 195 Исследователи отмечают, что хотя члены ордена давали обет не приобретать личного имущества, не вступать в брак, бес-

прекословно повиноваться своему начальнику и бороться с неверующими, но исторические факты свидетельствуют, что, как и повсюду в Европе, эти обеты оставались чисто декларативными. Например, хотя «братья»-меченосцы давали обет бедности и смирения, на самом деле вели они себя отнюдь не «смиренно». Вступившие в орден рыцари и купцы не отказывались от своего личного имущества, а наоборот, путем грабежа и торговли пытались его умножить. Первого магистра своего ордена меченосцы убили сами, а второго, когда тот не выполнил их требований, на несколько месяцев заточили в тюрьму. Недаром монах Альберик из монастыря Труа-Фонтен (во Франции) писал в своей Хронике, что орден, члены которого называют себя «божьими рыцарями», в действительности состоит из богатых купцов и изгнанных из Саксонии преступников». Цитата по кн. История Латвии. Рига, 1952. Том 1. Стр. 91 — 92.

- 196 Похлебкин В.В. Указ. соч. Стр. 95.
- 197 Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. Стр. 231.
- 198 См. История Латвии. Том 1. Стр. 92 — 93.
- 199 Там же. Стр. 95.
- 200 Там же.
- 201 Епископ Альберт смог породниться с Владимиром через своего брата и тем самым на некоторое время удержать псковского князя от выступлений против немцев. Именно за эту политику, прямо ущемлявшую интересы Руси, князь Владимир и был изгнан из Пскова. Однако потом его все же возвратили на княжение.
- 202 Пура — мера сыпучих тел = 69,55 литра.
- 203 История Латвии. Т.1. Стр. 95 — 96.
- 204 См. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.—Л., 1938. XVI. 2.
- 205 ПСРЛ. Т. V. Стр. 201.
- 206 Новгородская первая летопись. Стр. 52, 250.
- 207 Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. Стр. 93.
- 208 Новгородская первая летопись. Стр. 57, 258.
- 209 Т.е. жители Сааремаа и Харьюмаа.
- 210 См. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. XVI, 2.
- 211 Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. Стр. 231.
- 212 История Эстонии. Стр. 47.

- 213 История Эстонии. Стр. 49.
- 214 Пашуто В.Т. Указ. соч. Стр. 232.
- 215 См. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. XXIV, 1 — 2.
- 216 Пашуто В. Т. Указ. соч. Стр. 232.
- 217 См. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. XXVI, 8 , 11.
- 218 Пашуто В.Т. Указ. соч. Стр. 233.
- 219 История Латвии. Т. 1. Стр. 97 — 98.
- 220 В переизданной в 1938 г. в Москве «Хронике Ливонии» средневекового немецкого хрониста Генриха Латвийского была опубликована составленная профессором Фридрихом фон Кейсслером карта вытеснения русских из Прибалтики.
- 221 См. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. XXVII, 3.
- 222 История Эстонии. Стр. 54.
- 223 ПСРЛ. Т. V. (V и VI Псковские и Софийская летописи) . — СПб., 1851. Стр. 150. См. также: Греков Б.Д. Указ. соч. Стр. 294.
- 224 Дело шло, подчеркивает исследователь, именно «о самом широко, поистине народном переселении. Это с полной очевидностью выразилось, например, в переносе во Владимирскую Русь целого ряда названий городов и даже рек, что является своего рода исключительным фактом в истории и свидетельствует с несомненностью о «массовом» переселении». (См. Кожин В.В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. М., 1997. Стр. 375.) Едва ли не первым, указывает далее тот же автор, осмыслил эти явления В.О. Ключевский. И приводит следующую цитату: «Надобно вслушаться в названия новых суздальских городов: Переяславль, Звенигород, Стародуб, Вышгород, Галич, — все это южнорусские названия, которые мелькают чуть ли не на каждой странице старой киевской летописи... Имена киевских речек Лыбеди и Почайны встречаются в Рязани, во Владимире на Клязьме, в Нижнем Новгороде. Известна речка Ирпень в Киевской земле... Ирпенью называется и приток Клязьмы во Владимирском уезде. В Древней Руси известны были три Переяславля: Южный, или Русский... Переяславль Рязанский (нынешняя Рязань) и Переяславль Залесский. Каждый из этих трех одноименных городов стоит на реке Трубеже. Это перенесение южнорусской географической номенклатуры на отдаленный суздальский Север было делом переселенцев,

приходивших сюда с Киевского Юга...» См. Ключевский В.О. Сочинения. М., 1956. Том 1. Стр. 289.

- 225 Именно Юрия Долгорукого многие исследователи считают «Колумбом Поволжья», подлинным создателем крупнейшего Ростово-Суздальского княжества. «Во время его 37-летнего правления Суздальская земля приобрела четкие границы. Определилось ее порубежье с Черниговом на юге и Новгородом на западе, появились города Кснятин в устье Западной Нерли, Юрьев Польский, Переяславль Залесский, Дмитров, повсюду строились и украшались церкви и монастыри; энергично поддерживалась колонизация неосвоенных земель; укреплялись связи между Суздальской землей и южными княжествами; в основных городах установилось правление сыновей Юрия». См. Феннел Дж. Указ. соч. Стр. 39.
- 226 Покидая Южную Русь, Андрей увез с собой одну из самых почитаемых киевских святынь, икону Богородицы. По преданию, икона была написана непосредственно Евангелистом Лукой на доске стола, за которым трапезовал в дни юности Сам Иисус Христос со Своей Матерью. Святой лик хранился в Вышгороде (загородная великокняжеская резиденция под Киевом). Летописец рассказывает, что дважды икону находили утром сошедшей со своего места в Вышгородском соборе и стоящей «на воздухе», т.е. как бы приглашавшей князя в путь. Затем же произошло еще одно знаменательное событие. Уже близ Владимира кони, везшие повозку с иконой, вдруг остановились, и никакая сила не смогла больше сдвинуть их с места. Князю Андрею пришлось заночевать в поле. Во сне ему явилась Пресвятая Богородица, повелевшая основать на месте видения церковь, а икону отвезти во Владимир. Позднее Андрей выстроил на том месте не только храм, но и город, получивший название Боголюбов.
- 227 Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Самодержавие духа. Очерки становления Святой Руси. // Москва, 1993, № 8. Стр. 129.
- 228 Новгородская первая летопись. М., 1950. Стр.33, 222.
- 229 Скрынников Р.Г. Русь IX — XVII века. СПб., 1999. Стр. 87.
- 230 ПСРЛ. Т. V. Стр.164 — 165 гласят: «В лето 6683 (1175) убиен бысть князь великий Андрей Боголюбский. Се же бысть в пятницу на обедни, совет створиша окаяннии и пагубоубийственнии: бе бо у него Яким слуга возлюбленний и Кучкович, и слыша от него, оже брата его ял (взял) и велел казнити, и устремися диаволим наущением, и тече вопия к братии

своеи, ко злым советникам окаянным, и поча молвити к себе: «Аще сего казнил днесь, а и нас заутре також казнит». И съвещаша убийство на своего господина и на своего покровителя. И пришедши нощию, они же окаянии уготовившеся и взявше оружия, и поидоша на своего кормителя и господина князя великого Андрея, яко зверие свирепое; идущи имъ на ночь в субботу, а того дня был праздник святых верховных апостолов Петра и Павла. Свои милостивцы были, а нынеча окаянии убийци Кучковичи; а начальник имъ бысть Петр Кучкович зять, Анбал Ясинъ, ключникъ Яким, иже бе князь его любил, и Офремъ Моизичъ, а всех окаянных убийц 20...» См. также: Новгородская первая летопись. Стр. 34, 223.

231 Иоанн (Снычев). Указ. соч. Стр. 130.

232 Там же.

233 Историк Дж. Феннел отмечает: «Первоначально монголы были одним из племен, населявших современную Монголию. В XII веке они были разгромлены своими соседями татарами. Названия «монгол» и «Монголия» сохранились благодаря тому, что Чингисхан сам был монгольского происхождения. В русских источниках того времени для обозначения монголов на Руси применялся только термин «татары». См. Феннел Дж. Указ. соч. Стр. 130 — 131.

234 Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. стр. 281.

235 Там же. Стр. 282.

236 Там же. Стр. 282.

237 Там же. Стр. 283.

238 Там же.

239 ПСРЛ. Т. 2. Стр. 743.

240 Как сообщает летописец, половцы перебежали к татарам, несмотря на клятву их начальника спасти князя Мстислава Романовича и еще двух других князей, его соратников, оборонявших холм над Калкой. Половцы позволили татарам захватить эти укрепления. См. Новгородская первая летопись. Стр. 63, 266 — 267.

241 Новгородская первая летопись. Стр. 63.

242 Там же.

243 Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Изд. А.И. Малеин. СПб., 1911. Стр. 21, 37.

- 244 «Размах предстоящего похода, — отмечает историк, — был столь огромен, что Угедей хотел сам встать во главе войска. Его смог отговорить только племянник Мунке, убедивший Угедея, что верховный правитель не вправе так рисковать собой». См. Феннел Дж. Указ. соч. Стр. 116.
- 245 Пашуто В.Т. Указ. соч. Стр. 284.
- 246 Феннел Дж. Указ. соч. Стр. 116.
- 247 Там же.
- 248 Новгородская первая летопись. Стр. 75, 287.
- 249 Толочко П.П. Древняя Русь. Киев, 1987. Стр. 169.
- 250 Историк указывает: опустошение Владимира было столь велико, что впоследствии туда «не считали даже нужным поставить епископа. В течение нескольких десятилетий после погрома 1238 года, когда был убит владимирский епископ Митрофан, и вплоть до 1274 г., когда был поставлен епископ Серапион, г. Владимир пребывал совсем без епископа». См. Насонов А.Н. Монголы и Русь. Стр.38.
- 251 Толочко П.П. Указ. соч. Стр. 171.
- 252 Тогда погибли даже «три сыны темничы», т.е. сыновья командующего «тьмой» — десятитысячным войском.
- 253 ПСРЛ. Том I. Стр. 469.
- 254 Феннел Дж. Указ. соч. Стр. 122.
- 255 ПСРЛ. Том 16. Стр. 51.
- 256 Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. Стр. 285.
- 257 Там же.
- 258 ПСРЛ. Том 2. Стр. 782 — 784.
- 259 Толочко П.П. Указ. соч. Стр. 173.
- 260 ПСРЛ. Том 1. Стр. 470.
- 261 Плано Карпини Иоанн. История монголов. Рубрук-вис Вильгельм. Путешествие в восточные страны. М., 1957. Стр. 47.
- 262 Толочко П.П. Указ. соч. Стр. 175.
- 263 ПСРЛ. Том 2. Стр. 786.
- 264 Толочко П.П. Указ. соч. Стр. 177.
- 265 Вернадский Г. В. Два подвига св. Александра Невского. Стр. 227.
- 266 Скрынников Р.Г. Указ. соч. Стр. 114.
- 267 Там же.
- 268 Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. IX — середина XVII века. М., 1992. Стр. 124.

- 269 Историк отмечает: вопреки распространенному мнению, «Литва не принадлежит к Прибалтийским государствам и никогда не принадлежала к ним ни исторически, ни географически. Литовское государство зародилось вдали от моря, от Балтики, в глубине дремучих лесов, и долгое время Литва и литовский народ пребывали в полной изоляции от окружающих их народов, стран и земель. И тем более от соседних государств. Сама Литва развивалась крайне медленно, и сведения о литовцах, их стране поздно стали известны в Европе». Первое упоминание о Литве в письменных источниках относится только к 1009 г. Показательно также то, что «организация Литовского государства как многонациональной монархии с центральным управлением потребовала 350 лет. И почти 400 лет потребовалось, чтобы Литва перестала быть языческой страной — она была единственной и в то же время последней языческой монархией в Европе до 1387 года». См. Похлебкин В.В. Указ. соч. Стр. 321.
- 270 Польские власти «не понимали, что подчинение пруссов Польше не входило ни в планы Германской империи, ни в планы папства. Они не сумели понять, что, пуская Тевтонский орден на свою территорию, они способствуют германской феодальной агрессии на восток, в частности, против самой Польши». См. История Польши в трех томах. Под ред. В.Д. Королюка. М., 1954. Т. 1. Стр. 75.
- 271 Хотя, отмечает исследователь, и в Палестине «отдельные опорные пункты тевтонов продержались еще некоторое время. Например, Монфорт, воздвигнутый в 1229 году, пал в 1271 г. Его штурмом взяли войска Бейбарса. Можно, следовательно, считать, что тевтоны воевали одновременно и на переднеазиатском, и на восточноевропейском фронтах. Золотой иерусалимский крест в черном кресте магистра тевтонов — это не только символ признания их «заслуг» в борьбе с арабами, но и символ крестоносного разбоя, перенесенного в новые условия. Рыцари применяли в Прибалтике и против Руси тактику борьбы, выработанную в Передней Азии, они строили здесь замки, украшенные низкими порталами («тоска по востоку») и восточным орнаментом, и давали им названия рыцарских крепостей на востоке — Штаркенберг (Монфорт), Торн (Торон) и др.». См. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. Стр. 279.
- 272 Пашуто В.Т. Указ. соч. Стр. 238.
- 273 Новгородская первая летопись. М., 1951. Стр. 73.

- 274 Там же. См. также: Похлебкин В.В. Указ. соч. Стр. 99.
- 275 Андреев В.Ф. Александр Невский и Новгород // Средневековая и новая Россия. Сб. науч. ст. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. Стр. 247; Соколов Ю.Ф. Александр Невский: формирование личности и традиции. // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. // Под редакцией Ю.К. Бегунова и А.Н. Кирпичникова. СПб., 1995. Стр. 40.
- 276 История Эстонии. Стр. 58.
- 277 История Латвии. Стр. 100.
- 278 Похлебкин В.В. Указ. соч. Стр. 99 — 100.
- 279 Пашуто В. Т. Указ. соч. Стр. 238.
- 280 Похлебкин В.В. Указ. соч. Стр. 100.
- 281 См.: Пашуто В.Т. Указ. соч. Стр. 249; Рамм Б.Я. Указ. соч. Стр.127.
- 282 Шаскольский И.П. Папская курия — организатор агрессии 1240 — 1242 гг. // Исторические записки. Том 37. М., 1951. Стр. 173.
- 283 Там же.
- 284 Там же.
- 285 Пашуто В.Т. Внешняя политика... Стр. 240 — 241.
- 286 Шаскольский И.П. Папская курия — организатор агрессии 1240 — 1242 гг. Стр. 173 — 174.
- 287 Как отмечает историк, став Великим князем «сорока восьми лет от роду, Ярослав был самым опытным в политике и самым стойким из всех Всеволодовичей. Большая часть предшествующей деятельности Ярослава прошла в его вотчине в Северном Переяславле, которая к этому времени включала город Тверь на западе и граничила с новгородскими землями. В 20-х и 30-х годах XIII столетия он приобрел огромный опыт, управляя Новгородом при посредстве своих сыновей Федора и Александра и без их помощи имея дело с непокорными горожанами... Неудивительно, что никто не оспаривал принятие им Владимирского престола». См. Феннел Дж. Указ. соч. Стр. 137.
- 288 Соловьев С.М. Указ. соч. Стр. 150.
- 289 ПСРЛ. Т. V. (V и VI Псковские и Софийская летописи). СПб., 1851. Стр.176 — 178.
- 290 Через Новгород проходили, в частности, торговые пути, ведущие с севера, от Балтики (по Неве, Ладожскому озеру и

Волхову), на юг, к Черному морю (по Ловати и волоком до Днепра), и пути с востока на запад, соединяющие Новгород с Волгой (по Полу и озеру Селигер, а также по Мсте и волоком до реки Тверцы).

- 291 Феннел Дж. Указ соч. Стр. 55.
- 292 Там же. Стр. 55 — 56.
- 293 Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. Стр. 94 — 123.
- 294 «Низовские полки» — полки «Низовской земли». Так новгородцы называли Владимиро-Суздальскую Русь, в отличие от «Верхней» Новгородской Руси.
- 295 См. ПСРЛ. Т V. Стр. 174.
- 296 Там же.
- 297 По этому договору Дании была отдана территория Северной Эстонии. Историк подчеркивает: «Значение Стенбийского договора в истории феодально-католической экспансии, развивавшейся под эгидой римской курии, чрезвычайно велико. Этот договор закрепил созданный папскими усилиями единый фронт католических агрессоров, обосновавшихся на западе и на севере вдоль границ Руси...» См.: Рамм Б. Я. Указ. соч. Стр. 127.
- 298 Рамм Б.Я. Указ. соч. Стр. 125 — 126.
- 299 Хотя современный английский историк Дж. Феннел в этой связи и пишет о том, что нет совершенно никаких исторических указаний о подготовке Западом агрессии против Руси. Что также не стоит доверять мнению историка И.П. Шаскольского, который специализируется на исследовании русско-скандинавских отношений и всюду обнаруживает «западную угрозу», считает, что вторжение было частью согласованного плана, вынашиваемого шведами, немцами и датчанами под верховным руководством папы. И что, наконец, Невская битва 15 июля 1240 года была лишь заурядным, незначительным столкновением между русскими и шведами за управление Финляндией и Карелией, значение этого события сильно раздуто. См. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. Стр. 143.
- 300 Левинтов А.И. Невская битва. // Святой Александр Невский. Сб. Ст. к 760-летию Невской битвы, исполняющемуся в 2000 году. Усть-Ижора, 1999. Стр. 23. Спивак Д.Л. Северная столица. Метафизика Петербурга. СПб., 1998. Стр. 156 — 157.

- 301 Новгородская первая летопись. Стр. 291.
- 302 Там же. Стр. 291. Летописец по этому поводу отметит: «Жалостно и слышати, яко отец его честный князь Ярослав Всеволодович не ведал такового вставагния на сына своего милого...». — ПСРЛ. Т. V. Стр. 177.
- 303 Новгородская первая летопись. Стр. 291.
- 304 Каргалов В.В. Полководцы X — XVI вв. М., 1988. Стр. 85.
- 305 Подробнее о маршруте следования войск Александра Невского к месту битвы и о ходе сражения см.: Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992. Стр. 353; Кучкин В.А. Трудные годы Александра Невского. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 18 — 22 апреля 1994 г. Тез. докл. М., 1994. Стр. 57; Левинтов А.И. Невская битва. // Святой Александр Невский. Сб. ст. к 760-летию Невской битвы, исполняющемуся в 2000 году. Усть-Ижора, 1999. Стр. 20; Шаскольский И.П. Сражение на Неве (к 759-летию). // Князь Александр Невский. Стр. 67; Шишов А.В. Полководческое искусство князя Александра Невского в Невской битве // Князь Александр Невский и его эпоха. Стр. 32 — 34; Кирпичников А.Н. Невская битва 1240 г. и ее тактические особенности. // Князь Александр Невский и его эпоха. Стр. 26.
- 306 Новгородская первая летопись. Стр. 292 — 293.
- 307 Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. Стр. 292.
- 308 Похлебкин В.В. Указ. соч. Стр. 144. См. также: Шишов А.В. Указ. соч. Стр. 32.
- 309 30 мая 1240 г. князю Александру Ярославичу исполнилось ровно 20 лет.
- 310 Каргалов В.В. Указ. соч. Стр. 85.
- 311 Новгородская первая летопись. Стр. 293 — 294.
- 312 Внимательному читателю, может быть, будет интересно небольшое отступление по поводу точного места, где происходило это знаменитое сражение. Дело в том, что место это зафиксировано в Новгородской первой летописи, и точное географическое указание памятника не оставляет сомнений. «Придоша sweи в силе велице, и мурмане, и сумь, и емь в кораблях множество много зело; sweи с князем и с пискупы (епископом) своими. И сташа в Неве устье Ижоры...» (Новгородская первая летопись. Стр. 77.) Однако точных сведений

о том, какой же именно берег реки — правый или левый — был местом этой продолжительной остановки, в летописи нет. Тем не менее историографическая традиция в лице многих поколений исследователей уже в течение не одного столетия единогласно считает полем Невской битвы правый берег Ижоры. И только в последнее время И.П. Шаскольский, один из самых авторитетных современных историков русско-шведских отношений эпохи Средневековья, высказал решительное возражение по поводу такой привязки места сражения. Суть этих возражений заключается в следующем. Во-первых, считает историк, к изучению Невской битвы пора привлечь такой исторический материал, как историческая топография места сражения. «Ибо чем руководствовались авторы многочисленных карт-схем, изображая местом сражения правый берег реки, непонятно; эти авторы никогда не видели место исторического сражения. Произведенные нами обследования места Невской битвы позволяют с очевидностью установить, что сражение могло происходить только на низменном левом берегу, где имеется значительное плоское пространство, удобное для устройства лагеря; правый берег высок, имеет всхолмления, для устройства лагеря и для проведения боя совершенно неудобен. Именно на левом берегу еще в XVIII веке была построена церковь — памятник Невской битве...» (См.: Шаскольский И.П. Невская битва (к 750-летию). // Восточная Европа в древности и Средневековье. Проблемы источниковедения. (Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто). Тез. докл. М., 1990. Стр. 140). Однако, отвечает на данное предложение уже другой историк, А.Я. Дегтярев, возникновение вышеозначенной историографической традиции вряд ли вызвано лишь тем, «что ни один из исследователей битвы не удосужился побывать на месте битвы. Это вряд ли верно и по существу. Такое объяснение возникновения общепризнанной топографической схемы сражения было бы очень простым. Объяснение причин появления именно такой схемы нуждается в более углубленном исследовании», — пишет далее А.Я. Дегтярев. Считаю, говорит он, «что решающей предпосылкой возникновения версии о том, что и лагерь шведов, и сражение связываются с правым берегом Ижоры, является следующее обстоятельство. Новгородское войско, возглавляемое Александром, подошло к шведскому лагерю со стороны Ладоги. Гипотетический путь его, выстроенный усилиями мно-

гих исследователей, рисуется следующим образом. Большую часть пути от Ладоги до впадающей в Неву выше, чем Ижора, реки Тосны русские прошли на ладьях. Дальше двигаться по Неве было нельзя — шведы наверняка обнаружили бы приближение войска, и тогда расчет на внезапность нападения, а это было одним из главных в тактическом плане новгородцев, был бы неминуемо утрачен. Поэтому суда свернули в Тосну, поднялись на несколько километров вверх по ней, и здесь, в месте наибольшего сближения Тосны с одним из притоков Ижоры, произошла высадка войска. Дальше путь лежал по суше вдоль плавно извивавшихся мелких рек прямо к лагерю шведов. Прделав это, войско Александра, так и не замеченное шведами, которые почему-то не обеспечили боевого охранения, ударило из приречного леса по шведскому лагерю. Рассуждения создателей традиционной схемы были не лишены резонанса. Удар новгородской дружины был нанесен из глубины приневских лесов, водные преграды (Ижора) при этом не форсировались — иначе о факторе внезапности говорить не приходилось. Таким образом, не исторические факты, а общее направление подхода русского войска со стороны Ладоги в сочетании с известными фактами — удара из леса — привели к закономерному выводу о расположении лагеря шведов на правом берегу. Его помещение именно в этой точке явилось следствием логических рассуждений, а не исторических свидетельств. И.П. Шаскольский привел только один контраргумент против этой устоявшейся в историографии точки зрения — топографию предполагаемого места битвы. Этот аргумент можно принять, правда, только после дополнительных исследований, так как за 750 лет под воздействием антропогенных факторов ландшафт устья Ижоры претерпел большие изменения».

Однако аргументация в пользу того, что битва была не на правом, а на левом берегу Ижоры, продолжает далее исследователь, может быть дополнена и развита с учетом существовавших в ту эпоху норм и правил военного искусства. Во-первых, шведские военачальники не могли не анализировать путей возможного подхода новгородского войска. Общее направление здесь определялось однозначно — с востока. Расположение лагеря на левом берегу обеспечивало мощную естественную преграду на путях наиболее вероятного подхода новгородского войска. Пренебрежение этим обстоятельством (в случае расположения лагеря на правом берегу) можно

расценивать только как невероятную беспечность, которую опытные шведские военачальники вряд ли могли допустить. Подобное расположение войска и лагеря — за водной преградой на пути возможного наступления войск противника — широко практиковалось в Средневековье, было почти непреложным правилом. Эффективное использование водных преград русским войском демонстрирует нам, например, битва на Воже или знаменитое стояние на Угре. И напротив, печально известная битва на реке Пьяне показывает цену пренебрежения этим правилом.

Традиционная версия о расположении шведского лагеря на правом берегу не позволяет ответить и на другой важный вопрос, который даже не ставился в нашей историографии, — об отсутствии боевого охранения шведского лагеря. Внезапность нанесенного русскими удара дает все основания предположить, что оно практически отсутствовало, причем именно на том направлении, откуда появление противника выглядело наиболее вероятным. Почему оно не было выставлено, объяснить невозможно. Однако, если предположить, что лагерь находился на левом берегу, такие объяснения могут быть сформулированы. Остановка на левом берегу была более логична с точки зрения, что в тылу у шведского войска, спокойно поднявшегося по Неве, оставался известный, пройденный без каких-либо затруднений маршрут. Таким образом, это было психологически обоснованное решение.

- 313 Новгородская первая летопись. Стр. 293 — 294.
- 314 Новгородская первая летопись. Стр. 77, 293 — 294. Пашуто В. Александр Невский. М., 1974. Стр. 66 — 67.
- 315 Пашуто В. Александр Невский. Стр. 67.
- 316 Бегунов Ю.К., Кирпичников А.Н. От редакторов. // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. // Под редакцией Ю.К. Бегунова и А.Н. Кирпичникова. СПб., 1995. Стр. 7.
- 317 До самого Новгорода татары не дошли всего 100 верст.
- 318 Новгородская первая летопись Стр. 290 — 291; ПСРЛ. Т. V. Стр. 177.
- 319 Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. Стр. 294.
- 320 Новгородская первая летопись. Стр. 294.
- 321 Пашуто В.Т. Указ. соч. Стр. 294.
- 322 Новгородская первая летопись. Стр. 292.
- 323 Пашуто В.Т. Внешняя политика... Стр. 295.

- 324 Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Указ. соч. Стр. 130. См. также: Новгородская первая летопись. Стр. 292.
- 325 Там же.
- 326 Кирпичников А.Н. Ледовое побоище 1242 г. (новое осмысление). // Вопросы истории. 1994. № 5. Стр.163.: его же: Две великие битвы Александра Невского. // Александр Невский в истории России. Материалы научно-практической конференции 26 — 28 сентября 1995 г. Новгород, 1995. Стр. 35.
- 327 Каргалов В.В. Полководцы. Стр. 92.
- 328 Пашуто В.Т. Указ. соч. Стр. 295.
- 329 Там же. Стр. 94.
- 330 Каргалов В.В. Указ соч. Стр. 96.
- 331 Новгородская первая летопись. Стр. 296.
- 332 Каргалов В.В. Указ. соч. Стр. 96 — 97.
- 333 Новгородская первая летопись. Стр. 296.
- 334 Там же.
- 335 Шишов А. В. Полководческое искусство Александра Невского в Ледовом побоище. // Древний Псков. Исследования Средневекового города. Материалы конференции. Санкт-Петербург, 20 — 21 января 1992 г. СПб., 1992. Стр. 124.
- 336 Там же.
- 337 Каргалов В.В. Указ. соч. Стр. 98.
- 338 Пашуто В.Т. Внешняя политика... Стр. 297.
- 339 Костомаров Н.И. Указ соч. Стр. 158.
- 340 Рамм Б.Я. Указ. соч. Стр. 134. Впоследствии, указывает историк, ордену потребовалось десять лет, чтобы восстановить свою власть в Пруссии. «И только массовое, чудовищное по формам и масштабам истребление пруссов дало ему возможность подавить восстание...» (См. там же.)
- 341 Новгородская первая летопись. Стр. 297.
- 342 Пашуто В. Т. Указ. соч. Стр. 293 — 294.
- 343 Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Указ. соч. Стр. 132.
- 344 Новгородская первая летопись. Стр. 297.
- 345 Пашуто В. Т. Александр Невский. Стр. 101.
- 346 Там же. См. также: Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
- 347 Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Выпуск 1. М., 1995. Стр. 123.
- 348 ПСРЛ. Т.2. Стр. 795.

- 349 Там же. Т. 2. Стр. 807.
- 350 См. Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., Стр. 237.
- 351 Рамм Б.Я. Указ. соч. Стр. 146.
- 352 Там же.
- 353 Там же. Стр. 151.
- 354 Пирлинг П. Россия и папский престол. М., 1912. Стр. 29.
- 355 Там же.
- 356 Рамм Б.Я. Указ. соч. Стр. 155.
- 357 *Historica Russiae monumenta*. Т 1. № 74. О переписке между Даниилом Галицким и Иннокентием IV см. также: Дашкевич Н. Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии Руси с католичеством. // «Известия» Киевского университета. 1884, № 8. Стр.136 — 181.
- 358 *Historica Russiae monumenta*. Т.1. № 67.
- 359 Цитата по кн: Средние века. Том V. М., 1954. Стр. 405.
- 360 Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Выпуск 1. М., 1995. Стр. 124.
- 361 Там же. Стр. 123.
- 362 Плано Карпини И. История монголов. М., 1957. Стр.34, 77.
- 363 Похлебкин В.В. Указ. соч. Стр. 123. См. также: ПСРЛ. Т. V. Софийская летопись. Стр. 186. Существует, правда, среди историков (в частности, у Б.Я. Рамма) мнение, согласно которому Ярослав Всеволодович во время своего пребывания в далеком монгольском Каракоруме встретился там с папским посланником Плано Карпини, вступил с ним в переговоры и под влиянием его проповеди якобы незадолго до смерти принял католицизм и умер католиком. Об этом «историческом шаге» князя позднее упоминал в своем послании к Александру Невскому папа Иннокентий, убеждая его «последовать примеру отца». Однако очень сомнительно, чтобы подобное событие действительно имело место. Ярослав умер на дороге из Монголии, далеко от Руси. Плано Карпини был одним из последних, кто видел князя живым в ханской столице. И хотя в письме к Александру Иннокентий ссылается именно на его слова, но сам Плано Карпини в своих очень подробных Записках, рассказывая о встрече с Ярославом, н и ч е г о, ни единой строкой, не упоминает о его переходе в католичество. Да и сама биография этого князя, много лет воевавшего с

- католическими рыцарями в Ливонии, протестует, идет вразрез с подобными допущениями.
- 364 П л а н о Карпини И. История монголов. Стр. 77 — 78.
- 365 П С Р Л. Т. VII. Стр. 156.
- 366 К л е п и н и н Н.А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. М., 2004. Стр. 73.
- 367 Там же. Стр. 90.
- 368 Г о л у б и н с к и й Е.Е. История Русской Церкви. Том II. Первая половина тома. М., 1900. Стр. 51 — 54.
- 369 Ф е н н е л Дж. Указ. соч. Стр. 143.
- 370 К л е п и н и н Н.А. Указ. соч. Стр. 74 — 76.
- 371 Там же.
- 372 П а ш у т о В.Т. Очерки истории... Стр. 271.
- 373 П С Р Л. Т. 1. Вып. 2. Стр. 472.
- 374 Е г о р о в Л.В. Александр Невский и Золотая Орда // Александр Невский в истории России. Материалы научно-практической конференции 26 — 28 сентября 1995 г. Новгород, 1995.
- 375 Кстати, вскоре по возвращении в Новгород из Орды, Александр Ярославич сильно заболел. Сказалось, видимо, огромное нервное напряжение далекого пути и сложнейших переговоров в ханской столице. «И бысть болезнь его тяжка», — отмечал летописец, т.е. князь был близок к смерти. Как пишет историк, «эта болезнь поразила Новгород. Во всех церквах горело множество свечей, поставленных за его здоровье, служились молебны. Как в годы нашествий, вольный Новгород соединился со своим князем. Св. Александр начал поправляться и вскоре совсем выздоровел...». См. К л е п и н и н Н.А. Указ. соч. Стр. 89 — 81.
- 376 З а и ч к и н И.А., П о ч к а е в И.Н. Указ. соч. Стр. 134. Объясняя, почему Александру Невскому не дали ярлык на Великое княжение Владимирское, Н.И. Костомаров писал также: «Вероятно, монголы сообразили, что Александр, будучи умнее других, мог быть для них опасен и потому, не испытавши его верности, не решились дать ему тогда Владимир, с которым соединялось действительное старшинство над покоренными русскими землями...» См. К о с т о м а р о в Н.И. Указ. соч. Стр. 161.
- 377 Н а с о н о в А.Н. Монголы и Русь. Стр. 33.
- 378 Отчасти это было вызвано тем, считает Н.А. Клепинин, что

«со времени покорения Руси татарами не сменилось еще ни одного поколения. Вся Русь надеялась на избавление от ига и была готова к восстанию. Стать во главе мятежа и избавить Русь от татар казалось каждому князю высоким и завидным делом. Андрей не устоял перед искушением стать освободителем Руси...». См. Клепинин Н. А. Указ. соч. Стр. 81.

379 Насонов А.Н. Указ. соч. Стр. 33 — 34.

380 Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992. Стр. 129.

381 ПСРЛ. Т. VII. Стр. 159.

382 Пашуто В.Т. Александр Невский. Стр. 110.

383 Костомаров Н.И. Указ. соч. Стр. 162.

384 ПСРЛ. Т. X. Стр. 138.

385 Татищев В.Н. История Российская. Кн. IV. Стр. 27.

386 Еще Н.А. Клепинин отмечал: «Татищев высказал предположение, что Сартак послал орду на Андрея по проискам св. Александра, обиженного неправильным разделом княжений. Карамзин считал это вымыслом Татищева». Позднейшие историки (например, Соловьев, Иловайский и др.) присоединяются к мнению Татищева, Беляев подверг этот вопрос особому исследованию (Беляев И.Д. Великий Князь Александр Ярославич Невский. // Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских. Кн. 4. М., 1849. С. 18.), придя к выводам, обратным мнению Татищева. На чем же основывается обвинение, выставленное Татищевым и поддержанное другими историками? На том, что св. Александр был в 1252 г. у Сартака (причем в летописи не указано — до, во время или после нашествия Неврюя), что он был обижен Андреем, что до нас дошли слова Андрея: «Доколе будем наводить друг на друга татар». Эти слова предполагают факт жалобы. Но от кого она исходила? На это нет указания и остается делать на этот счет предположения. Татищев, а затем и другие предполагают, что жалоба исходила от св. Александра. Между тем если сопоставить другие события того времени, то все данные побуждают дать на это иной ответ. В 1250 г. Андрей сел на Владимирское княжение, на котором до этого времени был его дядя Святослав Всеволодович. Суздальская летопись (ПСРЛ. Т. 1. С. 202) говорит об этом: «Прогна Андрей Святослава, а сам седе». Святослав поехал в Орду. Князь, управляющий своим княжеством, мог ехать в Орду только с жалобой. Единственной целью поездки Святослава в Орду могла быть жалоба на племянника и по-

пытка получить ярлык. По всей вероятности, у Святослава были сторонники в самом Владимире, которые и могли донести хану о замышляемом Андреем при поддержке Даниила Галицкого восстании, чтобы этим помочь своему князю вернуть княжение. Суздальская летопись относит смерть Святослава к 1252 г., т.е. как раз к году нашествия Неврюя. Таким образом, если Святослав и добился ярлыка на Владимирское княжение, то после бегства Андрея он не мог стать великим князем, и единственным преемником остался св. Александр. Поэтому если считать, что нашествие Неврюя было вызвано жалобой русского князя, то все данные указывают, что эта жалоба исходила от Святослава, а не от св. Александра.

- 387 Гумилев Л.Н. Указ. соч. Стр. 127. См. также: Гумилев Л.Н. Апокрифический диалог // Нева. 1988. № 3. стр. 204.
- 388 В связи с этим, митрополит Иоанн (Снычев) отмечал, что, возможно, именно «сам святой князь Александр обратил ко Христу сына всемогущего Батыя». «О переходе Сартака в христианство есть показания арабского историка аль-Джауздани, современника событий. По другим известиям, ордынский царевич был даже впоследствии рукоположен в сан диакона». См.: Иоанн (Снычев). Указ. соч. Стр. 138. Говорят о некоторой склонности Сартака к христианству (несторианству) и лично встречавшиеся с ним католические эмиссары Иоанн де Плано Карпини и Вильгельм де Рубруквис. См.: Плано Карпини И., Рубруквис В. Путешествие в восточные страны. Стр. 89, 113, 117. См. также: Орбели И.А. Асан Джалал, князь Хаченский. // Известия императорской Академии наук, 1909, № 6, 423, примечание 7.
- 389 Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики. Стр. 201.
- 390 Похлебкин В.В. Указ. соч. Стр. 144
- 391 «Тавасты» — так именовались в латинских хрониках представители финского племени емь.
- 392 Шаскольский И.П. Указ. соч. Стр. 204.
- 393 Там же. Стр. 206.
- 394 Лемрберг А.Х. О жилищах еми. — В кн: Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819. Стр. 134.
- 395 Чешихин Е.В. История Ливонии с древнейших времен. Том 1. Рига, 1884. Стр. 382.

- 396 Шаскольский И.П. Указ. соч. Стр. 209.
- 397 Там же.
- 398 Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Указ. соч. Стр. 134.
- 399 Новгородская первая летопись. Стр. 80.
- 400 Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200 — 1304. М., 1989. Стр. 156.
- 401 Новгородская первая летопись. Стр. 80—81.
- 402 Пашуто В.Т. Александр Невский. М., 1974. Стр. 119; Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Указ. соч. Стр. 135; Кучкин В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996, № 5. Стр. 28.
- 403 Шаскольский И.П. Указ. соч. Стр. 213 — 214.
- 404 Новгородская первая летопись. Стр. 81.
- 405 Каргалов В.В. Указ. соч. Стр. 101.
- 406 Увы, и в этом вопросе тоже далеко не все новгородские бояре поддержали Александра Невского, считая задуманный князем поход бессмысленным и бесперспективным.
- 407 Шаскольский И.П. Указ. соч. Стр. 217; Каргалов В.В. Указ. соч. Стр. 102.
- 408 Лерберг А.Х. Указ. соч. Стр. 140 — 142. См. также: Шаскольский И.П. Указ. соч. Стр. 118.
- 409 Новгородская первая летопись. Стр. 302.
- 410 Шаскольский И.П. Указ. соч. Стр. 217, Каргалов В.В. Указ. соч. Стр. 102.
- 411 Новгородские скоростные лыжи, найденные археологами в слое XIII века, были хорошо прогнуты, имели длину 192 см, ширину 8 см, толщину — 1 см, в месте крепления — 3 см.
- 412 Шаскольский И.П. Указ. соч. Стр. 217, Каргалов В.В. Указ. соч. Стр. 102.
- 413 *Historica Russiae monumenta*. Т.1. № 78.
- 414 Там же.
- 415 Рамм Б.Я. Указ. соч. Стр. 165 — 166.
- 416 Пашуто В.Т. Александр Невский. Стр. 108.
- 417 См.: Пашуто В.Т. Очерки истории... Стр. 273 — 274; Насонов А.Н. Монголы и Русь. Стр. 46—47.
- 418 Коваленский М.Н. Хрестоматия по русской истории. М.; Пг., 1922. Том 1. Стр. 114.
- 419 Костомаров Н.И. Указ. соч. Стр. 162.

- 420 Подробный разбор историографии этого вопроса см. в кн.: Пашуто В.Т. Очерки истории... Стр. 238.
- 421 Цитата по кн.: Пашуто В.Т. Очерки истории... Стр. 240.
- 422 Рамм Б.Я. Указ. соч. Стр. 167.
- 423 ПСРЛ. Том V. Изд. 2-е. Л., 1925. Стр. 238.
- 424 Там же.
- 425 Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Выпуск 1. М., 1995. Стр. 122.
- 426 Здесь уместно вспомнить, что знаменитая Ливонская война, ставшая, по словам историка, «делом всей жизни» Грозного, была начата Россией непосредственно потому, что, невзирая на все попытки Ивана Грозного наладить сотрудничество с европейскими странами, Запад в целом шел на это неохотно, опасаясь усиления Русского государства, а конкретно Ливонский орден в отношениях с Россией проводил политику ее фактической блокады. Реальность этой блокады с наибольшей яркостью проявилась в 1548 г., когда ливонцы сорвали план Ивана Грозного привлечь на русскую службу свыше ста человек западноевропейских специалистов — медиков, юристов, техников, завербованных агентом царя ганноверцем Гансом Шлитте, не пропустив их через свою территорию в Русское государство. См. Б е с т у ж е в - Р ю м и н К. Русская история. Стр. 230.
- 427 Похлебкин В.В. Указ. соч. Стр. 290.
- 428 Сага о Хаконе, сыне Хакона (Хаконе Старом), норвежском короле с 1217 по 1263 г., написана исландцем Стурла, сыном Торда, около 1265 года. Стурла был племянником известного историка Снорри. Для своей саги Стурла пользовался архивными документами, устными сообщениями Хакона и его сына Магнуса, к которым он был близок, а также других современников. Сага, написанная через несколько лет после смерти короля, носит вполне документальный характер. См. Ш а с - к о л ь с к и й И. П. Договоры Новгорода с Норвегией. // Исторические записки. Том 14. М., 1945. Стр. 56.
- 429 Там же.
- 430 Там же.
- 431 Шаскольский И. П. Указ. соч. Стр. 57.
- 432 Похлебкин В.В. Указ. соч. Стр.291.
- 433 Пашуто В.Т. Александр Невский. М., 1974. Стр. 123.
- 434 По свидетельствам многих средневековых восточных писате-

лей, Берке был первым золотоордынским правителем, принявшим ислам. Он обучался в Ходженте и знал Коран. См.: Насоно в А.Н. Монголы и Русь. М., 1940. Стр. 50.

435 См.: Насонов А.Н. Монголы и Русь. Стр. 12.

436 ПСРЛ. Т. 1. Стр. 474 — 475.

437 Как отмечает историк, проведение переписи монголами «находилось в известной связи с общеимперскими мероприятиями, предпринятыми в царствование императора Менгку (1251 — 1259), возведенного на престол после смерти Гуюк-хана. В Китае и в Трансоксиании (1250 — 1251), а вслед за тем и в Иране (1251 — 1252) был введен налог (в Трансоксиании и Иране он был поголовным), пропорциональный силам плательщиков. Решение о реформе податного дела повело за собой новые переписи в (Монгольской) империи. В 1252 г. была учинена перепись «народу китайских земель». В 1253 г., по возвращении из Монголии правителя Ирана Аргуна, произвели перепись в Иране. Одновременно решено было при дворе (императора) произвести перепись и в пределах России: в 1253 г., как сообщает официальная китайская история Юань-ши, император отправил Бицик-Берке сделать «исчисление» народу в России. Едва ли можно сомневаться, что это был тот самый Берке или Беркай, который, по словам Новгородской летописи, был одним из главных «численников», прибывших в 1258 г. (1259) в Новгород для переписи населения. В Юань-ши мы находим именно форму «бичже» в значении «секретарь». Армянский историк XIII в. Киракос (1201 — 1272) переводит «бичикчи» словом «писец». В Иране «битикчи» выступали при Гассане как раз в роли численников. В 1257 г., когда, согласно нашим летописям, приступили к переписи в России, император, по словам Юань-ши, назначил в Россию сына своего зятя — Китата на должность даругаци; в его обязанность в провинции, помимо общего надзора за ходом дел по праву хранителя печати, входили: перепись населения, сбор дани и доставка ее к имперскому двору. Наши сведения о том, как производили перепись, дают основания предполагать, что за единицу считали не мужскую голову, а дом или семейство подобно тому, как это издавна было принято в Китае». См. Насонов А.Н. Монголы и Русь. Стр. 12 — 14.

438 Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Т. VI. СПб., 1859. Стр. 448.

- 439 Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда. Л., 1937. Стр. 170 — 171, 173.
- 440 Скрынников Р.Г. Русь IX — XVII века. СПб., 1999. Стр. 120
- 441 Кривошеев Ю.В. Александр Невский и его время: Русь и монголы. — В кн.: Клепинин Н.А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб., 2004. Стр. 192.
- 442 Насонов А.Н. Указ. соч. Стр. 15 — 17, 145 — 146.
- 443 Насонов А.Н. Монголы и Русь. Стр. 20; Пашуто В.Т. Александр Невский. М., 1974. Стр. 129. К примеру, указывает А.Н. Насонов, «когда в 1273 г. новгородцы не пожелали принять на новгородский стол великого князя Василия Ярославича, поставленного на великое княжение ханом, баскаческие отряды приняли участие в военных экспедициях против Новгорода, в результате которых новгородцы принуждены были покориться». См.: Насонов А.Н. Указ. соч. Стр. 21.
- 444 Новгородская первая летопись. Стр. 309.
- 445 Костомаров Н.И. Указ соч. Стр. 166.
- 446 Пашуто В.Т. Александр Невский. М., 1951. Стр. 114.
- 447 Пашуто В.Т. Александр Невский. М., 1974. Стр. 130.
- 448 По выражению Л.Н. Гумилева — «дурак и пьяница». См.: Гумилев Л.Н. Указ. соч. Стр. 132.
- 449 Новгородская первая летопись. Стр. 309.
- 450 Новгородская первая летопись. Стр. 309. Историк Н.И. Костомаров не преминул едко заметить по сему поводу: «Такова была награда, какую получили эти защитники новгородской независимости в угоду поработителям от того самого князя, который некогда так блистательно защищал независимость Новгорода от других врагов». См.: Костомаров Н.И. Указ. соч. Стр. 166. Пусть читатель судит сам об объективности этой фразы...
- 451 Пашуто В.Т. Александр Невский. Стр. 114.
- 452 Новгородская первая летопись. Стр. 310. .
- 453 Там же.
- 454 См.: Костомаров Н.И. Указ. соч. Стр.167.; Пашуто В.Т. Указ. соч. Стр. 115. См. также: Новгородская первая летопись. Стр.310 — 311.
- 455 Новгородская первая летопись. Стр. 311.
- 456 Пашуто В.Т. Указ. соч. Стр. 131.
- 457 Гумилев Л.Н. Указ. соч. Стр. 131.

- 458 О чем с горечью говорит Галицко-Волынская летопись. См.: Древнерусские летописи. Перевод и комментарии В. Панова. Москва — Ленинград, 1936. Стр. 285. См. также: Грушевський І. Історія України — Русі. Стр. 83.
- 459 Как рассказывает галицко-волынский летописец, в 1254 г. к Даниилу прибыл посланник Иннокентия IV — легат Описо Моссанский, привезший ему знаки королевского достоинства — венец и скипетр. Даниил принял их на границе, в Дорогочине. При этом, указывает летописец, Даниил долго колебался принимать корону, опасаясь карательной реакции со стороны татар за свой союз с Западом. Но его окончательно убедила сделать этот шаг мать-монахиня, а также «ляшские князья» Болеслав и Земовит Мазовецкий, заявившие, что «мы ему в помощь против язычников». Как подчеркивает комментатор, в тот момент Даниил, возможно, рассчитывал также на ослабление татарской угрозы ввиду преждевременной дряхлости Батыя. Королевское венчание Даниила осторожно передано в летописи без всякого церковного конфессионализма, в выражениях полного нерушимого единения обеих церквей. Корона принималась Даниилом и от римского престола св. Петра, и от местных русских епископов. Но, опять же подчеркивает комментатор, помощь Запада князь Даниил не получит, уния не состоялась, за что он и был ПРОКЛЯТ преемником Иннокентия IV — папой Александром IV. Тем не менее до конца жизни Даниил Галицкий сохранил королевский титул. См.: Древнерусские летописи... Стр. 281, 377.
- 460 Похлебкин В.В. Указ. соч. Стр. 124.
- 461 См.: История Литовской ССР. Часть 1. Под редакцией Ю. Жюгждаа. Вильнюс, 1953. стр. 105. См. также: Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Выпуск 2. М., 1995. Стр. 328.
- 462 «Как правителя, — пишет историк, — Миндовга отличали хитрость и изворотливость. В 1250 г. он принял католичество, но «крещение его льстиво бысть», — говорит летописец. Через 10 лет Миндовг отказался от насильно навязанной ему религии и стал злейшим врагом крестоносцев и католиков». См.: Гумилев Л. Н. Указ. соч. Стр. 133.
- 463 Похлебкин В.В. Указ. соч. Стр. 238.
- 464 Папа Урбан IV, ввиду успехов восставших пруссов и литовцев в своей декабрьской 1261 г. булле жаловался: «Более всего плачевно то, что, как мы с большой печалью услышали,

очень много их (тевтонских рыцарей) неверующие в этих землях опять жестоко убили». Оплакивая гибель тевтонов, папа римский указывает, что сам руководитель крестоносцев и, как он выразался, «любимый сын церкви», «лично прибыл к апостольскому престолу с просьбой о помощи». Святейший отец назначил вармского епископа Анзельма своим полномочным легатом в Пруссии и поручил ему вербовать крестоносцев в помощь Тевтонскому ордену, подчеркивая, что каждое «решение, которое он объявит против мятежников», папа будет считать законным. См.: История Литовской ССР. Часть 1. Под редакцией Ю. Жюгждаа. Вильнюс, 1953. Стр. 108 — 109.

- 465 Похлебкин В.В. Указ. соч. Стр. 238.
- 466 Новгородская первая летопись. Стр. 311 — 312.
- 467 Похлебкин В.В. Указ. соч. Стр. 329 — 330.
- 468 Там же. См. также: Древнерусские летописи... Стр. 289.
- 469 Насонов А.Н. Монголы и Русь. Стр. 50 — 51. Любопытны следующие детали, приводимые А.Н. Насоновым по этому поводу. Историк пишет: «Первые годы владычества татар (на Руси) совпали с временем междоусобия в Монгольской империи, когда делами правила вдова императора Угедая Туракина. При дворе регентши стал пользоваться особым доверием магометанин Абдул-Рахман, прибывший первоначально в Монголию в качестве купца. В самом конце царствования Угедая ему, вопреки настояниям главного министра Елюй-Чуцая, был отдан на откуп сбор налогов в Северном Китае. При Туракине его поставили во главе управления финансами империи, и откупная система получила вслед за тем широкое применение; в правление Гуюка (1246 — 1248) большое количество купцов доставали разрешения на сбор налогов с провинций в виде платы за поставки на императора; а со смертью Гуюк-хана князь Чингисханиды давали полномочия на сбор налогов в Иране. Подобного рода способ сбора податей практиковался при Туракине и Гуюк-хане, по-видимому, и в пределах завоеванной России...» См. там же. Стр. 11.
- 470 Клепинин Н.А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб., 2004. Стр. 106.
- 471 ПСРЛ. Т. 1. Стр. 476; ПСРЛ. Т. XV. Стр. 402.
- 472 Костомаров Н.И. Указ. соч. Стр. 167 — 168.
- 473 ПСРЛ. Т. 1. Стлб. 476; .ПСРЛ. Т. VII. Стр. 162.
- 474 Клепинин Н.А. Указ. соч. Стр. 107.

- 475 ПСРЛ. Т. XXXVII. Л, 1982. Стр.70.
- 476 Егоров В.Л. Александр Невский и Золотая Орда. // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26 — 28 сентября 1995 г. Новгород, 1996. Стр. 58 — 59.
- 477 ПСРЛ. Т. V. Стр. 190. Но исторической объективности ради здесь следует отметить, что среди исследователей по данному вопросу существует и другое, совершенно противоположное вышеизложенному мнение, и читатель имеет право его знать. Так, опираясь на отдельные, довольно неясные сообщения источников (в частности, Устюжского летописца) о том, что сам Александр Невский рассылал по городам грамоты с призывом «татар побивати», историк А.Н. Насонов уже давно выдвинул предположение о том, что князь Александр вовсе не был до конца покорным вассалом Орды. Что он чуть ли не сам организовал восстание 1262 г., надеясь при этом сыграть на противоречиях между Каракорумом и Сараем. Поддерживают в целом данную точку зрения и современные историки А.Н. Кирпичников, В.А. Кучкин и Ю.В. Кривошеев (См.: Кирпичников А.Н. Александр Невский: между Западом и Востоком // Вопросы истории. № 11 — 12. Стр.118; Кучкин В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. Стр. 29; Кривошеев Ю.В. О средневековой русской государственности (к постановке вопроса). СПб., 1995. Стр. 43). Словом, как заключает еще один современный исследователь Р.А. Соколов, «единодушие по данному вопросу не достигнуто» . (См.: Соколов Р.А. Александр Невский: панорама новейших мнений // Клепинин Н.А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. Стр. 272.)
- 478 ПСРЛ. Т. V. Стр. 191.
- 479 См., например: Бегунов Ю.К., Кирпичников А.Н. От редакторов. // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. // Под редакцией Ю.К. Бегунова и А.Н.Кирпичникова. СПб., 1995. Стр. 8; Кирпичников А.Н. 750-летие Невской битвы и ее историческое значение // Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. // Отв. ред. Ю.К. Бегунов и А.Н. Кирпичников. СПб., 1995. Стр. 50; Кирпичников А.Н. Александр Невский: между Западом и Востоком // Вопросы истории. № 11 — 12. Стр.118.
- 480 ПСРЛ. Т. V. Стр. 191.

- 481 ПСРЛ. Т. VII. Стр. 164.
- 482 Новгородская первая летопись. Стр. 297.
- 483 Клепинин Н.А. Указ. соч. Стр. 110.
- 484 Сохранилось и еще одно предание о князе-заступнике, который даже после смерти продолжал оборонять Русь. Согласно этому преданию, во время нашествия на Москву крымского хана Девлет-Гирея один из иноков, по имени Алексей, страстно молился у гробницы Невского об избавлении Руси от татар. И в какой-то момент он увидел двух всадников в светозарных одеждах, таких, какими на иконах изображали святых Бориса и Глеба. «Встань, брат Александр, — позвали всадники, — поспешим на помощь сроднику нашему, царю Иоанну, коему ныне предстоит брань с иноплеменниками». Александр встал, а святые братья заговорили вновь: «Пойдем ко Пресвятой Богородице, к сродникам нашим великим князьям Андрею, Всеволоду, Георгию, Ярославу, дабы и они с нами подвиглись на помощь». Далее монах рассказывал, что все — и Борис, и Глеб, и Александр — чудесным образом высоко перенеслись на своих конях через городские стены и стали невидимы. Той же ночью татары сняли осаду Москвы, уйдя назад в Крым.
- 485 Кожин В.В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. М., 1997. Стр. 389. Кстати, тот же автор упоминает по данному поводу и еще один очень красноречивый факт: в числе приближенных Дмитрия Донского был перешедший на русскую службу татарский царевич из рода Чингизидов — Серкиз, и именно сын этого царевича — Андрей Серкизов. — командовал одним из шести русских полков, пришедших на Куликово поле... (См. там же. Стр. 72.)
- 486 Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской Церкви. Сергиев Посад, 1894. Стр. 64—65.
- 487 Тойнби А. Постигание истории. Стр. 146—147. Развивая теорию исторического «Вызова — Ответа», А.Тойнби, в частности, пишет: «Каковы последствия неожиданных ударов со стороны внешнего человеческого окружения? Остается ли здесь справедливым утверждение «чем сильнее вызов, тем сильнее стимул»? Что происходит, когда строители империи оказываются поверженными на полпути? Впадают ли они в прострацию, лишившись воли к борьбе? Или, подобно великому Антею из эллинской мифологии, припав к Матери-земле, удваивают силу, страсть и волю к победе? А может быть, сдаются на милость победителя? Или они реагируют на бес-

прецедентно сильный удар столь же сильным взрывом целенаправленной энергии? История свидетельствует, что чаще всего потерпевший выбирает второй вариант...» Там же. Стр. 144 — 145.

488 Там же. Стр. 151 — 152.

489 Кожин В.В. Указ. соч. Стр. 414.

490 Тойнби А. Указ. соч. Стр. 152.

491 Граница Руси с Литвой и Польшей передвинется в течение этого времени с Западной Двины и Западного Буга до Верхней Волги и Верхней Оки на 600—800 километров!! См.: Кожин В.В. Указ. соч. Стр. 414.

492 Новгородская первая летопись. Стр. 291.

493 Шенк Фритьоф Беньямин. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263 — 2000). // Авторизированный перевод с нем. Елены Земсковой и Майи Лавринович. М.; Новое литературное обозрение, 2007. Стр. 592.

494 Там же. Стр. 5.

495 Там же. Стр. 8.

496 Там же. Стр. 9.

497 Там же. Стр. 500.

498 Там же. Стр. 501.

499 Там же. Стр. 102 — 103.

500 Там же. Стр. 501.

501 Там же. Стр. 502.

502 30 августа 1721 г. между Россией и Швецией был подписан Ништадтский мирный договор. Так, полагает Ф.Б. Шенк, «Петр I стремился объединить память об Александре Невском с памятью о себе и о собственных исторических заслугах...». — См.: Шенк Ф.Б. Указ соч. Стр. 156.

503 Там же. Стр. 504.

504 Там же.

505 По этому поводу Ф.Б. Шенк, в частности, пишет: «Решение вновь выдвинуть фигуру Александра Невского как позитивную фигуру интеграции было принято не позднее второй половины 1936-го. Оно стало частью масштабной переоценки дореволюционной отечественной истории в рамках идеологии советского патриотизма, получившей распространение с середины тридцатых годов. ... Князь был реабилитирован как политик и полководец, чьи заслуги заключались в «борьбе за

свободу и независимость Родины». Реабилитацию Александра Невского следует рассматривать в первую очередь в связи с захватом власти национал-социалистами в Германии и развитием антифашистской пропаганды в Советском Союзе». См.: Шенк Ф.Б. Указ. соч. Стр. 279, 282.

506 Там же. Стр. 338 — 339.

507 Там же. Стр. 35 — 36.

508 Там же. Стр. 40.

509 Там же. Стр. 42.

510 Там же. Стр. 41.

511 Там же. Стр. 46.

512 Там же. Стр. 46—47.

513 Имеются в виду призывы римских пап Григория IX и Иннокентия IV к «крестовым походам против языческих и схизматических народов Северной и Северо-Восточной Европы» (См. там же. Стр. 44).

514 Там же. Стр. 44.

515 Там же. Стр. 107.

516 Там же. Стр. 105.

517 Там же. Стр. 110.

Оглавление

К истории вопроса	5
Глава I. DRANG NACH OSTEN	16
Глава II. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ — КАК ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЭКСПАНСИИ КАТОЛИЧЕСКОГО ЗАПАДА	44
Глава III. УСИЛЕНИЕ АГРЕССИИ ЗАПАДА	98
Глава IV . ВНУТРЕННИЙ КРИЗИС РУСИ И ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ	145
Глава V. НА ВЫЖЖЕННОМ ПЕПЕЛИЩЕ...	165
Глава VI. ЗА ДРУГИ СВОЯ И ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ...	202
Глава VII. ПОДВИГ СМИРЕНИЯ	234
Вместо заключения	248
Когда книга была уже написана...	254
Примечания	269

Наталия Пронина

**АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ
ИЛИ ПРЕДАТЕЛЬ?**

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Е. Мельникова*
Корректор *Е. Чеплакова*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, г. Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.12.2007.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Коринна». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 16,8. Тираж 5100 экз.
Заказ № 2675

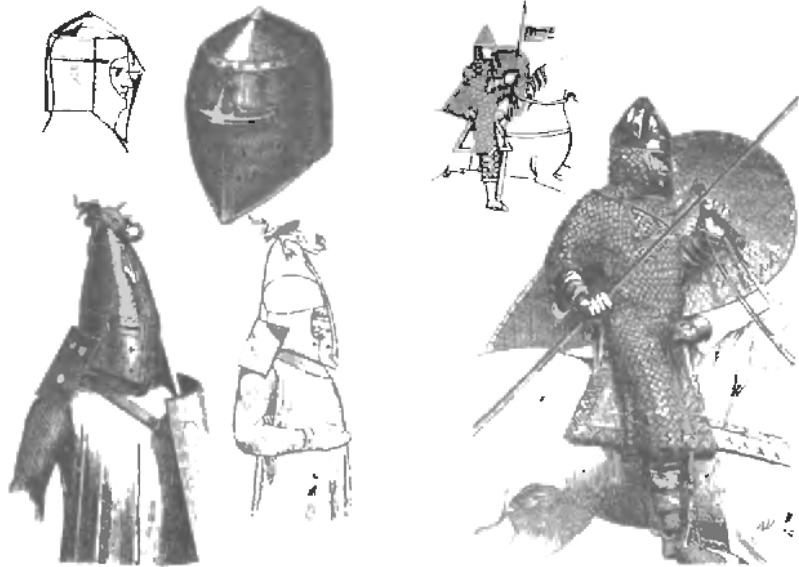
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Александр Невский

Плакат времен Великой Отечественной войны

Большой рыцарский шлем.
XIII - XV вв.

Западноевропейский рыцарь

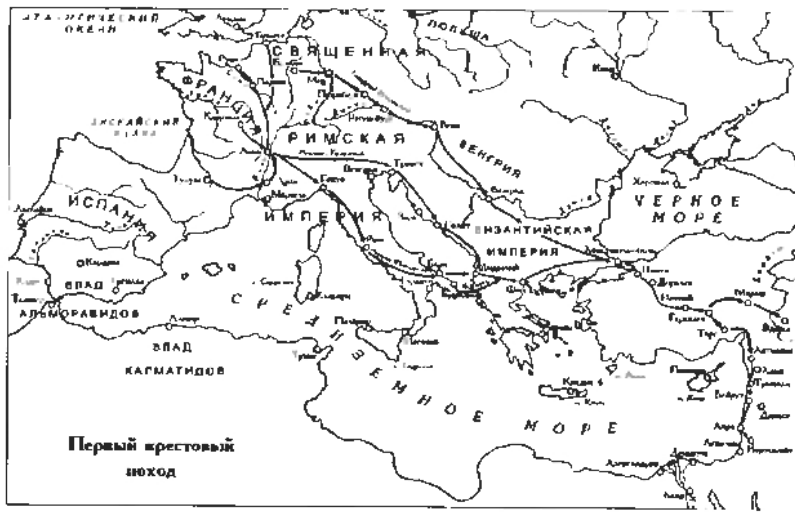
Западноевропейские закрытые шлемы

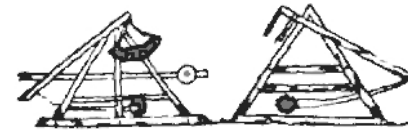
Вооружение русских воинов

Крестоносец XIII - XIV вв.

Первый крестовый поход

Метательная машина монголов

Четвертый крестовый поход

Монгол

иже седи на троне иже седи на троне
иже седи на троне иже седи на троне
иже седи на троне иже седи на троне
иже седи на троне иже седи на троне
иже седи на троне иже седи на троне
иже седи на троне иже седи на троне
иже седи на троне иже седи на троне
иже седи на троне иже седи на троне
иже седи на троне иже седи на троне
иже седи на троне иже седи на троне
иже седи на троне иже седи на троне

Миниатюра из древнерусской летописи

Монгольская юрта

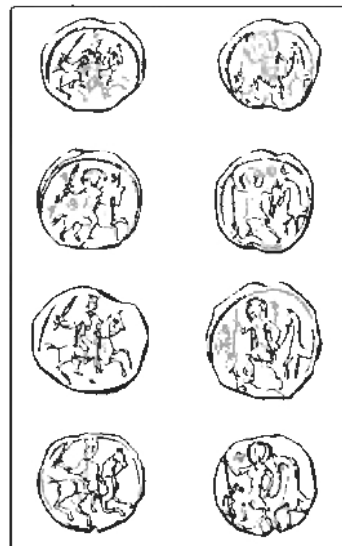
Монгол верхом на коне

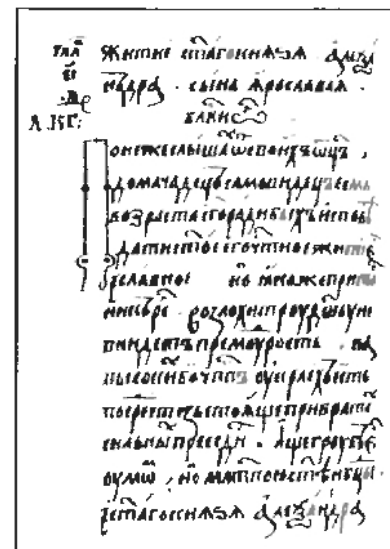
Никита Акоминат (Хониат)

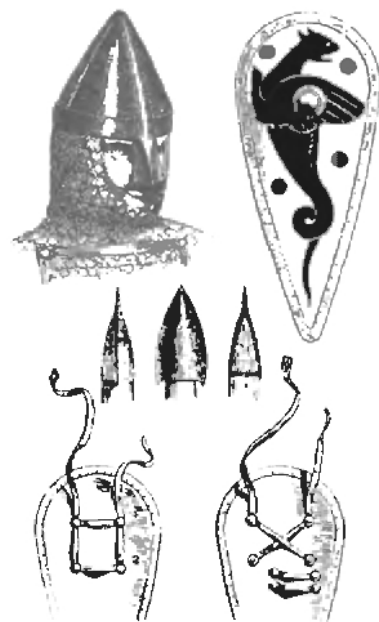
Новгородское вече. Кадр из к/ф «Александр Невский»

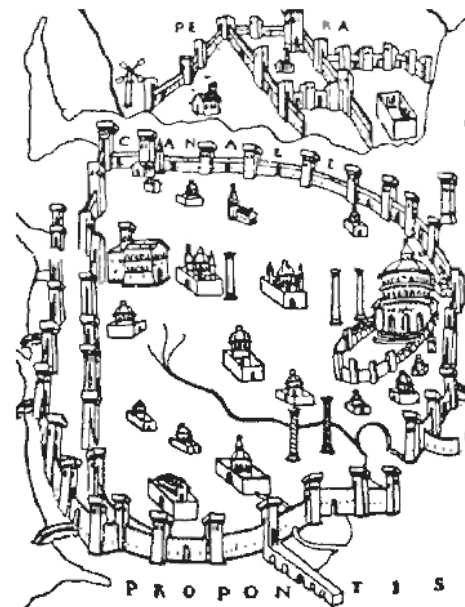
Печати Александра Невского

Первая страница «Жития
Александра Невского»

Нормандский рыцарский конический шлем

План Константинополя

«Александр Невский принимает папских легатов»

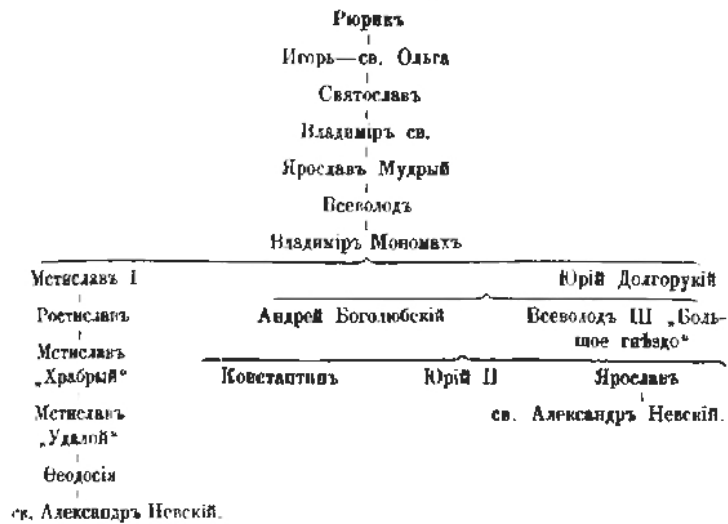

Рождественский собор в Суздале

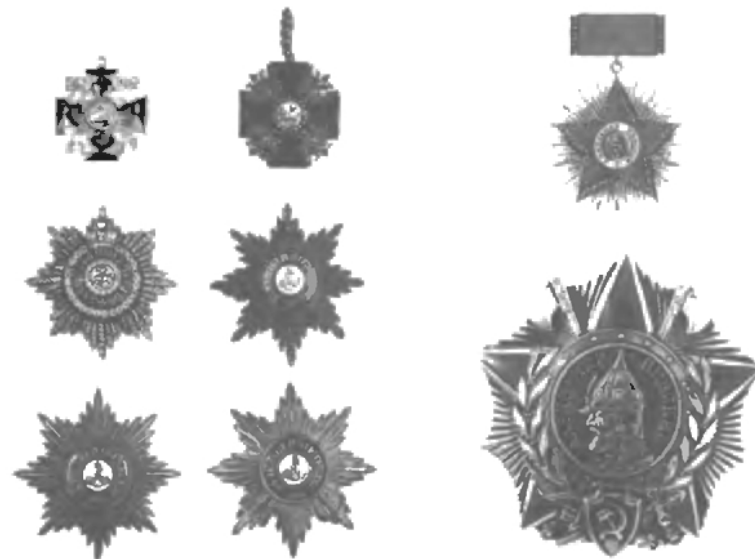

Русский всадник

Родословная Александра Невского.

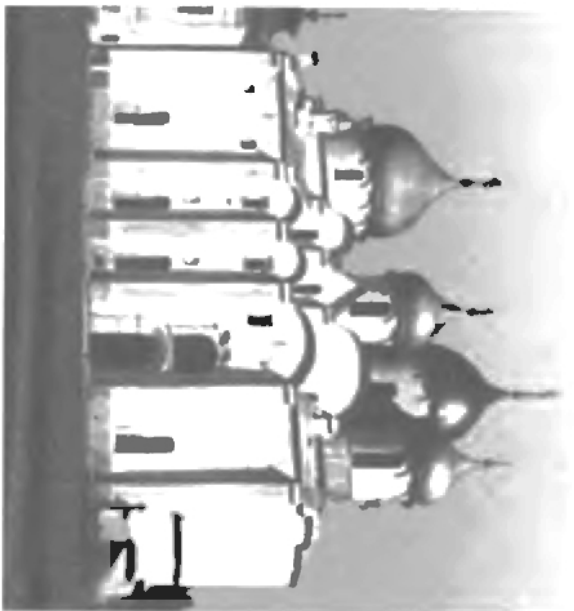

Родословная Александра Невского

Орден Св. Александра Невского

Советский орден Александра Невского

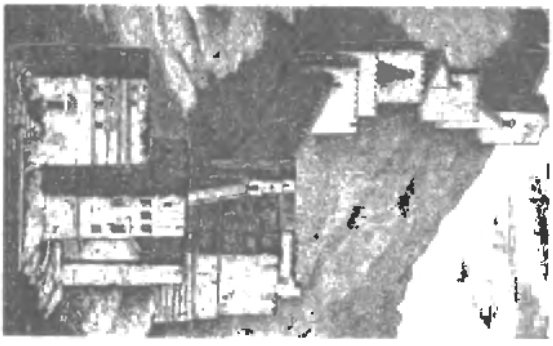

София Новгородская

Шнег

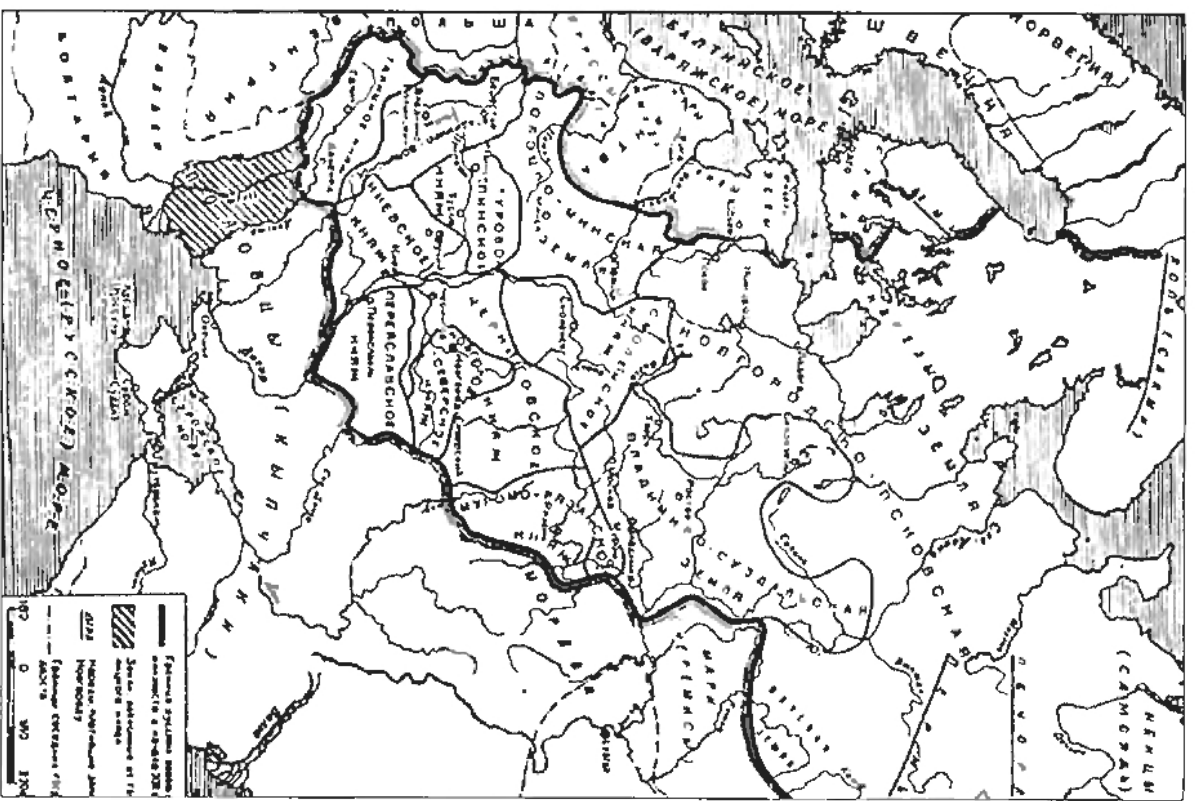
Исторический очерк Новгородской Софии
 М. С. Соловьев

В начале 1150-х годов в Новгородской Софии был построен новый собор, который и сохранился до наших дней. Этот собор был построен на месте старого, который был разрушен в 1156 году. Новый собор был построен в стиле новгородской архитектуры, который отличался простотой и строгостью. Собор имеет пять глав с пятью куполами, что является характерной чертой новгородской архитектуры. Собор был посвящен Преподобному Сергию Радонежскому, который был почитаем в Новгороде как великий святой. Собор был построен в память о победе новгородцев над печенегами в 1156 году. Собор был построен в 1156 году князем Всеволодом II Штормовым. Собор был построен в 1156 году князем Всеволодом II Штормовым. Собор был построен в 1156 году князем Всеволодом II Штормовым.

Страница древнерусской летописи

Укрепления Алтоны

Русь на рубеже XIII в.

Святая земля

Храм Александра Невского в Вышгороде

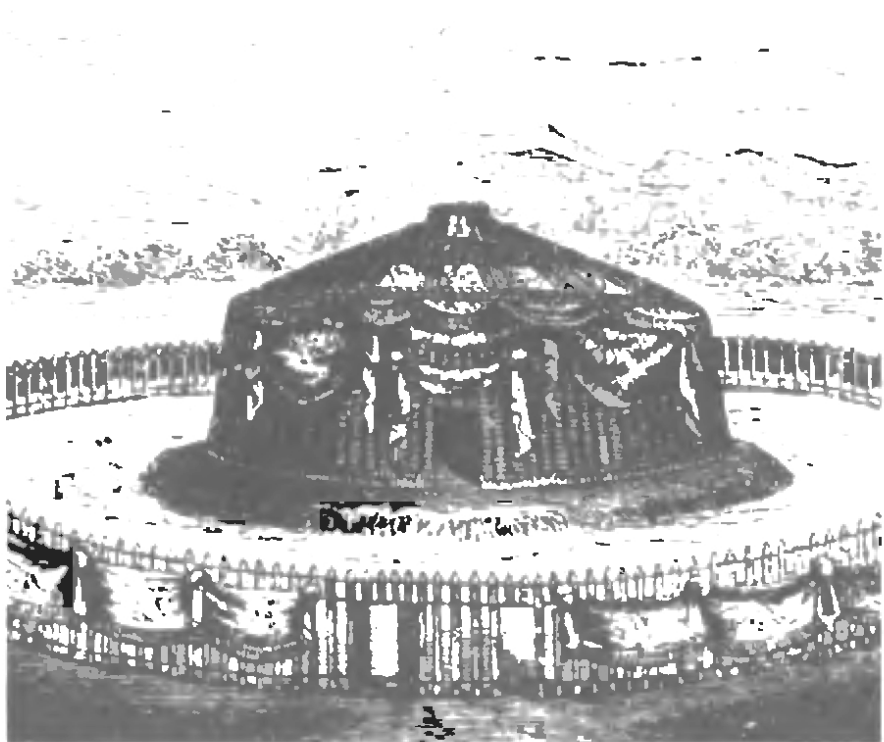
Секира и боевой топор

Шлем князя Ярослава
Всеволодовича

Серебряный фонтан во дворце Мункэ-хана

Юрта Чингисхана

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Народ, неспособный защитить свое прошлое, теряет будущее.

Не случайно распад СССР начался с очернения отечественной истории. Были растоптаны многие национальные святыни, оболганы национальные герои. Ложь проникла даже в школьные и университетские учебники. Не избежал ее и Святой Благоверный князь Александр Невский.

Был ли Александр Ярославич первым на Руси «предателем-коллорационистом», как утверждают некоторые историки?

Верно ли, что он «попрал русскую свободу», войдя в «преступный сговор с Батыем» и встав на путь «позорного подчинения азиатским завоевателям»?

Наталия Пронина убедительно доказывает, что все эти обвинения насквозь лживы. На страницах ее книги во всем величии своего подвига предстает великий воин и смиренный пред Богом страстотерпец за Русь, зовущий к Борьбе и Жертве, каким князь Александр был всю свою недолгую жизнь и каким навеки остался в памяти русского народа.

ISBN 978-5-699-25630-3

9 785699 256303 >